

И. ЛИКСТАНОВ

Малышок

Детизиз. 1959

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

И. ЛИКСТАНОВ

Мамышук

Рисунки В. Винокура

Государственное Издательство
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства Просвещения РСФСР

Москва 1959

И. И. Ликстанов

Шла Великая Отечественная война. Тяжко билась с врагами наша Родина, на сотни километров держала она свои боевые фронты. Наши отцы, наши братья дрались с фашистами, не щадя жизни, отстаивая советскую землю, ее свободу и независимость.

Об этих суровых и героических днях написано много книг: об отважных партизанах, о смелых разведчиках, о наших победоносных полках и дивизиях, освобождавших города и страны...

Книга Иосифа Исааковича Ликстанова «Малышок» тоже повествует о военных годах. Но не о героях Советской Армии рассказывает здесь автор, а о фронте труда, о тех, кто в полную меру, а иногда и сверх меры своих сил в эту тяжелую годину работал в глубоком тылу,— об уральцах, поставлявших бойцам орудия, танки, самолеты...

Костя Малышев, по прозвищу «Малышок», пришел на завод еще совсем неопытным деревенским парнишкой, учеником ФЗУ. Трудно ему было на заводе, ничего не знающему, ничего не умеющему. Он тосковал среди незнакомых людей; родная тайга диким лосем подходила к заводским корпусам, зазывая Малышка обратно, домой... Но воля, упорство, дружба товарищей, а самое главное, страстное желание сделать для фронта все, что

сможет, помочь Родине в ее трудные дни заставило Малышка остаться на заводе.

Характер Малышка, неуклюжего, неразговорчивого, но волевого и доброго сердцем человека писатель сумел показать в повести так ярко, что этого парнишку уже никогда не забудешь. Малышок — из тех героев, которые и не думают, что они герои, да и не это для них важно. Они делают свое дело так хорошо, как могут, а могут они, оказывается, много. В характере и способностях таких людей, скромных и внешне незаметных, раскрывается вдруг столько возможностей, что они становятся вожаками, идут впереди и уже других ведут за собой. Таким вот оказался и Малышок.

Создав запоминающийся образ рабочего-подростка, которому пришлось стать к станку и изготавливать детали для орудий, потому что взрослые ушли воевать, писатель одновременно развернул перед читателем жизнь и работу большого номерного завода — суровую, напряженную, волнующую жизнь, идущую на одном дыхании с фронтами войны. В другой своей повести, «Зелен камень», И. И. Ликстанов описывал грозную атмосферу тех дней, когда «в зрительных залах клубов шумели станки, на газонах лежали заготовки и пушисто круглились вороха блестящей стружки». По дорогам «тягачи тащили вереницы зениток, только что выпущенных из цехов, грузовики увозили авиабомбы в решетчатых ящиках, пробегали танки со свежими ожогами электросварки на бортах».

Это был тот год, который окончился Сталинградской битвой.

Ликстанов хорошо знал и горячо любил Урал — этот необыкновенный край, где «слилось дыхание большой индустрии и природы», любил его мужественных людей.

Родился он на Украине, в городе Сумы, в 1900 году. Отец его был портной. Он умер, когда мальчику не было

года. Осталась большая семья. Мать ходила по стиркам, отпускала обеды, делала что могла, лишь бы вырастить детей.

Дети рано начали зарабатывать себе хлеб: кто выучился портняжить, кто пошел работать помощником аптекаря...

Иосифу Исааковичу все же удалось кончить высшее начальное училище. Он поступил было в Сумское коммерческое училище, но началась революция — и молодой Ликстанов стал журналистом. В годы гражданской войны он работал в газетах «Коммуна», «Красная звезда», «Коммунист»...

В те годы Ликстанова тянуло к морю. Корабли, дальние плавания, своеобразный быт моряков — все это волновало его своей романтикой и необычностью. Он почти десять лет работал моряком-газетчиком — в Мариуполе, в Одессе, в Севастополе, в Ленинграде. Тут он написал и свои первые морские рассказы.

Многолетний опыт журналистской работы позволил И. И. Ликстанову накопить обширный материал, который он с большим мастерством обобщил и художественно воплотил в своем последнем произведении — романе «Безымянная слава», вышедшем уже после смерти писателя.

В центре романа — молодой журналист-комсомолец Степан Киреев. Образ Степана привлекает своей неподкупностью, чистотой коммунистических убеждений, которые ему приходится в первые годы советской власти отстаивать в столкновениях с людьми, живущими по законам буржуазной морали.

В 1930 году Ликстанов демобилизовался из Красного Балтийского флота, уехал на Урал и остался здесь навсегда.

Восемнадцать лет он работал в свердловской газете

«Уральский рабочий». Восемнадцать лет ездил по всему горнозаводскому Уралу.

Ликстанов написал много очерков о людях Урала, об их большом труде, об их жизни... Здесь он создал свою первую повесть для детей «Красные флажки», или, как она потом стала называться, «Приключения юнги». Но эта повесть была сделана по давно готовым записям газетчика-моряка, она была как воспоминание о его прежней жизни на бортах советских кораблей...

И уже в полную силу своего ясного, доброго таланта Иосиф Исаакович Ликстанов написал свою вторую книгу — «Малышок». Тут уже чувствуется уверенная рука писателя, его глубокое и разностороннее знание мощной индустрии Урала, знание людей, управляющих этой индустрией, и его глубокое, сердечное уважение к этим людям.

Писатель был влюблен и в природу Урала, суровую, прекрасную, своеобразную. Он не раз пробирался горными тропами, и ему казалось, что лежащие внизу долины, залитые солнцем, сверкают металлами и самоцветами зеленых недр. И среди них «струила золотые блески речушка, а у камней вода разливалась озерками блестящего и мерцающего серебра».

Ходил он и по логам, повитым «легким туманом, который держится над болотистой тайгой даже в ветреные дни».

Он знал и болота тайги, заросшие стрелолистом, где пролегают тропинки к заброшенным шахтам; он слышал, как в душных таежных дебрях раздавался «глухой, медлительно-важный шум хвои...»

Может быть, этой суровой природой и этими старыми шахтами навеяна его книга «Зелен камень» — книга о том, как советские инженеры восстанавливали заброшенные, взорванные шахты и как бывшие владельцы этих шахт старались вредить и мешать им.

Эта повесть увлекательна. Она вся дышит зеленой уральской тайгой; в ней хранятся отблески подземных сокровищ Урала.

Неисчислимы богатства раскрыл Урал перед восхищенными глазами писателя. И бескрайные разработки железной руды, и медные рудники, «похожие на укрепления гигантов», и мощные разрезы, где добывается асбест... Он спускался в шахты каменноугольного Кизела, ходил по подземным лабиринтам Нижнего Тагила, Невьянска, Турьинских рудников — всюду, где человеческая рука добывает эти богатства. Он проследил всю историю горняцкого труда.

О богатстве уральских недр и людях Урала Иосиф Исаакович Ликстанов особенно красочно рассказал в книге «Первое имя». Какие раздолья Урала, какое высокое мастерство горняцкого труда раскрывает эта книга! Какая увлекательная, полная событий и чувств жизнь героев — и подростков и взрослых — проходит перед глазами читателя!

Зримо, образно рассказывает Ликстанов о работе горняков, увлекая читателя романтикой большого труда.

И ребята, конечно, тут. Они лезут в забои к отцам, они следят за показателями соревнующихся мастеров, они добывают глыбу малахита для Доски почета, на которой первым должно быть написано имя победителя. Они ссорятся и мирятся, переживают много горестей, а еще больше радостей; кипучие характеры их неумны. Сложными путями приходят к дружбе Паня Пестов и Гена Федрюстов, долгое время враждовавшие между собой. Особое уважение и героев книги и читателя завоевывает Федя Полукрюков, сильный, добрый, справедливый. Нельзя остаться равнодушным и к суетливому, азартному Вадику, вечному спорщику и забияке...

Книги Иосифа Исааковича Ликстанова нельзя не любить.

Эти книги тепло, искренне рассказывают юному читателю о красоте нашей земли, о доблести свободного труда, о лучших людях рабочего класса. Эти книги написаны сердцем умного и доброго человека, потому они и идут прямой дорогой к сердцу читателя.

Осенью 1955 года Иосиф Исаакович Ликстанов умер. Он рано ушел с вахты и много «недодал на-гора». Еще столько книг мог бы дать его окрепший, развернувшийся талант!

Но и те книги, которые он нам оставил, сохраняют нашу любовь к писателю и нашу память о нем.

Л. Воронкова.

Ч А С Т Ь

П Е Р В А Я

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Голубые

автобусы

Положив узелок на колени, мальчик сидел под колоннами вокзала и смотрел... Подъезжали красивые автомобили, хлопали дверцами и уступали место другим машинам, еще красивее. Вагоны трамвая уходили от вокзала переполненные. Громкий голос радио время от времени раздавался над головой мальчика. Такой же голос, но только потише, он не раз слышал на руднике, в клубе старателей.

В другое время все это было бы очень занятно, но не сейчас. Холодный ветер срывал с туч капли дождя, короткий бушлатик и брюки из легкой серенькой материи защищали плохо, и мальчик съежился, соединив рукава муфточкой, стараясь согреть озябшие руки. Едва ли он спрашивал себя, что делать: делать было нечего.

Радио сообщило, что поезд отправился дальше. Как только привокзальная площадь успокоилась, к мальчику подошел милиционер. Он уже знал, что случилось, и был недоволен поведением маленького путешественника.

— Как же это ты так опростоволочился, коли не врешь? — сказал он укоризненно. — Едешь к дяде на ура, Деньги и документы по-глупому в чемодане держишь. Дядю не застал, чемодан пропал, и вот ты в пиковом по-

ложении, коли не врешь... Ладно, посиди здесь, а потом сержант сведет тебя куда надо.— И, сделав налево кругом, милиционер зашагал дальше по мокрому блестящему асфальту.

Если бы маленький путешественник был смелее, он спросил бы, что означает туманное «куда надо», но в этот день он потерял всю смелость, и его лицо было ничуть не веселее сумрачного неба, с которого все сыпалась и сыпалась мелкая холодная водяная пыль.

Вдруг он встрепенулся. К вокзалу один за другим подкатили три автобуса, голубые, как чистое летнее небо. В ту же минуту из-за угла хлынула шумная волна ребят с чемоданами, баулами и рюкзаками. Многие были одеты в черные шинели, а были одетые совсем по-домашнему. Все они суетились, будто каждый хотел сразу сесть в два автобуса. Распоряжался посадкой полный высокий старик в черном бушлате и маленькой кепке.

— Галчата, галчата, всем места хватит! Не толкайся, галчата!— весело покрикивал он.

— Порядок, эй, порядок!— помогая ему, солидно повторял милиционер.

Когда посадка благополучно кончилась, милиционер взял под козырек, сказал старику несколько слов, кивнул в сторону нашего маленького знакомого, и старик подошел к мальчику.

— Сколько лет?.. Грамотный?.. Хочешь на завод, чем так болтаться? — быстро спросил он и, не дожидаясь ответа, схватил мальчика под руку и посадил на ступеньку автобуса.

Ребята в автобусе зашумели: «Этот не из нашей группы!» — но старик второпях ответил: «Ладно, подойдет без группы», дверца сама собой закрылась, машина качнулась, и новый пассажир, потеряв равновесие, опустился на мягкое кожаное сиденье. Вокзал со своими колоннами плавно завернул за автобус и стал удаляться. За окнами,

покачиваясь, плыли большие дома, навстречу катили трамвайные вагоны. Беспокойные пассажиры автобуса протирали рукавом запотевшие стекла и смотрели.

— Однако большой городишко!— одобрительно заметил паренек в черной шинели.

— Ничего подобного,— тотчас же возразила девочка, сидевшая впереди.— Наш Днепропетровск гораздо больше.

— А ты чем его мерила — своей косичкой? Воображаю, сколько лет возилась!— усмехнулся паренек и тут же спросил у своего неподвижного соседа:— А ты тоже эвакуированный или с неба свалился?

— Уральские мы, из Румянцевки,— хрипло ответил мальчик, напряженно глядя прямо перед собой.

— «Мы» в единственном числе или во множественном?— поинтересовался подросток и не получил ответа, так как его попутчик не разобрался в этой премудрости.— Как тебя зовут?

— Малышев Константин Григорьевич,— внятно проговорил мальчик, не изменив направления взгляда.

— Какой ты Малышев! Ты Малышок, ростом с вершок, да и то по большим праздникам!— И веселый сосед дружески толкнул Костю локтем.

На Костю смотрели узкие смеющиеся глаза, освещавшие худошавое загорелое лицо с немного расщепленным носом, и он в ответ невольно усмехнулся своему новому товарищу.

— Однако мы, наверное, никогда не приедем! — спохватился подросток и крикнул:— Ребята, наш автобус заблудился!

Ребята засмеялись, кто-то мяукнул лучше настоящей кошки, а девочка из Днепропетровска презрительно отметила:

— Миша Полянчук продолжает глупо острить.

— Кажется, она намекает на меня!— обрадованно до-

гадался сосед Кости.— Миша — это я. Полянчук — определенно я.

Так Костя Малышев узнал имя и фамилию своего соседа, который ему сразу понравился, потому что держался не гордо, хотя был года на три старше Кости.

„Ну и ворона!“

Автобусы остановились возле белого двухэтажного дома на окраине, и приезжие набились в большую натопленную комнату. Шум, смех, толкотня. Но в этой суматохе Миша чувствовал себя как рыба в воде. Он пробрался в угол, поставил на пол зеленый сундучок и оглянулся.

Всем своим видом Костя показал, что он очутился возле Миши случайно, хотя это было вовсе не так — он не решился упустить из виду своего единственного знакомого. Миша без лишних слов оказал ему великодушное покровительство.

— Сядь на сундучок и сиди, как приклеенный,— сказал он.— А я посмотрю, что тут делается.

В комнате было шумно. Время от времени из дальнего угла доносился женский голос:

— Тише, тише, ребята! Вот навезли шуму-то!

Костя продолжал смотреть прямо перед собой, будто все это не имело к нему никакого отношения. Вдруг он сглотнул слюну. Рядом на фанерном бауле сидел мальчик ненамного старше Кости, с продолговатым бледным лицом и темными задумчивыми глазами. Он завтракал, откусывая от толстого ломтя хлеба и тонкой пластиночки сала.

Только сейчас Костя почувствовал, как он голоден и как неопределенно его будущее. К счастью, из толпы вынырнул Миша,

— Пошли оформляться, Малышок!— озабоченно проговорил он, достав клеенчатый бумажник.— Дай-ка твои документы.

— У меня нет,— с трудом ответил Костя.

— Как это «нет»? Нужны документы, понимаешь, чтобы было написано, кто ты. А то, может быть, ты кто-нибудь другой.

— Я не другой,— возразил обеспокоенный Костя.— У меня метрика была в чемодане... Я в вагоне заснул... а он пропал.

— Поздравляю! Ну и ворона! Кто же документы в чемодане держит? Чудак!— Миша призадумался и решил:— Все равно пойдем. Скажешь, что документы потерял в пути. Ты ведь хочешь устроиться на завод? Вот и скажи. Может быть, примут.

За деревянным некрашеным барьером сидели две женщины. Та, что постарше, отыскивала в списке фамилии приезжих и говорила женщине помоложе: «Выдайте этому», и «этот», другой, третий получали все, что полагалось.

— Держи крепче,— повторяла женщина.— Хлебная карточка, продуктовая карточка, талоны на добавочный хлеб, пропуск в столовую. Распишись. После бани и обеда пойдешь устраиваться в общежитие. Следующий! Держи крепче...

— А этот все документы потерял,— сказал Миша, поставив своего подшефного возле барьера.— Он к нам в пути пристал и не отстал. Его к нам тот старый человек посадил, который эвакуированных ребят на вокзале встретил...

— Бабин Герасим Иванович,— подсказала женщина — Ну, тогда все в порядке... Постой, постой, а почему этот мальчик такой маленький? — удивилась она, так как Костю почти не было видно за барьером.— Сколько ему лет?

— Он не маленький, он только коротенький,— с самым серьезным видом объяснил Миша.— Ему исполнилось неполных пятнадцать лет в прошлый вторник. Я точно знаю.— И он подмигнул ребятам, стоявшим в очереди.

— Не дурачься,— сказала женщина, невольно улынувшись.— Здесь не цирк, а отдел кадров... Ты, мальчик, аккуратно заполни эту анкету и отдай мне.

Анкета Кости Малышева

Личный листок по учету кадров содержал очень много вопросов. Миша помог Косте устроиться на подоконнике и сунул в руку огрызок чернильного карандаша:

— Пиши: «Малышев Константин...» Как там дальше?

Прикусив нижнюю губу и покраснев, Костя принялся выводить фамилию.

— Извиняюсь, гражданин, вы же неграмотный!— догадался Миша.

Это было не совсем правильно. Костю можно было считать грамотным человеком, но в зависимости от времени года он писал то лучше, то хуже. К концу учебного года у него получалось неплохо, а к началу школьных занятий руки, огрубевшие за лето в работе, выводили каракульки.

— Вижу, какой ты грамотей! Говори, а я буду писать.— Отобрав у Кости карандаш, Миша задал первый вопрос:— Ты мальчик или девочка?

— Будто сам не видишь!— обиделся Костя.

— Так и запишем: «Девочка, нос немного сапожком, глаза серые, на щеке ямка, на подбородке еще одна»,— забормотал Миша, но, конечно, написал правильно, что Костя мальчик.— Где родился?

— Сначала родился в Ивделе, а потом с Митрием поехал жить в Румянцевку. Там близко...

— Национальность твоя — русский?

— Русские мы, ясно... А у нас и маньси-вогулы есть.

— При чем тут маньси? Зачем ты меня путаешь?

Конечно, маньси были ни при чем, и Костя шмыгнул носом.

— Чем родители занимались?

— Батя когда-сь золото мыл.

— Много намыл? Пуд или вагон?

— Что ты — пуд! Ему форта не было. Мне и то боле везло.

— А там у вас золота много?

Этот вопрос задал паренек с бледным лицом, тот, который только что жевал хлеб. Его темные глаза, устремленные на Костю, стали очень большими и светились любопытством.

— Не мешай, золотоискатель!— сказал Миша.— Видишь, люди делом заняты.

Они вернулись к анкете. Оказалось, что на некоторые вопросы отвечать совсем легко — нужно только ставить черточки. Партийный стаж — черточка. Это значит — нет стажа. Ученая степень, участие в выборных органах, служба в армиях — черточки.

— Кто тебе родной? — спросил Миша.

— Митрий на фронте. Брат он мне... А еще дядя. Я к нему приехал, а он... тоже на фронте.

— Почему же ты не написал ему, прежде чем ехать?

— А почем я знал, что он на фронте!

Услышав этот удивительный ответ, Миша убежденно заявил:

— Нет, ты определенная ворона!

Новая «ворона» переполнила чашу. Глаза Кости налились слезами, губы задрожали. Написав: «Больше никого нет», Миша сказал в утешение:

— Не кисни, Малышок. Поступишь на завод — не пропадешь. Вот только лет тебе мало... Ну ничего. Может быть, не заметят. Подпишись, сдадим анкету — и обедать.

Так на одном из военных заводов, который не имел имени, а имел только номер, появился рабочий Малышев.

В те дни на Урал приезжали тысячи эвакуированных рабочих. Были среди них и воспитанники ремесленных училищ и просто подростки, потерявшие родителей в военной грозе. Шли на заводы и молодые уральцы, чтобы помочь фронту своим трудом.

— А я из города Харькова, с реки Лопань да Нетечь, которая хоть лопни — не течет,— сказал Миша.— Не успел вот ремесленное училище кончить...— Он помолчал, лицо его затуманилось.— У меня отец, мать в Харькове остались. Боюсь за них... Фашисты там. А ты что думаешь...— И он отодвинул тарелку, не доев картофельное пюре.

Это было, когда они с Костей обедали в столовой. Работница, сидевшая за их столом, вздохнула:

— Сейчас у всех что-нибудь такое есть.

И Косте тоже показалось, что пюре горькое.

Два в остатке

По окраинной улице, растянувшись цепочкой, шли подростки с чемоданчиками, баулами, рюкзаками. Они громко делились наблюдениями:

— А тут совсем как деревня.

— И дома все деревянные.

— Трамвай здесь не ходит...

Шумную процессию вел маленький озабоченный человек, размахивая портфелем. Он останавливался то у одного, то у другого дома и, заглянув в список, командовал: «Давай трех мальчат!.. Два мальчика!.. Пятерку!..» Отбрав сколько требовалось подростков, он уходил с ними в дом и через минуту появлялся снова. Когда процессия стала коротенькой, он крикнул: «Давай семерых!» — от-

крыл очередную калитку и, пропуская ребят во двор, со- считал:

— Один мальчик, два мальчика... Семь мальчиков! Восьмого пока не нужно. Восьмой, подожди!

Седьмым был Миша Полянчук, а восьмым — Костя Малышев. Калитка захлопнулась перед его носом.

— Этот со мной! Он со мной хочет устроиться!— зашумел Миша.

— Не мешай, парень!— осадил его провожатый.— Ступай в дом!

С беспомощным видом Костя посмотрел на мальчика, который прислонился к телеграфному столбу, засунув руки в карманы черного потрепанного пальто. Продолговатое бледное лицо было спокойно, а глаза чуть-чуть улыбались Косте.

— А нас куда? — спросил Костя растерянно.— Тут и улице конец.

— Испугался? — усмехнулся мальчик.— На улице не бросят. Может быть, вместе устроимся,— предположил он, подумал и добавил:— Я против ничего не имею. Ты мнегодишься.

Что это означало? Но калитка открылась, и появился провожатый, весело размахивая портфелем.

— Совершенно правильно, бухгалтерия сошлась, два в остатке,— отметил он.— В самый раз! Пошли, ребята, ножками-ножками!

— Не кисни, Малышок, все равно я перетащу тебя в наше общежитие!— крикнул Миша, выглянув из калитки.

— Ладно, ладно!— усмехнулся провожатый.— Ишь, командир объявился! Не на плохое пареньков веду...

За большим пустырем и за холмиком было продолжение улицы. Здесь расположился новый выводок домишек, которые еще не успели одеться: один без забора, у другого крыша не закрыта с торцов, третий нацепил ставни

только на половину окон. Дом, к которому они подошли, имел и забор с карнизом, и ворота с козырьком, и лавочку на толстых бревнышках.

Спустя минуту в просторной, светлой кухне этого дома открылось совещание. Решающий, но приветливый, певучий голос принадлежал старушке с круглым, добродушным лицом.

— Уж думала, раздумала, да и снова надумала,— говорила она, улыбаясь гостям.— Пускай молодые люди у нас живут. Только смотри, Яков Семенович, если ребятки балованные, так ты их сразу забери: Катюша на меня беда как рассердилась, зачем мальчишек пускаю. Мальчишки, мол, всегда озорные.— Она вздохнула и добавила:— А дровец скорее доставь, Яков Семенович. Мой Вася заготовить на зиму не успел. Уж холодно стаёт, топить надо, а у меня дров — сам видел: раз обогрелся, да и заговелся.

— Не беспокойтесь, Антонина Антоновна, дрова на этой неделе лично заброшу, семью фронтовика не заморозим. А что касается ребят, так это не от меня зависит. Директор приказал всех девочек поближе к заводу расселить, а мальчиков — на Нагорную улицу. Выбрал я для вас постояльцев, которые сзади плелись, в глаза не прыгали, да кто их знает — может, в каждом полтора беса сидит. Так вы с ними, в таком случае, поостроже...

— Куда уж мне! — отмахнулась Антонина Антоновна.— С внучкой и то управиться не могу. Забрала в голову школу бросить, на завод поступить, фронту помочь, а сама только от гриппа встала. Тетка в лесничество ее зовет, молочка попить, так куда там — нипочем слушать не хочет...

— Да, Екатерина Васильевна — барышня характерная,— подтвердил Яков Семенович, расправил кепку, натянул ее на лысую голову и заторопился:— Смотрите же, ребята! Попали вы в интеллигентный дом и ведите себя

без скандала. По дому помогайте — воды там принести или дров, обратно, наколоть. Мужчин, кроме вас, в доме нет... Ну-с, до свидания, рассиживаться некогда. Народ со всей России прибывает. Наш коммунально-жилищный отдел с ног сбился — новых работников устраиваем... — Усмехнувшись, он легонько хлопнул Костю по спине: — Эх ты, работничек, богатырь труда! Интересно, чего работаешь...

Он ушел. Косте стало тоскливо. Приуныл и другой мальчик, опустил глаза и нахохлился.

Антонина Антоновна не торопилась стучаться в сердца маленьких жильцов — она только спросила, как их зовут.

Костя едва слышно назвал себя, а его сосед, не поднимая глаз, пробормотал:

— Всеволод Булкин...

— Что же, Костя и Сева, посмотрите, где жить будете.

В боковушке

Это была просторная боковушка с бревенчатыми нештукатуренными стенами. Дверь в нее вела из сеней. Два деревянных топчана, покрытых серыми одеяльцами, столик и табуретка — вот и вся обстановка. Антонина Антоновна рассказала мальчикам, что боковушку пристроил к дому ее сын Василий Федорович Галкин, чтобы в тишине писать диссертацию по своей специальности. Да вот не пришлось Васеньке стать кандидатом технических наук — ушел воевать, и пристройка опустела.

— А нательное бельецо у вас есть? — помолчав, спросила она. — Покажите-ка, сынки...

В узелке, развернутом Костей, оказались длинноухая шапка из молодого оленьего меха, полотенце и алюминиевая кружка; Сева вынул из баула пару трикотажного белья, летние белые туфли, голубое кашне.

— Голь перекатная!— вырвалось у старушки.— Дождем шито, ветром подбито...

— Я не голь!— сердито блеснул глазами Сева.— Мы в Каменке жили не хуже, чем вы.

— Папаша-то что делал?

— Агроном эмтээс!— с гордостью ответил Сева и тихо добавил:— А теперь он красный партизан против фашистов.

— А мамаша где? — нерешительно опросила Антонина Антоновна.

— В Каменке,— отрывисто проговорил Сева, отвернулся и стал приводить в порядок баул, а когда старушка, вздохнув, ушла, он заочно продолжил спор:— Конечно, они хорошо живут, а все-таки пускай не гордится. Подумаешь, голь! У них в гостиной мебель под чехлами, фикусы большие... Я из кухни видел. А у нас тоже так было, даже лучше... Только шкуры медвежьей на полу не было, потому что на Украине медведи не водятся.— Он посмотрел в оконце и нашел крупный изъян в хозяйстве:— Сенювал у них без сена, коровы, наверное, совсем нет, а у нас две сразу было. Вот вам и «голь перекатная»...

— И собаки нет,— добавил Костя.— У Митрия тоже две было.

— Две коровы?

— Не, собаки... Муська да Кусачка.

После всех происшествий этого дня Костя размяк, острые блестящие песчинки закололи глаза. Он протер их кулаком, зевнул, ощупал поясок брюк, убедился, что «свин-голова» и тамга — его богатство и гордость — не потерялись, разделся и лег. Он лег на жесткий тюфячок, укрылся шершавым одеяльцем, и это ложе показалось ему таким теплым, таким мягким... Тотчас же сон прильнул к нему и погасил все думы. Костя заснул...

...И, как ему показалось, сразу проснулся, разбуженный хриплым криком. С сильно бьющимся сердцем Костя сел на топчане. Было совсем темно, но он разглядел, что на другом топчане тоже кто-то сидит.

— Танк... Танк пришел!— захлебываясь, быстро проговорил Сева.

— Привиделось тебе, приснилось,— откликнулся напуганный Костя.

Топчан заскрипел. Освобождаясь от кошмара, Сева прерывисто вздохнул, что-то пробормотал, улегся, но чувствовалось, что он прислушивается к тишине.

— Видел я танки,— сказал Костя, чтобы нарушить тревожное молчание.— В старательском клубе на картинке парад показывали. Много танков!

— То не такие... То наши, со звездой.

— А какие еще?

— С крестом... фашистский.— И Сева объяснил:— Фашисты в Каменку на танках прорвались.— Помолчав, он продолжал нерешительно, точно проверяя себя:— Танк с улицы в наш дом пришел. Все как повалится, мама как закричит... Потом смотрю — белый крест, а в середине черный... Танк через наш дом прошел...

— Зачем же он? — шепотом спросил пораженный Костя.

— Чтобы через наш двор на другую дорогу выйти... Фашисты хуже зверей. Они хотят, чтобы советской власти не было, чтобы мы рабами были. Они хотят нашу землю забрать.— Он долго молчал, а потом спросил:— Ты золото добывать умеешь? Правда? Не врешь?

— Мылся,— солидно подтвердил Костя.— Старался, конечно. Чего мне врать...

— А как это — моются, стараются? Ты мне расскажешь, да? Мне нужно... Мы на одной станции долго стоя-

ли — полдня. Там за вокзалом дом, и на стене большой плакат: «Старатели, дадим государству больше драгоценного металла! Больше золота — больше танков, пушек, самолетов для разгрома ненавистного врага». Понимаешь? Фашисты у всех покоренных народов танки забрали. У них стало больше танков, чем у нас. Надо добыть на Урале много золота, купить тысячу танков и еще всякое оружие. Понимаешь? Сразу все на фашистов пустить, всех до одного передать... Гады проклятые!..

Он говорил с увлечением и горячо.

— Ну ладно! Спи,— закончил он.— Завтра поговорим о деле...

Свернувшись клубочком, Костя, прежде чем заснуть, подумал, как хорошо было бы раздавить всех фашистов танками, чтобы ни одного не осталось на советской земле. Затем он принялся думать о Митрии. Лишь один по-настоящему родной человек был у Кости — веселый, добрый Митрий, а отца и матери Костя совсем не помнил: они давно умерли. Где Митрий? Далеко на фронте. Костя остался один... Спасибо заводу — его накормили, в бане дали пару чистого белья, устроили на квартире. Что он будет делать на заводе? Ему пока только и приходилось мыться-стараться на золоте, да молотком на строительстве бараков стучать, да еще немного белковать — белку бить. Но это уж совершенно лишнее в городе. А что, если ему завтра скажут: «Не годишься ты на завод, да и лет тебе мало. Ступай куда знаешь»? Поможет ли ему Миша Полянчук? Он хороший человек, этот Миша, и как жаль, что их разлучили!

Долго не мог уснуть и Сева, долго не возвращался сон, вспугнутый танком. Вдруг пригрезился белый домик под черепичной крышей, в густом саду. На крылечке стояла мама и ласково звала: «Севушка, пора обедать!» Слезы обильно потекли по его лицу. Он знал, что придет

фашистский танк с белым крестом и все повалится и он, выбравшись из дома, побежит куда глаза глядят. Будет бежать долго-долго, пока не встретит красноармейцев. И уедет он на Урал и не вернется в белую, зеленую, солнечную Каменку...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Шагистый
и его хозяйка

Утро было холодное, ясное. Стараясь не шуметь, Костя вышел на крыльцо и огляделся. Посреди двора был колодец с деревянным ведром, а на столбе сеновала висел заржавевший железный рукомойник.

Костя направился к колодцу — достать воды, умыться — и вдруг услышал за спиной глухое рычание. Он сначала оцепенел, потом заставил себя неторопливо, спокойно обернуться и увидел громадную пепельно-серую сибирскую лайку в пышном воротнике, с оскаленной мордой. Неожиданная встреча не обещала ничего хорошего. «Медвежатник! — мелькнуло у него в голове. — Худо будет». Только неподвижность могла отсрочить начало военных действий — отсрочить, но не отменить. Собака приседала, готовясь к нападению. Нужно было что-то предпринять.

Во дворе разыгралась немая сцена. Костя взлетел, как мячик. В воздухе мелькнула собака, шелкнула зубами, мягко упала на лапы, быстро обернулась, будто обожглась о землю, и подняла морду. Сидя на жердях сеновала — поджав ноги и обхватив колени руками, — Костя внимательно, серьезно разглядывал обманутого врага, не выдавая своего торжества.

— Ну, чего ты? — медленно проговорил он. — Я тебя не трогал, а ты на меня... Чего нужно? Я свой, понимаешь? Свой, здесь живу... Совсем глупый пес!

Обескураженная неудачей, собака, склонив голову, недоверчиво прислушивалась к словам незнакомца.

Стукнула рама окна. Послышался повелительный голосок:

— Шагистый, тубо! Шагистый!

У окна стояла худенькая девочка, вероятно одного возраста с Костей, и разглядывала его с улыбкой. Она причесывалась, встряхивая головой, чтобы помочь гребню, который запутался в пушистых светлых волосах.

— Подумаешь, испугался!— презрительно бросила она.— Шагистый только повалил бы тебя. Он маленьких не кусает... Ты у нас живешь? Не понимаю — разве тебе в зоопарке было плохо? Ты, наверное, у мартышек научился так прыгать. Вот и сиди на сеновале, а я принесу тебе морковку. Шагистый, постереги нашу мартышку!

Обиднее этих слов нельзя было бы ничего придумать. Костя покраснел и, не раздумывая, прыгнул со своего насеста, Шагистый положил лапы ему на плечи и, рыча, обдал лицо горячим дыханием.

— Шагистый, Шагистый, не смей! Тубо! Это свой!— крикнула девочка, перегнувшись через подоконник.

— Чего испугалась? — пряча страх, усмехнулся Костя.— Ясно, Шагистый меня не тронет.— Глядя в глаза собаке, он твердо сказал:— Свой! Понимаешь, свой! Говорят тебе — тубо!

Огоньки в зеленых глазах Шагистого потускнели. Теперь надо было вести себя смелее. Без церемонии стряхнув тяжелые лапы с плеч, Костя направился к колодцу. Поведение мальчика смутило Шагистого. Его все боялись, а этот вовсе не боялся — как видно, действительно **был** свой.

Он притворно зевнул, искоса взглянул на девочку, тотчас же отвел глаза и опустил хвост.

— А ты где бегал? — строго спросила девочка.— Думаешь, я не знаю? Кто тебе разрешил со двора уходить?

Сколько раз говорила, чтобы к Пестряковым не смел! У-у, скверный, непослушный пес! Вот я напишу папе на фронт, как ты себя ведешь, он тебе задаст! (Уши Шагистого прилегли, вид стал виноватый, но девочка уже не обращала на него внимания.) Ты на заводе будешь работать? — спросила она у Кости.

— А то где! — наливая воду в умывальник, ответил он, как отвечают на пустой вопрос.

— Я тоже сегодня оформлюсь на завод... Ты токарь или слесарь? — Не получив ответа, она фыркнула: — Подумаешь, гога-магога! Я тоже токарем буду, не задавайся! — и захлопнула окно.

Возвращаясь в дом, Костя сказал: «Эх ты, кошкин брат», — и стряхнул на Шагистого капельки воды с пальцев. Приоткрыв пасть, Шагистый улыбнулся, и пушистый хвост едва заметно вздрогнул. Это означало: «Я понимаю, что тебя не нужно хватать за ноги». Он снова рыкнул, но уже неуверенно: на крылечке показался еще один незнакомец, с полотенцем через плечо.

— Тубо! — повелительно произнес Костя. — Это тоже свой! — И он сказал Севе: — Не бойся, не укусит.

— Очень нужно бояться! В доме еще хуже собака есть, — произнес Сева с обидой: — не позволяет в кухне умываться. Будто я не умею умываться, чтобы на пол не хлюпать... Дура!

В сенях Костю встретила Антонина Антоновна.

— Ранняя, ранняя пташка... — пропела она и, оглянувшись на кухонную дверь, шепнула: — Сева-то поцапался с моей принцессой. Вы уж под сеновалом умывайтесь, пока на ней колючки не обломаются.

— Ладно, под сеновалом даже лучше, — сказал Костя, заглянул в кадку и решил: — Воды натаскаю... Да молоток и гвоздочки дай. Скоба на крыльце как только держится...

— Похозяйничай, похозяйничай, сынок! — обрадова-

лась старушка.— Без хозяина дом — сирота... А я сбегаю к Ниночке Галкиной. Пускай вам на завод дорогу поближе покажет.

Когда он приколачивал скобу для обтирания ног, подошел Шагистый и на минутку уткнулся носом в его плечо. Костя почесал Шагистого между ушами и посмотрел, нет ли блох.

Нина Павловна

Старушка накормила мальчиков вареной картошкой и налила чаю. Сева по-взрослому прихлебывал из стакана, а Костя так не умел — он потихоньку пил из блюдечка. Ему стало жарко, лицо запотело, нос отсырел, и он громко втянул воздух.

— Высморкайся!— не удержалась Антонина Антоновна.— Совсем дитё, а туда же, на заводе работать... Ох, и чего этот Гитлер наделал! Сколько народу с места сдвинулось!

В дверь постучали, и вошла молодая женщина в синем вязаном берете и в сером стареньком пальто. Костя сразу догадался, что это Ниночка Галкина, которая поведет их на завод ближней дорогой.

— Здравствуйте! Где тут мои попутчики? — произнесла она мягким голосом.— Ух, какие большие кавалеры!

В кухне, где было очень светло, стало еще светлее — такой чистый смех был у этой женщины, такой радостью светилось ее милое смуглое лицо.

— Только-только вы ушли, как я письмо от Васи получила,— сказала она старушке.— Он здоров и велит вас поцеловать, вот так, и так, и еще так! Как я счастлива! Десять дней ни строчки не было...— Она постучала в дверь гостиной:— Катюша, я только что письмо от Васи получила!— Она поспешно добавила:— Наверное, завтра и вам письмо будет. Хочешь прочитать страничку?

За дверью послышался и затих шум шагов, но ответа не последовало. Старушка со стуком поставила чашку на блюдечко.

— Вот какой поперечный характер!— сказала она.— Ну, и не набивайся, Ниночка...

— Что ж, пойдёмте, мальчики,— вздохнула явно опечаленная Нина Павловна. Она взглянула на старушку, будто искала ее поддержки, и, пересилив себя, постучала в дверь гостиной:— Катя! Слышишь, Катюша! Директор завода разрешил зачислить тебя младшей лаборанткой термического цеха. Приходи сегодня. Я закажу пропуск. Не забудь школьное удостоверение и метрику.

Теперь из-за двери послышался холодный, уже знакомый Косте голосок:

— Спасибо, Нина Павловна... Я раздумала поступать в термичку. Сегодня мы с Леночкой Туфик оформляемся учениками токаря в молодежный механический цех.

— Напрасно, совершенно напрасно!— забеспокоилась Нина Павловна.— Ты еще не окрепла после болезни. Доктор говорит, что могут быть осложнения. В термическом цехе тебе будет нетрудно, и ты все же принесешь пользу фронту.

— Спасибо за внимание,— насмешливо ответила Катя.— А может быть, я не хочу работать в одном цехе с... родственницей.

— Глупенькая!— шепнула Нина Павловна и сдвинула брови, будто ей стало больно.

— Вот какой характер!— повторила возмущенная Антонина Антоновна.

Спустя минуту из дому вышли трое и направились вниз по улице. Мальчики следовали за Ниной Павловной. Костя все старался понять, почему Катя относится к ней так нехорошо, но, конечно, не мог решить задачу.

Замедлив шаги, Нина Павловна подождала мальчиков.

— Лучше всего ходить на завод через Земляной холм,— сказала она.— Это самая короткая дорога. Смотрите, какой широкий вид открывается отсюда!

Город начинался неподалеку от холма и уходил далеко-далеко, за край земли. Сначала по берегу узкой речушки были рассыпаны обыкновенные деревянные домишки. Потом дома начинали тесниться, складываться в широкие улицы. Дальше все чаще встречались каменные постройки, а вдали сомкнулись высокие дома. Тут и там над фабричными трубами вились серые и ржавые дымки. По улицам рассыпались черные точки, которые издали казались почти неподвижными,— это были люди. А еще были трамвайные вагоны и автомобили — они двигались заметно для глаза.

— Однако большой городишко!— солидно повторил Костя слова, которые слышал накануне от Миши Полянчука.

— Да, городишко!— усмехнулась Нина Павловна.— В нашем городе сейчас больше миллиона жителей. И все работают для фронта, чтобы скорее дать столько оружия, сколько нужно. Мой муж, Василий Федорович Галкин, пишет, что фронтовики крепко надеются на Урал, и мы оправдаем их надежду.— Она вздохнула.— Вот и Катя идет в цех. Такая слабенькая... Она долго болела, после того как Василий ушел на фронт...

— Я хотел в кухне умыться, а она запрещает!— вдруг проговорил Сева, который все утро хмуро, замкнуто переживал стычку с Катей и все же не мог сдержать жалобу.— У нас дома мраморный умывальник, а не то что жестяной. Подумаешь, хозяйка! Жалко ей!

Нина Павловна посмотрела на него серьезно.

— Значит, вы уже повздорили,— отметила она.— Этого нужно было ожидать. Катя — такая задира! Но знаешь что, Сева, не спеши составлять о ней мнение. Катя — не ангел. Она вспыльчивая, упрямая, как козленок, но я

пристыжу ее за умывальник, и она непременно раскается. А вообще она великодушная, щедрая. Когда наш уличный комитет собирал теплые вещи для красноармейцев, она отнесла все лишнее, что было... и не только лишнее...— Она хотела еще что-то сказать, но оборвала себя:— А вот наш завод!

Тропинка обогнула холм, и внизу открылся пригород — несколько кварталов между шоссе и полотном железной дороги. За высоким забором стояли бок о бок три корпуса с круглыми крышами, как у вагонов. Над ними возвышалась наполовину выведенная толстая труба, похожая на обломок красного карандаша. Еще не было закончено и одноэтажное кирпичное здание, которое вытянулось вдоль больших корпусов.

Приглядевшись, Костя увидел человечков, которые сновали между корпусами.

Из лесу выскочил паровоз, забежал на заводской двор, схватил три вагона, загудел и потащил их в лес, будто мамка повела ребят на прогулку.

— Завод маленький,— разочарованно пробормотал Сева.— В Каменке и то больше машиностроительный завод был... А что здесь делают?

— Конечно, наш завод не гигант,— ответила Нина Павловна с ноткой ревности в голосе,— но, уверяю тебя, он делает такую вещь, от которой не поздоровится фашистам.

Сева недоверчиво улыбнулся, а Костя подумал, что завод не чепуховый, и это было приятно.

На железном листе

К заводским воротам шли мужчины, женщины, подростки. Некоторые здоровались с Ниной Павловной, говорили с ней о заводских новостях.

— Заготовки из Первоуральска пришли...

Пластика была из темного металла с желтым отливом.

К стр. 37

— Да, я видела, как паровоз забирал порожняк.

— Нам еще станков дали. Ничего станки, годящиеся...

Это сказал высокий и полный старик, которого Костя сразу узнал и вспомнил его фамилию, имя и отчество — Бабин Герасим Иванович,— так как память у него была хорошая. Старик, конечно, был старый, но в то же время как будто и молодой. На круглой голове задорно сидела маленькая кепка, замасленная, как блин. Усы и брови были белые, а глаза — шарики из черного стекла — прятались в смеющихся морщинках. Он, кажется, тоже узнал Костю.

— Возьмите этих мальчиков в молодежный цех, Герасим Иванович,— сказала Нина Павловна.— У вас они быстро привыкнут к делу и не разбалуются. Они живут на квартире у матери моего Васи.

— Я бы взял, да с галчатами просто беда: ломают инструмент почем зря,— шутливо ответил Бабин и уже серьезно добавил:— Что будем делать, Нина, ума не приложу! Станков нам набросали — не пройдешь, а инструмента нету. Ни тебе резцов, ни фрез. Ключа пустякового и то не имеется. Пока новую инструменталку пустим, сиди, как без рук, а директор программу требует, спуску не дает...

— У каждого своя забота,— заметила Нина Павловна.— В термическом цехе монтаж затягивается, хоть плачь.

— Чего там плакать!— успокоил ее старик.— За месяц завод наладили. Не узнал бы твой Василий этого места. Была мастерская, а раз-два — стал завод... Еще и не то будет.

Вахтер широко распахнул ворота. На улицу выкатил трактор-тягач. Он тащил большой грохочущий, скрежещущий по мостовой железный лист. На листе, как на подносе, держась друг за Друга, стояли три паренька и радовались шумной поездке.

— Куда? Куда подались, галчата? — крикнул Бабин.

— Начальник цеха послал на заводской разъезд, — ответил паренек постарше. — Эвакуированный инструмент собирать.

— Стой! — завопил Бабин.

И шофер сразу остановил тягач.

Старик схватил Костю и Севу за руки, перебежал с ними на железный лист и сказал Нине Павловне:

— Будь добра, передай Тимошенко, что я на разъезд с ребятами подался, а то нахватают мамины дети пустяков... Шофер, подкинь газку! Держись!

Все, кто был на листе, уцепились за Бабина. Лист дернулся, загрохотал, заскрежетал. Бабин махнул кепкой смеющейся Нине Павловне, для задору надел кепку уже козырьком назад и — вот честное слово, если не верите! — быстро забил чечетку.

— Уж если мастер Бабин за что зацепился, так не отпустит! — крикнул Герасим Иванович — Правда, орел? — И он встряхнул Костю.

Сосновая роща осталась позади. Тягач выехал к полотну железной дороги и свернул на пустырь. Костя почувствовал, что рука Бабина, лежавшая у него на плече, отяжелела. Он поднял глаза и увидел, что от недавней веселости не осталось и следа — мастер нахмурился.

— Глянь, что творится, глянь! — пробормотал Бабин.

Он велел шоферу остановить тягач и зашагал вдоль полотна железной дороги.

Сначала Косте показалось, что под высокой насыпью разросся странный густой кустарник с толстыми стволами и короткими, причудливо изогнутыми ветками. Но нет, это был не кустарник. Это были сотни и сотни станков, выгруженных под откос. Если бы Костя знал заводскую технику, он понял бы, что под откосом нашло себе место оборудование для нескольких механических заводов, что

здесь есть самые разнообразные станки — токарные, строгальные, шлифовальные, сверлильные. Но и не зная всего этого, он понял, что не дело, когда машины так брошены. Правда, некоторые станки были покрыты толстым слоем желтого сала, а каждый рычаг был обернут промасленной бумагой, но на других станках уже появилась красная ржавчина.

— Что натворил фашист поганый, сколько техники с места сорвано! — бормотал старый мастер, качая головой,

— Откуда это, дядя? — спросил Костя.

— Откуда? Разве я знаю — откуда! Может, с юга, а может, из Ленинграда. Наши увезли, чтобы техника фашистам не досталась.

На одном из станков ребята увидели надпись, сделанную белой масляной краской: «На этом станке я 20 июня 41 года поставил рекорд — 750 проц. нормы. 25 июня пошел бить фашиста. Прощай, станочек! Семён Кравец».

— Молодчина Кравец! — одобрил мастер. — Боевой парень. Он, значит, воюет, а станок от хозяина отстал...

— Герасим Иванович, надо все станки забрать! Чего они будут здесь! Скоро снег пойдет, засыплет их, — наперебой заговорили ребята.

— Куда их возьмешь! — с грустью возразил Бабин и махнул рукой.

„Победит“

К приехавшим подошел сторож в короткой шинели, с винтовкой за плечами. Он был в туго накрученных обмотках и поэтому казался тонконогим.

— С какого завода? — спросил он. — Что брать будете?

И, когда один из паренюков протянул ему бумажку, он перевесил винтовку с плеча на плечо, попросил закурить, сразу подружился с гостями и рассказал, что ночью пришел еще один эшелон с заводской техникой.

Станки разгрузили аккуратненько, а инструмент просто высыпали вон за тем тополем.

Пошли за тополь.

— Тягач, давай сюда!— закричал Бабин и стал копаться в том, что, на взгляд Кости, было только железными брусками, плашками, гайками с красивыми бороздками.— Батюшки, батюшки мои! — говорил Бабин, сдвигая кепку то на ухо, то на темя.— А фрезов, фрезов сколько! Собирай, галчата, собирай подряд, клади на лист!

Сначала работа показалась легкой, и Костя рассматривал инструмент: что это за бруски с блестящими пластинками-коготками на конце? Для чего они? Но расспрашивать было некогда.

— Ребята, здесь останьтесь!— распорядился старик, когда лист был завален инструментом.— А я на завод за подмогой. Живым духом вернусь!

Тягач сердито запыхтел и едва утащил лист с грузом и сияющим Бабиным. Костя и Сева побрели вдоль полотна железной дороги.

— Знаю я станки,— сказал Сева.— При нашей эмтэ-эс была мастерская, а там были станки... Вот это токарный. Железо резать...

— Ну да, железо резать!— поразился Костя.— Железо, поди, твердое.

— Подумаешь, твердое! Даже сталь, поди, режут, а сталь в сто раз тверже.— Сева поднял с земли брусок с острым коготком.— Это резец. Его вставляют в это.— И он показал на станок.— Это быстро крутится, а резец режет... Стружка получается железная, медная и стальная тоже. Красивая такая.

— Ага!— кивнул головой Костя, будто все понял.— Вот бы научиться железо и... сталь резать!

Глаза Севы заблестели. Он ловко проскользнул между станками, туда, где лежало много ящиков. Из одного ящика высыпались красные, будто огненные, бруски.

— Что это? — нетерпеливо спросил Сева, протянув Косте тяжелый брусок.— Золото, да?

— Станут тебе золото бросать!— усмехнулся Костя.— Медь это.

— А говоришь, на Урале золота много...

— Много, да взять трудно.

— Трудно, подумаешь!— решительно проговорил Сева, снял кепку и взъерошил свои сильно отросшие пепельные мягкие волосы.— Я на заводе все равно не останусь и тебе не советую. Много мы здесь наработаем! Можно больше пользы принести. Если бы я умел золото добывать, я бы...— И он многозначительно свистнул — мол, ищи ветра в поле.

— Зима скоро. На заводе останусь, коли возьмут,— ответил Костя, поняв, к чему клонит товарищ, и не соглашаясь с ним.

— Сказал бы лучше, что наврал про золото! Не умеешь золото добывать. Куда тебе!

— Не врал я, — омрачился Костя.— Я на металл vezучий. И сам найду, а коли что, от вогулов хоть сколько золота принесу. У меня на то тамга есть...

Огорошив товарища этой таинственностью, Костя отправился дальше и увидел ящики, сложенные столбом. На них было написано черной краской одно слово: «Победит». Что это значило? Костя попробовал приподнять верхний ящик, но даже не смог сдвинуть его. Запустив пальцы в щель, Костя вытащил маленькую пластинку, завернутую, как конфетка, в парафиновую бумагу, взвесил ее на ладони и удивился: тяжелая. Пластинка была из темного металла с желтым отливом.

Послышался грохот железа и пыхтение тягача.

— Давай сюда, галчата!— весело крикнул Герасим Иванович.— Получай хлеб, сало. Вода в бачке...

Прежде чем взять свой паек, Костя протянул мастеру пластинку, но не успел спросить, что это такое.

— Где взял? Покажи!— набросился на него старик, а увидев ящики, крепко обнял Костю.— За это я тебя расцелую!— и действительно громко чмокнул в щеку.— Везучий ты, а везучий человек всегда полезный... Это «победит» — такой состав металлический, прессованный. Понятно? Любую сталь режет. Для завода «победит» дороже золота!

— Как же! — буркнул Сева, пожав плечами.

Погрузка возобновилась. Было уже не так легко, как до завтрака. Руки стали черными, на бушлатах и пальто появились пятна от машинного масла и ржавчины; кто-то отдал палец и сосал его, сидя в стороне. Неутомимый Бабин сделал с железным листом три рейса, потом привел еще две трехтонки. Унялся он лишь тогда, когда солнце склонилось к сосновой роще.

— Шабаш, ребята!— сказал он не без сожаления.— Поработали славно. Подковали наш заводик. За это накормлю я вас на верхосытку. Директор дал талоны на усиленное питание.

Мальчики бросились садиться в машину.

„Уральская к а ш а ”

Замазанные, усталые, веселые, ребята заняли два столика в обеденном зале. Они получили суп-лапшу с жирным мясом, рыбные консервы с лапшой и сладкий пудинг из лапши.

— Лапша на лапше,— пробормотал Сева недовольно. За спиной Костя услышал голос:

— Малышок! Как живешь, корешок?

Миша! Это был Миша Полянчук, о котором Костя сегодня не раз вспоминал и которого очень хотел увидеть. Он широко улыбнулся другу из-за большой кружки с чаем. Миша присел рядом.

— Как устроился на квартире? — прежде всего осведомился он.— Тепло, чисто! Уговорил я одного парня поменяться с тобой местами в общежитии, да вот не удалось вместе пожить: уезжаю на Северный Полюс. Правду говорю. Так сборочный филиал завода называется. Десять километров отсюда, и все прямо, с поворотами. Буду работать бригадиром в молодежном цехе.

— А что на филиале собирают? — спросил Сева.

— Привет, знаменитый золотоискатель!— узнал его Миша и шепнул так громко, что все услышали:— Поменьше о нашем заводе расспрашивай, а то арестуют как шпиона. Мы уральскую кашу для Гитлера стряпаем, чтоб он подавился.

— Что болтаешь, хлопец!— строго остановил его Бабин.— Ты постарше ребят, вот и должен их правильному поведению учить, язык не распускать. Шуткой начнешь, правду ляпнешь, а шпиону пожива. Наш завод делает ширпотреб для широкого потребления. А что именно — ша!

— Гайки да балалайки,— вставил один из пареньков.

— Прощай, Малышок!— сказал порядком смущенный Миша.— Сейчас автобус на Полюс отправляется. Спешу... Когда-нибудь увидимся. Ты в каком цехе будешь?

— В механическом молодежном, в первой бригаде,— ответил Бабин.

— Значит, токарить научится?

— Пока новички в подсобных рабочих ходят,— решил Бабин.— Девчат на это дело не поставишь...

По выражению Мишиного лица Костя понял, что его друг не очень обрадован таким решением. Подсобные? А что делают подсобные? Сева этого тоже не знал. Все выяснилось, когда мальчики, прибежав домой, повстречались у ворот с Катей и еще какой-то толстой девочкой в очках.

— Нас учениками токаря на завод приняли!— с радо-

стью сообщила Катя.— Завтра получим станки в бригаде товарища Бабина. А ты тоже токарь, да?

— Подсобным буду,— пробормотал Костя.

— Ой, подсобники стружку из цеха вывозят, заготовки подносят!— всплеснула руками толстая девочка.

— Подсобники!..— протянула Катя.— Нечего было гогу-магогу разыгрывать!— И, вздернув голову, с обидным смехом ушла в дом.

— Глупо, тупо, неразвито!— крикнул ей вслед Сева, но, когда мальчики переступили порог боковушки, он хмыкнул:— Дожил! Золото мыть умеет, а будет мусор из цеха выносить. Тебя это устраивает?

Да, Костю устроило это. Он был доволен, что его оставили на заводе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

„Да или нет?“

Дни бывают хорошие и обыкновенные, но бывают и совсем плохие. Правда, таких дней немного, хоть **на** том спасибо. Вот как прошел один неблагоприятный день в жизни подсобных рабочих первого цеха Константина Малышева и Всеволода Булкина.

— Говорят тебе, **не** смей умываться из нашего рукомойника!

— Малышку в кухне умываться можно, **а** мне непременно на морозе?

— Малышок воду носит и, когда умывается, на пол **не** хлюпает.

— И я по воскресеньям воду ношу.

— Ну и умывайся по воскресеньям, а сегодня вторник! Убери эту грязную тряпку!

— Подумаешь, только у тебя хорошее полотенце! Токарь знаменитый! Станок задним ходом запустила, а резец тупым концом зажала. Весь цех со смеху покотился...

— Бабушка, не верь ему! Мой станок не имеет заднего хода. Он все врет!

— Токарь нолевого разряда!— пустил Сева.

— Лодырь, Булкин-Прогулкин!— не сдавалась Катя.

В боковушку Сева вошел оживленный, как это бывало всегда после стычек с Катей. Он бросил полотенце на топчан, кусочек мыла — на подоконник, натянул шапку-ушанку, потом ватник, сел на пол, призадумался, снял ботинки, достал из баула белые туфли, надел их и зашнуровал.

— Ты зачем это? — удивился Костя.

— Не видел, что у моих ботинок подметки отстали? — сердито ответил Сева и пообещал:— Лучше скажи своей Катьке, что, если она меня еще раз Прогулкиным назовет, худо ей будет!

— Чего там она моя! — откликнулся, покраснев, Костя.— Дурак ты!

— Зато ты умный... Недаром такие длинные уши выросли...

Это был намек на длинноухую шапку из оленьего меха, которую теперь носил Костя. Шапку ему купил Митрий у маньси. Грела она замечательно, но товарищи всё подшучивали над Костей. Ладно, глупый, смех не в обиду. Тем не менее обладатель удивительной шапки надулся.

Зима нагнала серые тучи, насыпала снегу и урезала день. Когда Костя и Сева вышли из дому, было еще темно, однако не настолько, чтобы белые туфли Севы остались незамеченными. В воротах на мальчиков налетела подруга Кати, Леночка Туфик.

— Наверное, Катя уже ушла! — испугалась она, но тотчас же, разглядев белые туфли Севы, засмеялась:— Ой, не могу! Подсобник по снегу на бал отправился!

— Тебе дело, очкастая! — осадил ее Сева.

Мальчики шли молча. В последнее время отношения между ними совсем испортились. Сева добивался, чтобы Костя сказал «да», но Костя твердил «нет». Он не согласен, и делу конец! Он по глупости рассказал Севе о си-нем туманен даже показал тамгу старого вогула Бахтия-

рова, но из этого вовсе не следует, что он хочет бросить завод и идти за золотом. Он надеялся, что Бабин все же поставит его учеником токаря, и, кажется, надеялся не напрасно. Старый мастер относился к нему хорошо, так как Костя работал старательно и быстро привык к заводу. Он уже знал, какие есть станки и для чего они, он каждую свободную минуту проводил возле станков, наблюдая с завистью, как его товарищи режут сталь, и... разве можно было сравнить токарный станок с промышленным ковшом или даже вашгердом!..

На углу в утренних сумерках замаячила фигурка в ватнике и большой теплой шапке с торчащими ушами.

— Здорово, деятели!— сказала фигурка тоненько.

Сева ответил: «Здорово», а Костя промолчал. Он недолюбливал токаря из ремонтного цеха Кольку Глухих, с которым подружился Сева. Этот Колька был худенький, хорошенький, с румяным личиком и маленьким ртом бантиком. Суетливый, суматошливый, увлекающийся, он не нравился Косте. К заводской работе Колька, как и Сева, относился легко, считая, что это неинтересная чепуха и что настоящие дела можно свершить где угодно, только не в цехе. Пустой человек, хоть и токарь второго разряда... Но одного нельзя было отнять у Кольки — он интересно рассказывал, как живут дикие индейцы, как плавают по морям матросы и как охотятся за тиграми.

О его домашней жизни было известно немного: он жил с матерью и сестрами в собственном домике возле Земляного холма; его отец, гвардии капитан, воевал на Фронте, и Колька им очень гордился.

Из кармана Колька вытащил книгу и вручил Севе:

— На. Это «Всадник без головы». Очень интересная. Первой страницы нет, но ты поймешь.

— Читал я «Всадника без головы». А где «Золотая лихорадка»?

— «Золотая лихорадка» у Ваньки Белобородова. Послезавтра отдаст... Ага, ты надел белые туфли! Думаешь, так тебе и выпишет Бабин ботинки!

— Выпишет! Цех должен спецобувь дать. А свои я почию и спрячу до похода в тайгу.

— Дельно, деятель,— одобрил его Колька.

Разговор возобновился, когда мальчишки вышли на холм.

— Ну как, он согласен? — обратился Колька к Севе.

— Ну как, согласен? — спросил Сева у Кости.

Уходя от вопроса, который будто прилип к его спине, Костя ускорил шаг.

— Понравилось стружку таскать!— насмешливо проговорил Сева.

— Меня за станок поставят,— возразил Костя.— С завода самоволом уходить нельзя,— привел он еще одно соображение.

Нагнав его, Колька пошел рядом, то и дело оступаясь с узкой тропинки в сугробы.

— Ты пойми, ты как следует обдумай свое положение!— заговорил он горячо.— Какую пользу ты приносишь фронту? Таскаешь стружку на Гималаи. Ты черно-рабочий, и только. Ну, поставят, предположим, тебя токарить. Когда ты еще настоящим токарем станешь! Через год или через два. А когда мы из тайги вернемся, о нас в газетах напишут, честное слово!

Сердце Кости сжалось. Как надоело ему таскать стружку на свалку, которую ребята прозвали Гималаями! Как часто мечталось о тайге, где уже давно шел зимний промысел! Хоть бы на минутку перенестись в Ивдель, в Румянцевку, увидеть друзей-товарищей, сбегать на лыжах в тайгу с берданкой Митрия, подышать родным воздухом...

— Поведи нас за Ивдель,— продолжал убеждать его Колька.— Покажи дорогу к золоту. Пойми, что мы сразу

принесем такую пользу!.. А стружку пусть другие таскают.

— По дороге нас поймают,— сказал Костя, чувствуя, что железный обруч все сильнее сжимает сердце.

— Наврал он!— вмешался Сева.— Выдумал про какую-то вогульскую тамгу, а теперь вертится.

— Нет, все это правда. Я тоже слышал, что вогулы знают хорошие золотые места... Но только нужно иметь друга-вогула... Так что же ты скажешь, Малышок? — просительно продолжал Колька, заглядывая в лицо Косте.— Соглашайся, деятель, ей-богу!

Послышался заводской гудок. Сначала он был далекий, хрипловатый, а потом окреп, нашел Костю, и сердце сразу очистилось от смуты. Нужно было спешить на работу, вот и всё.

— Да ну вас, чего привязались!— сказал он и в тот же миг слетел с тропинки в глубокий сугроб.

— Шакал!— яростно крикнул Сева.— Фронту помочь не хочет! В другой раз я тебя еще не так!

В глазах у Кости потемнело. Он пытался выбраться на тропинку, но снег и сухая глина осыпались под дрожащими руками.

— Держись, парень!— услышал он незнакомый голос, схватился за палку с толстым резиновым наконечником, протянутую ему сверху, выбрался на тропинку и очутился лицом к лицу с человеком в военной шинели и военной фуражке без звездочки.

Он был высокий, худошавый, и лицо у него было очень бледное, почти прозрачное, с небольшой золотистой бородкой; опершись левой рукой о палку, он с улыбкой смотрел на Костю, который, тяжело дыша, сбивал с одежды снег и глину.

— Что ж это вы в тылу не ладите? — спросил он.— воевать нужно на фронте, а вы в тылу баталии устраиваете. За что они тебя?

— Я им тоже покажу!— рванулся вслед за обидчиком Костя.

Но человек заступил ему дорогу.

— Пстой, не спеши в драку,— сказал он спокойно.— А где спасибо?

— Спасибо, дядя,— смутившись, поблагодарил Костя и неожиданно для себя спросил:— А вы, дядя, с фронта?

— Не сразу... В госпитале долго лежал. (И только тут Костя заметил, что человек держит правую руку подогнутой, будто деревянную.) А ты работаешь? На каком заводе?

— На номерном.

— Плохо дело, если у вас ребята не дружные,— укоризненно проговорил человек.— Не много наработаете...

— Не, не все такие,— встал на защиту завода Костя.— У нас ребята со зла не дерутся. Драться мастер не велит. А эти... Дураки они...

— Кажется, ты немного остыл,— сказал человек.— Беги на завод, а не то опоздаешь.

Мячиком скатился Костя с холма. Человек в шинели проводил его улыбкой. Он, прихрамывая, шел в том же направлении и внимательно рассматривал завод, будто изучал его.

Ужасный резец

К проходной завода Костя поспел, когда затихал последний гудок.

— В другой раз под гудок не пропущу, засоня!— пригрозил старенький вахтер, бросив взгляд на пропуск.

Проскользнув в цех, Костя сразу увидел Севу, который начинал неторопливый рейс с тележкой. Уже шумели станки, завивая первую стружку, вжикала шлифовалка, бросая снопы искр из-под корундового круга; по среднему проходу, позванивая, пробежал электрокар... Ра-

бота шла полным ходом, и никому не было дела до двух подсобных рабочих.

— Мастер приказал стружку от колец убирать. Берись за тележку, — сказал Сева как ни в чем не бывало и, заложив руки в карманы ватника, зашагал впереди, спокойный, с сосредоточенным взглядом, с крепко сжатыми губами, и Костя невольно подчинился ему.

Станки, резавшие кольца, находились в глубине цеха, возле боковых колонн.

На предпоследнем работала Катя, а на последнем — Леночка Туфик, эвакуированная с Украины. Она жила неподалеку от Галкиных со своей матерью-медработницей, а ее братья воевали на фронте. На заводе Леночку звали Ойкой, потому что она всегда ойкала, будто пугалась.

— Ой, похоронная процессия тихим шагом в белых туфлях идет! — ойкнула она, увидев Севу и Костю.

Костя поставил тележку возле кучи мелкой стружки и вынул из короба железный совок.

— Наконец-то явился! Целый год ждать нужно! — сказала Катя. — Удивляюсь, — продолжала она, ловко зажимая заготовку-трубку в патроне станка, — почему ты работаешь за Булкина-Прогулкина?

— Они друзья! — прыснула Леночка. — Один друг на другом катается.

Чего вяжетесь! — не стерпел Костя.

— Совершенно правильно, нечего за него заступаться, если сам не понимает, что он раб-слуга Прогулкина, — сказала Катя. — Можешь даже его белые туфли зубным порошком чистить...

— А зубы — гуталином, — прыснула Туфик.

Это было глупо, но Костя почувствовал себя уничтоженным. Однако пытка его только начиналась.

— Ужасный резец! — небрежно заметила Катя. — Опять села режущая кромка... Придется заправить.

Намерение Кати так поразило Леночку, что она сняла очки в широкой черной оправе и стала их протирать.

— Ой, ты же не умеешь заправлять резец! А если мастер увидит?

— Мастер на совещании у директора,— сказала Катя и направилась к крайней колонне, возле которой стоял наждак.

Что-то очень острое вонзилось в сердце Кости. Они с Катей поступили на завод одновременно, но Катя уже самостоятельно заправляет резец, а он убирает стружку у ее станка. Вот она включила рубильник. Наждачный круг быстро завертелся, отбрасывая капельки воды. Вот она, наморщив лоб, крепко прижала к черному блестящему наждаку резец, и вверх ударил фонтан белых искр. Казалось, что девочка схватила за голову длиннохвостую комету. Вот, остановив наждак, Катя тронула пальцем горячую кромку резца, удовлетворенно кивнула головой, вернулась на место, напевая, зажала резец и пустила станок.

Настал торжественный момент. Сейчас резец коснется вращающейся заготовки, покажется маленький серый дымок, завьется стружка, а на трубе-заготовке блеснет серебряная дорожка. С каждым оборотом заготовки дорожка будет становиться все глубже, и резец пройдет сквозь стенку заготовки.

Вместо скрипа взрезанного металла раздался противный визг, что-то хрустнуло. Головка резца — пластинка из стали-быстрореза — исчезла, точно ее не бывало.

— Пережгла!— с ужасом выдохнула Леночка.

Случилась беда. Катя беспомощно улыбнулась. Никогда еще Костя не видел девочку-задаваку такой жалкой. Это почти испугало его, и тотчас же та пропасть, которая разделила их с первого дня знакомства, закрылась. Нужно было немедленно что-то сделать, чтобы Ка-

тя не улыбалась так жалко. Нужно было помочь, не рассуждая, как он помог бы тонущему человеку...

Когда в пролете появился мастер Герасим Иванович, станки работали, а Костя кончал уборку. Все, по-видимому, обстояло благополучно, но по лицу мастера ребята поняли, что дело плохо. Заложив руки за спину, Бабин бросил взгляд на резец Леночки Туфик, подошел к станку Кати, посмотрел и крикнул. Щеки Кати запылали, голова склонилась низко-низко.

— Останови! — сказал старик.

Нажав красную кнопку «стоп», Катя замерла.

— Правду, значит, мастер второй бригады сказал, что здесь кто-то наждак гоняет. Ты куда свой резец девала? Где этот взяла? Сожгла резец? Кто позволил резец заправлять? Богатые мы стали — инструмент по глупости жечь! Чего молчишь? — прикрикнул Герасим Иванович.

Синие, полные стыда глаза смотрели в сторону Кости. «Что делать? Что делать? Я, конечно, не выдам тебя, но я не знаю, что делать!» — отвечал он взглядом.

— Инструмент портишь, да еще и прячешь, — очень тихо сказал мастер. — Не скажешь — в уборщицы переведу! Не посмотрю, что отец на фронте.

Костя разгреб мелкую стружку в коробке, вытащил испорченный резец и протянул мастеру. Старик перевел на него взгляд.

— На пару, значит, мастера обманули? — с угрюмой насмешкой отметил он и повернулся к Леночке Туфик, которая притворилась, что поглощена работой: — А ты думаешь, твое дело сторона? Останови!

Выключила станок и Леночка.

— Где Галкина новый резец добыла? — продолжал следствие Бабин, переводя взгляд с Кости на побледневшую Леночку и обратно. — Где стащили?

— Мне токарь Стукачев из второго цеха дал! — выпалил Костя.

— Та-ак! Вся троица за мной ступай!

Ребята отрывались от работы и, глядя им вслед, шушукались. Случилось что-то очень серьезное. Мастер был мрачнее грозовой тучи, а его свита готова была провалиться сквозь землю.

Суд и приговор

Герасим Иванович присел за свой столик в конце цеха, сложил руки, посмотрел на Катю, Лену, Костю, и его взгляд оставался жестким, на кого бы он ни глядел.

— Не допущу я этого, Галкина!— отрезал он.— Если каждый начнет инструмент портить, скажи, что будет? А то будет, что производство станет. А ты еще и врешь своему мастеру, пакость прячешь!— воскликнул старик, хлопнув ладонью по столу, и густо покраснел.— Хотел тебя с нарезки колец на расточку поставить, разряд досрочно дать, а теперь подождешь, Галкина... Ступай к станку!

Удар был сильный. Катя хотела что-то сказать, не нашла слов и, еле волоча ноги, понурившись, пошла на место.

— Ты зачем за станок просился? — услышал Костя вопрос.— Зачем хочешь токарем стать? Фронту помогать?

Костя кивнул головой.

— Ты сегодня фронту пособил? Нет, ты ему сегодня определенно напортил. Помог ломщику — пакости, мол, и дальше, а цех пускай без резцов посидит, меньше боевой продукции даст. Придется тебе, Малышев, в подсобных ходить, пока сознательным не станешь.

За колоннами, чтобы никому не попасться на глаза, Костя прошел к своей тележке. Катя стояла возле стены, закрыв лицо руками. Конечно, Косте было очень жаль се-

бя, но еще больше он жалел Катюшу, чувствовал, что должен ей что-то сказать, но не знал, что именно.

В дверях термического цеха показалась Нина Павловна. Катя быстро подошла к станку.

— Катя,— нерешительно окликнула ее Нина Павловна,— мне только что сказал Сева, что ты вчера вынула из ящика письмо... Я уже третий день в цехе. Может быть, пришло письмо и для меня, ты не знаешь? Антонина Антоновна ничего не слыхала?.. А что тебе пишет папа? Почему ты такая расстроенная? С ним ничего не случилось?

— С папой ничего не случилось,— ответила Катя и отвернулась от нее.

Она пустила станок и, упрямая, будто ледяная, погрузилась в работу.

Послышался мужской голос:

— Товарищ Галкина!

Пришлось Косте снова отступить за колонну. Он старался не попадаться на глаза директору завода, потому что директор был строгий и озабоченный. Казалось, что этот коренастый небольшой человек в мохнатом пальто все что-то ищет в цехах, не может найти и сердится; его глаза так и постреливали острыми огоньками, а голос был отрывистый, требовательный.

— Сколько сегодня? — спросил он коротко.

— Четыре или пять из десяти,— ответила Нина Павловна виновато.— Опыт обходится слишком дорого, Лев Борисович. Признаться, меня это мучает, и я думаю...

— Мы не имеем права отказаться от полной проверки вашего предложения,— остановил ее директор.— Если ничего не дает нагрев «рюмки» в соли, переходите на свинцовую электрованну, но не опускайте рук. Вы коммунистка. Вы должны дать образец борьбы за новую технику. Кстати, первое же заседание партбюро будет по-

священо задачам технического прогресса. Обсудим вопрос о транспортере Балакина для уборки стружки, о вашем способе закалки «рюмки»... Наш новый парторг обещает, что парторганизация завода возьмет это дело под свое наблюдение. Приготовьтесь сделать сообщение на заседании бюро.

— Даже страшно становится,— вздохнула Нина Павловна.

— А вы не нагоняйте на себя страху,— вдруг усмехнулся директор.— Уверен, что эту задачу вы решите. Вы ученица лучшего термиста города, Василия Галкина, вы должны справиться... Да и парторганизация поможет. Новый парторг крепко берется за дело — фронтовик, ничего не скажешь... А теперь отправляйтесь домой отдохнуть. Но сначала посмотрим, как идет монтаж электрованны.

Старшие отправились в термический цех, Костя снова взялся за тележку, а Катя, занятая своими думами, даже не посмотрела на него. И хорошо! Только что он пожертвовал бы всем, чем угодно, чтобы успокоить, ободрить ее, а теперь сердился на «принцессу». Почему? Вернее всего, Костя не хотел видеть Катю такой, какой она показала себя при разговоре с Ниной Павловной.

Да, Нина Павловна была мачехой Кати. Бабушка. Антонина Антоновна, рассказала Косте, что Василий Галкин женился на Ниночке Пестряковой перед самой войной, спустя два года после того, как умерла его первая жена, мать Катюши. Все говорили, что Катя будет расти возле умной и доброй женщины, но она твердила, что отец не должен был забывать мамочку, и не хотела иметь ничего общего с Пестряковой, как она продолжала называть Нину Павловну. По мнению Кости, она поступала нехорошо, неправильно и зря обижала хорошего человека.

Косте повстречалась Леночка Туфик, вконец расстроенная, с красными глазами.

— Что Катя делает? — спросила Леночка всхлипнув.— Ой, Малышок, зачем мы не помешали ей резец заправлять? Герасим Иванович говорит, что это был наш долг...

— Да ну ее, поперечную душу! Помешаешь ей, как же! — пробормотал Костя и сердито двинул тележку к цеховым воротам.

Дело на Гималаях

По двору тележка кое-как прошла, хотя дорога была неудобна, а на Гималаях, как называли ребята гору стружек на свалке, началось мучение. Мелкую стружку полагалось сбрасывать посередине свалки, за хребтом из клубков стружки-вьюна. На хребет были проложены мостики, но доски обледенели, тележка все скатывалась, и пришлось обратиться за помощью к ребятам из второй бригады. Сначала Костя помог им выбить из коробки стружку-вьюн, а они помогли поднять тележку на хребет.

— Куда стружку на людей сыплешь! Ворона!

Это сказал Сева. Забравшись с Колькой Глухих в глубокую выемку Гималаев, он курил, как взрослый.

— А ты... ты чего лодыря гоняешь? — проговорил Костя, ошеломленный его наглостью.

— Мало еще я тебя гонял, а то умел бы стружку высыпать.

Дальше все стало неясно. Костя не помнит, как он очутился в выемке, почему пришлось драться не только с Секой, но и с Колькой. Когда наступило прояснение, оказалось, что он лежит на спине, на нем сидит Сева, а Колька давит на его плечи коленями.

— Хочешь снегом закусить? Хочешь снегом закусить?..— спрашивал Сева.

— Ты скажи, Малышок: поведешь нас в тайгу? Покажешь дорогу к золоту? В последний раз спрашиваем! — сказал Колька.

— Смелые вы — двое на одного! — ответил Костя задыхаясь.— Больно мне нужно с вами путаться! Сам пойду, а вас нипочем не поведу.

— Дай ему мороженого!— распорядился Колька.

— Кушайте, Малышок! — нежно проговорил Сева, зажимая ему рот снежком.

Послышался голос, тихий, но такой... такой, что все оцепенели:

— Брось!

Все трое вскочили. На них сверху, заложив руки в карманы бушлата и прищурившись, смотрел Бабин.

— Вот чем молодцы занимаются,— отметил он.— Безобразия устраивают, а в цехе стружки — выше головы.

— Он на нас первый бросился,— заявил Колька.— Он все время задирается.

— То резцы пережатые прячет, то кулаками тычется!— с отвращением проговорил мастер.— Идите в цех!

Несправедливость горька, даже если она неумышленна. Мальчишки тащили пустую тележку, а за ними шел мастер и читал нотацию, называя Булкина лодырем, а Костю драчуном и обманщиком. Костя молчал... Все обернулось против него. Спрятал он Катин резец? Да, спрятал. Напал он на Кольку и Севу? Да, напал. Но разве мастер поверил бы, что Костю заставили броситься в драку? В общем, все рухнуло: исчезла надежда стать токарем, и по-иному он смотрит на Катю, и...

Старый мастер присел за свой столик.

— Требуется вас разогнать по разным углам,— ре-

шил он.— Лодырничаете! Ты, Булкин, останешься на прежней работе.

— Много наработаю в летних туфлях! — сказал Сева, выставил ногу и повертел ею — мол, гляди сам.— Мои собственные ботинки каши просят, а цех до сих пор спецобуви не дал.

— Нету покамест ордерков на ботинки,— вздохнул Бабин.— Скоро валенки распределять будем. Оно даже и лучше по зимнему времени. Морозы-то крепчают.— Он обратился к Косте:— А ты, Малышев, возьмешь в инструменталке контргайки, найдешь Зиночку Соловьеву и съездишь с нею на строительство завода. Покрутись возле нашей шефской строительной бригады. Больше пользы будет...

Цех за двенадцать дней

Зиночка Соловьева была секретарем комсомольской организации, и без нее, конечно, не обходилось ни одно молодежное дело. Она была маленькая, темноглазая, звонкоголосая, носила шубку и шапку из беличьего меха, но даже самые завистливые девочки не позавидовали бы ей — такая шубка была старенькая и потертая. Может быть, Зиночка была хорошенькая, а может быть, дурнушка — этого никто не знал, потому что ее трудно было разглядеть — так она спешила. Случайно Костя слышал, что она дочь учителя, что в Белоруссии фашисты погубили всю ее семью. Старую беличью шубку достал завод, потому что Зиночка эвакуировалась в одном летнем платье.

В комнату комсомольского комитета, куда с увесистым мешком контргаяк явился Костя, все плотнее набивались ребята с лопатами и кайлами. Зиночка озабоченно говорила: «А вот Иван Петров пришел, а вот Федя Кострицын явился, а вот Наташа Олесова», и отмечала

пришедших в списке, стараясь спрятать под шапочку то одну, то другую черную тугую кудряшку.

— Ребята! — крикнула она и вскочила.— Запомните, кто в какой бригаде будет работать. Едем!

Она бросилась в дверь, точно спасалась; все бросились за нею, а Костя вышел последним, но потом в суматохе его оттеснили к середине кузова пятитонной машины, и он ничего не видел, кроме спин. Как только машина тронулась, все запели, и громче всех Зиночка — ее голосок был острый, как шильце, и все высовывался из кучи других голосов. Машину трясло и качало, Костя за кого-то схватился, кто-то схватился за Костю, чья-то лопата больно уперлась ему в бок, но все-таки он сразу привык к этому шумному путешествию. Но вот машина стала раскачиваться с борта на борт, а потом сразу остановилась. Все повалились, засмеялись и начали прыгать на землю. Костя увидел строительство, над которым шефствовал весь город.

Справа и слева стояли кирпичные старые корпуса, а между ними, на большом пустыре, все кипело и снега совсем не осталось. Люди скребли землю лопатами, дробили кайлами, бросали в кузова машин, а плотники стучали топорами, устанавливая толстые столбы. Все очень спешили, старались, но Костя сразу рассмотрел, что это не настоящие землекопы и плотники,— они были одеты не по-рабочему и не очень ловко обращались с лопатой, кайлом и топором.

Через весь пустырь был протянут полотняный плакат: «Построим цех «Б» за двенадцать дней!» И Костя удивился: даже небольшие бараки в Румянцевке строились летом месяц-два, а тут построй-ка зимой меньше чем за две недели!

Человек с красной повязкой на руке показал приехавшим их участок. Зиночка крикнула: «Ребята, время

дорого!» — схватила чье-то кайло и начала бить землю, и комсомольцы наперегонки взялись за работу.

— А гайки куда? — спросил Костя у Зиночки, так как ему стало совестно бездельничать.

— Ах, да! Совсем забыла. Пойдем скорее! Их ждут в цехе!

Они пробежали между двумя кострами, возле которых грелись шоферы, потом между двумя кирпичными цехами и очутились перед новой деревянной постройкой, такой большой, что она все загородила.

На этой постройке тоже был плакат:

«Принимай, фронт, подарок уральской общественности! Цех «А» построен за тринадцать дней».

В громадном, еще пустом цехе было тепло и немного дымно, пахло свежим деревом, горели яркие лампы и гудели, как живые, печки-буржуйки, поставленные на железные листы.

Профессор и гвоздик

У Кости отобрали мешок, но он даже не заметил этого.

Присев на корточки, люди зашивали рамы больших щитов тонкими шелевками в елочку. Работа простая, но Костя невольно рассмеялся. Человек, насмешивший Костю, тоже не походил на плотника. На голове у него была высокая каракулевая шапка, на носу — очки в прозрачной оправе, а лицо такое серьезное, будто он заколачивал золотые гвоздики. Но все равно он не умел. Он стукнул раз, и гвоздик ушел в дерево на треть; еще стукнул — очки съехали на кончик носа, а гвоздик лег набок. Тут Костя и засмеялся.

Поправив очки, человек строго посмотрел на него.

— Смеешься? — спросил он.

На всякий случай Костя сделал шаг назад, а жен-

шина, которая пришивала шелевки к этой же раме, назидательно заметила:

— Профессор вообще не любит критики.

— Нет, я не люблю глупого смеха... Он думает, что так легко забивать гвозди. Да?

— А то трудно! — пробормотал Костя.

— Ах, тебе не трудно! — воскликнул тот, кого женщина назвала профессором.— Покажи, как ты забиваешь гвозди, а мы посмеемся! — И он протянул Косте молоток.

— Попался, Малышев! — сказала Зиночка, которая вдруг очутилась возле Кости.— Проси извинения, и пойдем.

Но Костя, взяв молоток, присел на корточки, легким ударом прищепил гвоздик, хлопнул молотком и задержал его на шелевке.

— Ага, гвоздик-то выскочил! — воскликнул профессор.— Критиковать легче, чем дело делать. Где гвоздик, молодой человек?

Когда Костя медленно поднял молоток, оказалось, что шляпка ушла глубоко в дерево. Профессор недоверчиво поскреб ее ногтем.

— Гм... Гм... Один случай решительно ничего не доказывает! — заявил он.— Еще.

Прищепив три гвоздика, Костя быстро стукнул три раза, и все гвозди спрятались.

— Нет, вы посмотрите, что делает этот клоп! — восторженно закричал профессор.— Это абсолютно точный удар, это... это, вероятно, классик забивания гвоздей! — Приподняв над головой шапку, он протянул Косте руку:— Приношу искренние извинения. Вы имеете полное право смеяться, когда я порчу гвозди. Где вы так научились?

— Когда бараки в Румянцевке строили,— сказал

смущенный Костя, нерешительно прикоснувшись к его руке.

Люди, работавшие на обшивке щитов, столпились вокруг Кости. Он показывал им, как забивать гвозди, охотно стучал молотком и даже не заметил, что Зиночка куда-то исчезла.

— Да ведь мы уже с ним встречались! — слышался знакомый голос.— Я думал, что этот паренек умеет только драться, а, оказывается, он и полезное дело знает.

Рядом с Зинойчкой, опираясь левой рукой на палку, стоял человек в шинели, тот самый, который сегодня утром помог Косте выбраться на тропинку Земляного холма. Конечно, это Зиночка привела его посмотреть, как ловко стучит молотком Малышев.

— Хорошо гвоздики заколачиваешь,— сказал он.— Мастерски делаешь.— Он обратился к Зинойчке:— Нет, товарищ Соловьева, я не согласен с твоим предложением. На подшефном строительстве работников хватает, а вот в тарном цехе Северного Полюса паренек пригодится. — Он сказал Косте: — Завтра заводская комсомольская организация отправляет на Северный Полюс бригаду социалистической помощи. Хочешь поехать?

— А на Северном Полюсе Миша Полянчук работает? — спросил Костя, еще не веря своим ушам.

— Да, да! Он комсорг тарного цеха и бригадир передового участка,— сказала Зиночка.

— Значит, ты согласен? Включи, товарищ Соловьева, его в бригаду. Как твоя фамилия, парень?.. Ну, вот и познакомились, Малышев. Покажи себя на Северном Полюсе.— И, кивнув головой, он ушел, прихрамывая и мягко постукивая палкой по деревянному полу.

— Это новый парторг Цека на заводе, Сергей Степанович Тагильцев,— пояснила Зиночка.— Он с фронта и очень, очень деловой!

Как только вернулись на завод, Зиночка пошла с Костей к Герасиму Ивановичу, и тот без спора отпустил своего рабочего:

— Пускай съездит... Я на него сердит. Драчливый мальчонка растет. Да еще и врать научился.

Старик отвернулся от него, но это была последняя тучка. Впереди зажглось солнце — Костя был рад, что увидит Мишу.

В термичке

Когда ждешь что-нибудь хорошее, то кажется, что часы стали длинными-длинными, но это только так кажется. По приказу мастера Костя до конца смены помогал кладовщикам разбирать инструмент, а когда прогудел гудок, решил, что нет смысла бежать домой, что не надо встречаться с Севой и Катей; к тому же он боялся утром опоздать на автобус. «За печи пойду», — подумал он, отправился в термичку, как называли на заводе термический цех, и в дверях столкнулся с Ниной Павловной, которая только что вернулась из дому.

Узнав, зачем явился Костя, она предложила:

— В лаборатории есть теплый уголок, и ты хорошо переночуешь. Пойдем...

Термический цех работал днем и ночью. Он был такой закопченный, что, казалось, вместо стен и потолка у него глубокая темнота. Здесь всегда было много металла. Блестящие или ржавые детали, сложенные штабелями, ждали закалки, а в других штабелях детали были черные и жирно лоснились — эти уже получили закалку.

— Сколько годных «рюмок» в последней партии? — спросила Нина Павловна у пожилой женщины, работавшей за контрольным столом.

— Одиннадцать из двадцати,— ответила та недовольно.— Сколько ты, Нина, с Дикерманом «рюмок» перепортила... Уж теперь, если своего не добьетесь, всем калильщикам позор.

— Добиться надо,— задумчиво проговорила Нина Павловна.— Дело не только в позоре, а в том, что это важно для фронта...

Вниманием Кости завладели главные нагревательные печи, которые назывались туннельными. Две печи стояли рядом — длинные, гораздо длиннее автобуса. В одном конце печи светилось широкое садовое окно, в которое работницы подавали деталь за деталью, а в другом конце, как узкий огненный зрачок, багровело окно для выдачи нагретых деталей.

Он заглянул в садовое окно, и печь показалась огненным туннелем. Там все было раскалено добела — и стены и свод. По туннелю медленно ползли к выдаче заготовки, уложенные рядами. Ползли они, конечно, не сами — их передвигала цепь, которая через прорезы в полу крючьями цепляла заготовки. Пока заготовка проходила через печь, она нагревалась: была черной, а становилась белой, раскаленной. Оставалось окунуть ее в черное масло и закалить: сделать крепкой, твердой...

— Ты засмотрелся, Малышок. Пойдем! — позвала его Нина Павловна, которая успела о чем-то переговорить с калильщиками.

В лаборатории было светло, чисто. Удивительно, почему для черного калильного дела нужно так много книг, что они едва помещаются в шкафу, так много непонятной посуды из тонкого стекла и еще весы и микроскопы!

— Вымой руки,— сказала Нина Павловна.— Теперь закуси. Вот бутерброды с сыром. Ешь, не стесняйся... А я — за работу.

Раньше Костя думал, что работать можно промывочным ковшом, молотком, с ружьем в лесу, за станком или с тележкой, а оказывается, что можно и так: Нина Павловна вынула из портфеля толстые тетради, книги, сложила руки и задумалась, глядя на грубую заготовку для детали «рюмки» и на готовую блестящую деталь.

— Ты, конечно, знаешь, что мы делаем для фронта? — вдруг спросила она.

— «Катюши» делаем,— ответил он тихо, соблюдая военную тайну.

— Да, делаем некоторые детали для снаряда «катюши»... Это сильное оружие. Фронт требует все больше «катюш», и мы могли бы дать больше, если бы не «рюмка». Сейчас токари точат «рюмки» из закаленных заготовок. Горят, ломаются резцы, работа идет медленно. Можно было бы точить «рюмки» из сырой, незакаленной стали, а уж потом калить готовые, но закалка готовой «рюмки» не удастся: у нее слишком тонкие стенки. В закалке «рюмка» деформируется, корежится, получается брак... Сегодня мы успешно закалили только пятьдесят пять процентов «рюмок». Позорно мало!..— Нина Павловна прошла по лаборатории и твердо проговорила:— Жива не буду, а научусь калить «рюмки»-тонкостенки. Нагрев деталей в соли ничего не дал. Посмотрим, что даст работа со свинцовой нагревательной ванной. Не пойдет дело так — пойдет как-нибудь иначе. Вася учил меня, что в нашем деле важнее всего упорство... впрочем, как и во всяком другом. Всех ученых-металлургов на ноги подниму, сто режимов закалки перепробую, но своего добьюсь! Кто знает, сколько жизней спасет каждая лишняя «катюша» и чья это будет жизнь! — Она села за стол и начала перелистывать книгу.— Ложись спать, Малышок, завтра я рано подниму тебя...

За шкафом стоял диванчик. Костя лег, укрылся ватником и немного подумал о сегодняшнем дне, который начался плохо, а кончился совсем хорошо. Вот он уедет на Полюс...

Где-то за холмом останется дом, где живут девочка-задавака с синими глазами и обидчик Булкин... Плохие они люди, лучше обойтись без них. Где-то останется цех со старым мастером... Не хочет Бабин сделать Костю токарем по металлу, не дает ему резать сталь — не надо.

— Спишь? — вполголоса спросила Нина Павловна.

— Не...

— А о чем ты вздыхаешь?

Он промолчал, застигнутый врасплох.

— Тебе жаль оставлять завод и товарищей?

— Больно они мне надобны, поперечные души! — ответил он с досадой.

— Правда, ведь вы не дружите... И это плохо, что вы не дружите... Все-таки спи, Малышок...

Да, Малышок уедет к Мише на Северный Полюс, до которого «десять километров, и все прямо, с поворотами», и сделает это с радостью; а то, что он глубоко вздохнул, так это просто непонятно почему.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Северный

Полюс

Утром, еще в потемках, заводской автобус уехал на Северный Полюс. Пассажирами были ребята из молодежного механического цеха.

— А долго мы полярников, моржей-тюленей, будем на буксире тащить-вытаскивать? — спросил кто-то.

— Ребята, ребята! — вмешалась Зиночка Соловьева. — Я вас предупреждаю: не ставьте на Полюсе вопрос так, что мы приехали брать их на буксир. Это обидное слово. Полярники работают самоотверженно, но получен приказ товарища Сталина, что нужно ускорить отправку продукции на фронт. Вот мы и едем помогать филиальским...

Пассажиры автобуса притихли. Костя почувствовал себя важным человеком: он едет выполнять приказ товарища Сталина.

Сначала за окном мелькали дома, потом фары освещали только стволы сосен, и наконец автобус стал. Приехавшие вышли. Перед ними был высокий забор с колючей проволокой. Сбоку падал луч яркого света. Зашелестел шепот:

— Гляди, прожектор светит...

Тайга, родная тайга, приняла его — не гостя, а хозяина.

К стр. 74

— А зачем?

— Чудак, не понимаешь! Чтобы сразу было видно, кто идет.

— На Полюсе строго...

— А ты думал!..

— Гляди, на вышке часовой в шубе...

В заборе открылась дверца, и послышался голос:

— Давайте по одному!

Когда пришла очередь Кости, он увидел в сторожке двух военных.

— Имя, отчество, фамилия? — спросил один из них, глядя в список.

В эту минуту Костя смотрел на овчарку, которая, свесив язык, сидела возле другого военного.

— Малышок, — ответил он, но тотчас же поправился: — Малышев Константин Григорьевич...

— В другой раз не путайте, Константин Григорьевич! — сказал военный, взяв под козырек. — И без того видно, что вы малышок.

Переступив порог, Костя очутился на широком дворе. Ребята уже разделились на группы, и возле каждой группы стоял взрослый. Тотчас же кто-то обнял Костю:

— Вот сюрприз! Если не ошибаюсь, это Малышок-корешок! Этого я заберу вместе с его шапкой в тарный цех!

— Да, да, Миша! — поспешила Зиночка. — Он ловко забивает гвоздики. Вчера на заводе он всех удивил. Парторг Цека приказал включить его в бригаду.

— Не знал, что у моего Малышка такой талант, а то Уже давно перетасил бы его на Полюс. У нас для хорошего молотка много работы.

Зиночка крикнула: «Тихо!» — и обратилась к ребятам:

— Еще раз напоминаю, как нужно себя вести на Полюсе. Соблюдайте все правила филиала. По цехам без

толку не бегать, вахтеров и взрослых рабочих слушаться. Ничего не зарисовывать, не записывать. Вернувшись домой, никому ни слова — ни отцу, ни матери, ни знакомым. Все понятно?

Голоса прошумели: ребята пообещали молчать.

— Больше всего я уверен в Малышке,— шепнул Миша.— Он даже мне ни словечка не сказал. Наверное, язык откусил, когда кашу ел. Говори, не рад меня видеть?

— Рад,— ответил Костя, и больше у него не нашлось слов.

Группа Миши Полянчука направилась к большому сараю из толстых бревен. Возле сарая лежали штабеля длинных и коротких дощечек. Широкие ворота открылись. Из сарая хлынула волна шума и белого пара. Показалось, что этот шум вытолкнул по рельсам вагонетку, высоко нагруженную плоскими, аккуратными ящиками. Потом ребята увидели цех, освещенный электрическими лампами. За верстаками работали подростки — сколачивали из дощечек щитки. Ближе к выходу взрослые рабочие мастерили из щитков ящики, навешивали петли и запоры.

Бригадиры разобрали новичков и поставили их за верстаки.

— Будешь сколачивать донце,— сказал Миша, протянув Косте молоток.— На две поперечины клади три доски — вот так, одну к другой. Каждую доску пришивай к поперечинам четырьмя гвоздиками. Покажи, как ты можешь, корешок.

Чуть-чуть призадумавшись, Костя легкими пристуками молотка поставил все двенадцать гвоздиков на место, потом, как из пулемета, хлопнул двенадцать раз. Гвозди, спасаясь от его молотка, спрятались в дерево.

— Ух ты! — удивился Миша.— А еще раз!

Стараясь не улыбаться, Костя забил шесть гвоздей,

держа молоток в правой руке, а потом перебросил его в левую руку и заколотил остальные гвозди.

— А я могу и с пальца забивать, глянь!

Не отнимая пальцев от гвоздя, Костя быстро опустил молоток. Мише показалось, что на свете стало двумя пальцами меньше, но Костя успел убрать их в тот самый миг, когда гвоздь погружался в дерево.

— Так ты не балуй. Придется новые пальцы пришивать — где я иголку и нитку возьму? А вообще нужно признать, что ты виртуоз.

— Чего? — спросил удивленный Костя.

— Виртуоз — это значит такой ловкий, что просто ах. И знаешь, — проговорил Миша задумчиво, — мне пришла в голову мысль. — Он хлопнул себя по лбу: — Думай, голова, — шапку куплю!

— Ай! — послышалось рядом.

Рыжая девушка, которую Костя знал — она работала на заводе в инструментальном складе второго цеха и ее называли «мировым пожаром» за цвет волос, — положила палец в рот, как конфетку.

— Я не умею молотком, — прошепелявила она. — Все пальцы поотбивала.

— Вынь палец, маникюр испортишь. Ты складывай дощечки, а Малышок будет сколачивать, — приказал Миша. — У меня мысль есть...

Работа пошла веселая. Костя с увлечением хлопал молотком. Рукоятка точно приросла к ладони, и было приятно, что подростки бегают смотреть на работу новичка, было приятно, что Зиночка хвалит его.

— Стоп, доночный участок! — крикнул Миша, вскочив на верстак, и, когда затихли молотки, объявил: — Костя Малышев со своей подручной Клавой Еремеевой уже выполнили по полторы нормы, чего и вам желают!

Ребята зашумели.

— С подручной и дурак сумеет, — заявил кто-то.

Но было ясно, что это зависть и больше ничего.

— Товарищ Полянчук, прикажи продолжать работу,— сказал полный мужчина в черном ватнике и высоких фетровых валенках, приведенный в цех Зинойкой Соловьевой. Он внимательно пригляделся к работе Кости и обратился к Мише:— Действительно, если тарники научатся так работать и если разделить операции, как предлагаете вы с Соловьевой, то дело пойдет лучше. А ты, Малышев, помнишь, как тебя учили работать молотком?

— Дед Вак Иванович Крюков, как бараки строили, дал вот столечко гвоздиков,— Костя взял из ящика горсть гвоздей,— да еще доску-дюймовку дал. Показал, как робить, а потом велел забивать да клещиками вытаскивать и...

— И что?

— И кажет: «Покуль не научишься забивать с одного стука, обедать не позову»,— закончил Костя.

— Когда же тебе удалось пообедать? — удивилась Зинойчка.

— Два дня хлебец жевал, а в третий и пообедал...

— Школу он прошел строгую,— засмеялся высокий человек.— Мы так учить не будем. Тебя, товарищ Полянчук, завтра заменит на участке Круглов, а ты займись Малышевым, научи его культурно передавать свой метод. Пускай он подготовит в своей стахановской школе несколько таких же инструкторов.

— Красота, Малышок! — сказал Миша, когда этот человек ушел.— Завтра мы с тобой проведем весь день в Верхнем общежитии. Это был начальник филиала Шестаков, понимаешь? Дело пойдет, Малышок!..

— Все-таки какое чутье у нового парторга,— радовалась Зинойчка:— он сразу понял, что Малышок пригодится в тарном цехе. Я просто готова влюбиться в нашего парторга! Говорю совершенно откровенно...

Еще веселее Костя застучал молотком. Клава покраснелась, огненная челка прилипла ко лбу и потемнела, но, когда работа спорится, человек не замечает усталости.

Верхнее общежитие

Тропинка взбежала между скалами на площадку, поросшую старыми елями. В серебристом лунном свете Костя увидел Верхнее общежитие — резной красивый дом, где жили бригадиры филиала. До войны здесь помещалась лыжная база спортивного общества. Костя обернулся. Под горой расстиралось бескрайнее лесное море, спокойное и молчаливое.

— У нас словно как на курорте,— сказал Миша.

Они вошли в дом, поздоровались со старушкой уборщицей и по узкой лестнице поднялись на второй этаж, в комнатку-клетушку. Миша зажег коптилку, и Костя прежде всего увидел в углу несколько пар лыж. Правда, это были не такие лыжи, какие подарил ему Митрий,— те были широкие, подбитые оленьим мехом, а эти очень узкие, длинные, шеголеватые.

— Чьи это? — спросил он осторожно.

— А хоть чьи... Их забыли в столярке. Я пробовал кататься, только у меня пока не получается. Ровного места нет, одни горы. Трудно устоять на лыжах.

— Чего там трудно! — усмехнулся Костя.— Завтрась побежим?

— Решено! Заодно давай условимся, что ты забудешь слово «завтрась» и будешь говорить «завтра».

В круглой железной печурке загудел огонь. Миша вскипятил чай и на стол выставил хлеб, сахар и немного масла в стеклянной баночке. Счастливый Костя пил чай; Миша радушно угощал его хлебом с маслом.

— Ты немного похудел — должно быть, потому, что решил подрасти,— сказал он, улыбаясь, своему другу.— Правильно задумано. Расти тебе надо целый метр с половиной, не считая двух четвертушек... Ну, чего молчишь? Язык у тебя очень коротенький. А как тебе живется?

Теперь все обстояло замечательно, потому что возле Кости был Миша, тоже немного похудевший и ставший взрослее, но по-прежнему веселый, ласковый.

Номерной военный завод, дом за холмом — все это показалось очень далеким, и было неясно, существовало ли это на свете или только приснилось.

— За станок еще не поставили? В подсобных ходишь? Не хмурься. У меня есть совершенно блестящий план.

Только-только Костя собрался спросить, что это за план, как в дверь постучали.

— Товарищ Собинов, вас ждут! — И густой голос пропел:— До-ре-ми-фа-соль-ля!

Какой Собинов? Но Миша ответил, точно и впрямь был не Полянчук:

— Сейчас, товарищ Шаляпин! — И он объяснил Косте: — Здесь почти все украинцы живут. Мы перед сном концерты устраиваем, как знаменитые певцы. Хочешь послушать?

— Хочу...

— А глаза слипаются... Ложись-ка спать. Я с товарищами посижу часок. Только займи не больше пятидесяти процентов койки. Я тоже иногда ночью сплю.— И с этой шуткой Миша ушел.

Раздевшись, Костя повесил носки возле печурки и нырнул под одеяло. Как спокойно было в комнатухе над заснеженным лесом! Внизу что-то мягко зазвенело, голоса слились в незнакомую красивую песню, и Косте

стало грустно, потому что его счастье было неполным. Где Митрий? На фронте... Фронт — это, наверное, вроде той поляны, где Митрий принял на длинный вогульский нож большого медведя и где они с Митрием потом свеживали жирную тушу. Только на фронте вместо медведя — фашист. Убил Митрий фашиста? Непременно убил, и не одного фашиста, а много, не счесть... Голоса внизу зазвучали веселее, и грусть стала нежной.

Если разобраться, Костя прожил с братом очень мало. Митрий все уходил да уходил в тайгу, оставляя Костю в Румянцевке, у старушки Павлины Леонтьевны Колобурдиной. Он был уверен, что братишка не пропадет. Ведь Костя и золото мыть и на строительстве работать — все умеет. Вот только учиться было некогда... А Митрий бродил с товарищами по берегам золотоносных речушек, ловил соболей капканами; прошлой зимой подался к вогулам, весной принес шесть собольих шкурок да заветную тамгу Володьки Бахтиарова, забрал Костю со строительства барачков, сдал шкурки в «Заготпушнину» и пировал два месяца. Потом вдруг война, и вот Митрий, обнимая Костю, щекоча его своими усиками, говорит...

На этом Костя заснул...

Из лесу вышла большая осторожная тень на высоких ногах. Ее выслала в разведку тайга, узнав, что в резном доме появился Малышок. Тень остановилась на опушке, чуть слышно втянула воздух, почуяла запах дыма и качнула рогами — большими, как старые еловые лапы. Долго смотрела она на освещенные окна — три внизу, одно под самой крышей. До круглых настороженных ушей доносились людские голоса — люди пели, как иногда поют охотники у костра. Тень забеспокоилась, медленно повернулась и ушла в лес, широко переставляя ноги по глубокому лунному снегу.

Солнце светило в окошечко, когда Костя открыл глаза. Как он заспался после вчерашнего длинного дня! На печурке чайник хлопотливо стучал крышкой.

— Вставай, Малышок! — весело окликнул Миша. — Зимний день коротенький. Нужно провернуть тысячу дел на большой скорости.

За завтраком Костя поделился с другом мыслями о брате.

— А ты напиши в Румянцевку старушке, у которой вы жили, и спроси, нет ли писем от брата, — сразу посоветовал Миша. — Если есть письма, пускай пришлет их на твой нынешний адрес. Давай спланируем день так: сейчас возьмемся за дело, потом пройдемся на лыжах, а вечером напишем письмо.

Убрав со стола, Миша принес снизу отрезок доски, достал молоток и гвозди:

— Покажи, как ты держишь молоток. Правильно я держу?

— Не!.. Неправильно, — определил Костя. — Ты ручку-то не жми, не силясь. Держи легонько, играючи, — хоть сколько стучи, не уморишься.

— Теперь покажи, как ты опускаешь молоток. — Хорошенько приглядевшись, Миша все понял: — Вернее сказать, что ты его не опускаешь, а бросаешь всей тяжестью на шляпку гвоздя. Так я говорю?

— Выходит, так... А надо всех ребят научить? Тогда я долго здесь буду?

— Ты обучишь человек десять, и они тогда станут инструкторами передового метода. А хочешь на филиале остаться?

— А то нет! — откровенно признался Костя. — Чего я буду в подсобных ходить!

— Все учтено! — скрепил Миша. — У меня такой же

план. Продолжаем! Теперь покажи, как молоток должен касаться шляпки гвоздя, чтобы он без разговоров входил в дерево.

Долго еще со смехом и шутками трудился Миша, пока будущий руководитель стахановской школы не усвоил, как нужно передавать ребятам искусство заколачивания гвоздя с одного удара. Заодно Костя учился правильно произносить слова. Потом Миша вздумал забивать гвозди по-стахановски и так разохотился, что обо всем забыл.

— На лыжах-то пойдем? — напомнил Костя.

Они вышли на крылечко, пошурились, привыкли к солнцу, и началась возня. Костю удивило то, что ловкий, подвижной Миша выглядит увальнем на лыжах. Спортивные лыжи были не такие удобные, как охотничьи лыжи, но Костя сразу привык к ним, сделал несколько петель вокруг Миши, который кое-как ковылял через полянку, бросил палки под елью: «А ну их!» — и побежал, расставив руки, немного согнутые в локтях, по-вогульски.

— Давай под гору скатимся,— предложил он Мише.

Тяжело дыша, тот посмотрел вниз и покачал головой:

— На сосну налечу. Тут их много торчит.

— А ты от сосны в сторону...

— Вот тогда я уж непременно другую сосну сломаю, самую толстую.

— Какой ты! — огорчился Костя и вдруг закричал:— Глянь, глянь, зверь! — и показал на широкий след под сосной.

— При чем тут зверь! — удивился Миша.— Корова, наверное, была...

— Какая корова! Кажу, зверь! — И пояснил:— Сохатый тут был... ну, лось по-городскому. Понимаешь?

— Что же, может быть,— согласился Миша.— Я слы-

шал, что несколько лет назад в здешний парк культуры забежали два лося. За ними нельзя охотиться возле города, вот они и бродят где попало. Знаешь, что я придумал, корешок? Воспользуйся случаем и покатайся в полную волю. Беги за своим зверем, а я заберусь домой и почитаю...

Зов тайги

Улыбнувшись другу, Костя бросился под гору — не за сохатым, а просто так. Маленькая фигурка мчалась между соснами, оставляя за собой облако легкой, блестящей снежной пыли. Вот на пути встретилось какое-то препятствие — пень или камень, прикрытый снегом. Костя сжался, подтянул лыжи, подпрыгнул и снова замелькал среди толстых стволов.

«Чертенок!» — подумал Миша с невольной завистью.

Костя летел все дальше. Воздух наполнил грудь, свистел в ушах, горячил лицо. Он забыл обо всем, что было за этими соснами. Тайга, родная тайга, неожиданно найденная возле города, приняла его — не гостя, а хозяина.

Он скатился в долинку между горушками и побежал, оглядываясь по сторонам. Ладный, рослый лес, только больно уж чистый. Какие завалы валежника начинались почти сразу за Румянцевкой, как много было палых лесин, как часто путь преграждали речушки! Но и здесь хорошо! Каждая сосна отдает ему часть своего чистого дыхания, каждая что-нибудь шепнет. Между ветвями светится нежное зеленоватое небо, на темной хвое лежит бледное солнечное золото, а вокруг много следов — и заячьих, и лисьих, и горностайчик пробежал...

Это дом, это его дом, и приветливые сосны передают его друг дружке. Вот эта — сколь велика, кряжиста! Под такими соснами девушки маньси разбивают становища, когда приходится заночевать в тайге. Повесят на

дерево оленью шкуру — значит, они дома, поднимут костерок и сидят, поджав ноги, перебирают косички, судачат о лесных новостях, высмеивают парней и хвастаются ниткой зеркальных бус или удачным выстрелом.

За той гущей, где никогда не бывало ветерка, впору разбить большое становье для оленьего обоза, когда маньси везут грузы на далекий прииск. Разожги долгопламенные костры-нодьи и отдыхай в верном тепле. Развернет молодая черноглазая женщина мягкие оленьи шкуры, достанет голенького младенчика, полненького, как кедровое ядрышко, и подбрасывает, и ловит его на ласковые руки, и целует на лету, а ребенок тянется ручонками ко всему, что блестит, — к пламени костра и солнечному лучу.

Скоро, скоро он увидит Митрия. Они условились, что Костя выбежит навстречу брату к Черному камню, который одиноко торчит в тайге. Митрий, наверное, уже вышел на условленное место и чутко прислушивается. Длинные уши меховой шапки завязаны сзади свободным узлом, лицо загоревшее, а зубы такие белые, что издали видать его улыбку. Митрий крикнет: «Где пропадаешь?», — а Муська с веселым лаем покатится под ноги Косте. С одного взгляда он увидит, сколько беличьих шкурок на поясе у Митрия и что еще попало ему на пути, но скажет домашнее: «А бабка Павлина нынче баньку для тебя топит... А дядька Колыш завтрашь на пельмени зывает», и они пойдут на квартиру по Костиной лыжне.

Он поравнялся с черной скалой и не сразу понял, что человек, стоявший возле скалы, опершись на лыжную палку, — не Митрий. Человек был статный, с приветливым лицом, в теплой шапке, с винтовкой за плечами.

Здравствуйте, — солидно сказал Костя.

— Здоров будь! Каким стилем бегаешь? Где учился?

— Сам учился да Митрий учил, братан мой... На фронте он.

— Значит, встречу с ним...

— А я ему брат родной, Константин Григорьевич Малышев,— поспешно добавил Костя.

— Ишь, как ловко выходит! — усмехнулся военный человек.— Я думал, что только он тебе брат, а оказывается, и ты ему брат. Запомним...— Он достал из-под полы полушубка фляжку, предложил:— Испей чайку! — и налил в алюминиевый стаканчик крепкого подслащенного чая.— Прощай, парень, я пошел! — сказал человек и двинулся широким, красивым шагом, будто лыжи сами плыли по снегу, а их хозяин тем временем мерил дорогу палками.

Костя подумал, что это, должно быть, самый отличный стиль.

Вдруг он увидел: солнце, рассеченное березкой, вот-вот заденет горушку... Домой надо... А зачем домой? Если бы ружьишко да краюшка хлеба — разве не здесь его дом? Вишь как вывернулась, пала сосна, козырьком подняв сохлые корни. Расчистить глинку под корнями, натаскать еловых лап, завалить на три четверти щель, изнутри закрыть лаз — и как будет сухо, тепло в лесном жилье! Без огня переспишь, живой встанешь...

Солнце стало большим, красным, опустилось на горушку, обломало краешек. Сосновая хвоя занялась густой розовой подкраской. Шепот пробежал по лесу: «Уходишь? Зачем?» Сердце ответило: «Может, скоро вернусь». Костя бежал домой, складывая в уме важное решение. Когда он вновь увидел резной домик, решение поспело.

Тамга

Миша заклеил конверт.

— Я уверен,— сказал он,— что твой брат уже шлет письма с фронта, а Колобурдина просто не знает, куда

их переправить. Теперь все в порядке. Бросим письмо в почтовый ящик и будем ждать ответа.

Они сварили картошку и поели. Костя был немного обеспокоен, как человек, выбирающий удобную минуту для серьезного разговора.

— Взгрустнул о Дмитрие? — спросил Миша.

— Дело есть,— с важным видом ответил Костя.

— Большое? Международного масштаба? Поделись...

Взяв складной Мишин ножик, Костя отвернулся, распорол шов на поясе брюк, достал кусочек бересты, свернутой в тугую трубку, развернул ее и протянул заинтересованному Мише.

— Что это?

— Тамга. Не видишь, что ли?

— Действительно, тамга как живая!— шутливо обрадовался Миша, разглядывая нехитрый рисунок, сделанный на бересте голубой краской.— Вот только жаль — я не понимаю, что значит тамга. Смешной человек держит лук и три стрелы... А на что эта тамга?

— Ты ее какому хошь маньси-вогулу покажи, а он тебя к самому старому Володьке Бахтиарову сведет. Ты ему тамгу дашь, а он тебя в синий туман возьмет.

— Что за синий туман?

...Когда Костя кончил повесть о Святом озере с поющими рыбами и золотым дном, путь к которому знает старый Бахтиаров, Миша спросил:

— Извиняюсь, гражданин, зачем вы мне рассказываете детские сказки? Неужели ты веришь глупостям?

Особенно обидело Костю то, что его друг так и выразился: «Извиняюсь, гражданин». Лицо его потемнело, глаза сердито блеснули.

— Я дело сказываю,— проговорил он наконец.

— Значит, ты предлагаешь мне пойти в синий туман?

— Предлагаю вот,— проронил Костя.— Как знаешь, так бери.

— Хорошо, рассмотрим вопрос технически,— серьезно сказал Миша.— Пускай даже все обстоит, как ты говоришь. Кто нас отпустит с завода?

— Ну, не отпустят...— многозначительно произнес Костя.

— Значит, ты предлагаешь сбежать?

Не слова товарища обеспокоили Костю, а та подозрительность, которая в них прозвучала. Действительно, Миша смотрел на своего маленького товарища с таким выражением, будто увидел чужого, нехорошего человека.

— Металла-то сколько принесем! — поспешил укрепить свою позицию Костя.— По десять килограммов верных возьмем. Правду говорю...

— Допустим, принесем мы золото. Что дальше? Богачами станем? — допытывался Миша.

Началось самое трудное. В словах Миши звучало насмешливое презрение: это касалось не только всей затеи, но и Кости, к которому еще минуту назад Миша относился так доверчиво. Он понял, что погибает во мнении своего друга.

— Мы себе только на лапотину... ну, на обзаведение малость оставим, а все остальное сдадим,— объяснил Костя.— Танки, оружие всякое купить. Севолод сказывает, золота нужно много.

— Вот, оказывается, в чем дело! — с облегчением заметил Миша.— А я думал, что ты о своем кармане заботаешься. Три четверти вины прочь! Теперь слушай, корешок. Если даже все это, что ты мне рассказывал, чистая правда, я в этом деле тебе не товарищ. На заводе никто поющим рыбам не поверит, никто нас не отпустит, а бежать я, понятное дело, не хочу. Это будет предательством, понимаешь? Я комсомолец, Костя, а комсомольская честь всего дороже. Как я могу обмануть комсомол, как могу бросить дело! Теперь скажи, кто такой Севолод, какое отношение он имеет... к синему туману.

Когда Костя объяснил, что Сева Булкин — это тот самый «золотоискатель», которого Миша видел в день приезда на завод, когда Миша узнал, что Сева с Колькой Глухих добиваются, чтобы Костя повел их за золотом, он снова встревожился:

— «Золотоискатель» тебя на побег подбивает, очень просто! Непременно попрошу Зиночку, чтобы она взялась за вашу компанию. Вы сдуру такое натворите, что всю жизнь не расхлебаете.

Дело обернулось неладно. Костя испугался, что вмешается шумная Зиночка Соловьева, а Сева и Колька увидят, что он их выдал, хоть сам же завел речь о си-нем тумане.

— Ты Зиночке-то не сказывай,— пробормотал он.

— А глупости бросишь? Нет, непременно добьюсь, чтобы ты на филиале остался. У меня жить будешь. Тебе учиться надо, я об этом позабочусь. А «золотоискателю» передай, что он думает глупо. Ишь, герой нашелся! Будто без него государство не может добыть столько золота, сколько нужно. Ошибается! И сейчас золота добывают много — в газетах об этом пишут. Но сейчас для нас дороже другое золото.

— Какое это? — недоверчиво спросил Костя.

— Вот какое.— Миша взял его жесткие руки, положил на стол, а рядом с его руками положил свои, сжатые в кулаки.— Вот самое дорогое золото — наши руки. Они должны дать фронту оружие — столько, сколько нужно. Вот наш завод делает «катюши», вот Большой завод, что басом гудит, уже печет танки, как пироги. И не он один. Нужно только, чтобы руки делали то, что прикажет партия. Сам подумай, что будет, если рабочий с завода уйдет! Это все равно, что с фронта. Рабочие руки, если они работают честно, дороже всякого золота.

Впервые в жизни Костя посмотрел на свои жесткие, крепкие руки с большим уважением.

— Все понял? — спросил Миша.

— Ясно, понял,— ответил Костя.— Нельзя с завода уходить.

— Точка! — скрепил Миша.

В ту ночь сохатый не пришел на полянку, где стоял резной дом под высокой крышей. Тайга, вероятно, догадалась, что мальчик из Румянцевки совсем хорошо понял, что его настоящее место на заводе, что он не имеет права бросать производство, пока его руки не сделают всего для победы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Наставник

В тарном цехе было немало отличных работников. Бригадирь дал пятерку лучших ударников в стахановскую школу Кости Малышева. Все они были старше своего наставника и поэтому отнеслись к нему немного насмешливо. Миша побаивался, что Малышок смутится, растеряется, покажет себя маленьким, но он ошибся. В суровом северном крае, где вырос Костя, люди борются с природой артельно: они сообща моют золото, валят лес, ходят на охоту.

В артелях слово старшего — закон, но старшим становится тот, кто имеет больше опыта.

Окинув спокойным взглядом своих учеников, Костя молча установил три гвоздика и забил их тремя ударами.

— Кто так может? — спросил он.

— Подумаешь, удивил! — заговорили ребята.

Из пятерых человек трое решили эту задачу.

«Фокус не удался», — подумал встревоженный Миша, но Костя как ни в чем не бывало установил двенадцать гвоздиков и забил их.

— А теперь кто? — спросил он.

Четыре гвоздя с одного раза утопил маленький серьезный Валя Вихряков, другие и того не сделали.

— Что ж вы! — серьезно сказал Костя. — Мне хоть сто гвоздей выставь, все заколочу. Уметь надо! — Он говорил твердо, без хвастовства, и Миша успокоился. — Вот ты, Вихряков... Ты работаешь ладно, а молоток неправильно держишь, гвоздь тебя не боится. Чуть что — он набок. Дай руку!

Валя недоверчиво протянул руку. Костя повернул ее так, чтобы можно было поставить на ноготь большого пальца гвоздик шляпкой вниз, но гвоздик не держался.

— Видишь, сработал мало, а рука трясется. Ты молоток держи легонько, на воздухах. Ты молотком играй...

«Честное слово, он молодец! — обрадовался Миша. — Этот пример он сам придумал. И где он такие слова взял? Вот чудак!» А Костя говорил слова дедушки Вака, которые дедушка Вак слышал когда-то от своего деда, построившего чуть ли не весь Ивдель из кедрового леса.

Мишу отозвали по спешному делу. Когда он вернулся к учебному верстаку, будущие инструкторы хлопали молотками, а Костя внимательно наблюдал за ними.

— Идут дела, ребята? — спросил Миша.

— Ничего особенного, — сказал коренастый, самостоятельный подросток, Петя Гусаков. — Надо только гвоздики прищепывать пер-пен-ди-ку-ляр-но, а молоток опускать па-рал-лель-но. — И он с одного стука вогнал гвоздь в дерево.

— Вот молодец работник! — одобрил Костя.

И ученик обрадовался похвале.

Раздался обеденный гудок. Миша позвал Костю к выходу так, чтобы его друг прошел мимо верстака, за которым работал третьего дня. Над верстаком висел плакат из пестрой обойной бумаги, а на нем было написано: «Привет Косте Малышеву и Клаве Еремеевой! Вчера они выработали по 225 процентов нормы»,

Было очень приятно, что о Косте написали такими большими буквами.

— Клава-то где? — спросил он.

— Ее забрали в моечный цех — с молотком ей все-таки трудно.

...В тарном цехе снова началась работа. Стукнул один молоток и прислушался — имеются ли охотники пошуметь. Тотчас же ответил другой молоток. Некоторое время они перекликались: «Тук или не тук?» — «Конечно, тук-тук».— «Ну, так тук-тук-тук!» К зачинщикам присоединились другие молотки, и вскоре все зашумело. Особенно быстро стучали молотки там, где будущие инструкторы передовых методов труда учились правильно забивать гвозди.

„Катюши“

Смена кончилась. Цех опустел, только взрослые рабочие продолжали собирать ящики.

— Малышок, пошли! — позвал его Миша, вернувшийся от начальника филиала; он был в отличном настроении и, тормоша Костю, поделился большой новостью:— Уверен, что твое дело получится. Начальник попросит заводской отдел кадров закрепить тебя за филиалом. Доволен?

Костя ответил широкой улыбкой.

Они пересекли двор филиала. За центральным корпусом Костя увидел штабеля металлических деталей, накрытые досками; деталей было много — тысячи и тысячи.

— А таких на нашем заводе не делают,— отметил он, рассматривая штабель.

— Да, их с другого завода присылают.

У входа в центральное здание Миша показал красноармейцу красный пропуск, и они очутились в просторном и низком цехе. Все было затянуто теплым ту-

маном, так что электрические лампочки плавали в радужных кольцах. Заиндевелившие ворота открылись. По мокрым рельсам в клубах пара вкатилась вагонетка, груженная деталями.

— Эти детали к нам издалека пришли. Видишь, как их засалили, чтобы они не ржавели,— сказал Миша.

Женщины, надев брезентовые рукавицы, опускали детали в котел с кипятком, потом выкладывали их на столы и снимали оттаявшее густое сало сначала деревянными скребками, а потом тряпками.

Приходилось сменять несколько тряпок, пока сталь не становилась блестящей, как зеркало.

В дальнем конце цеха зазвенел голос, потом еще один, и затем все запели. Костя увидел Клаву Еремееву. Она пела громче других и улыбалась. Прислушавшись, Костя разобрал слова новой песни.

— Вот почему наш снаряд называют «катюшей»: он хорошо поет,— сказал Миша.— Когда «катюша» летит, так будто небо на куски лопается и хвост огненный получается. Потом ударит — все сожжет. Фронтовики нашу продукцию очень любят...

— Надо сделать больше «катюш», чтобы всех фашистов пожечь и на куски разорвать!— решил Костя.

В сборочном переделе рабочие внимательно осматривали детали, взвешивали, чтобы все снаряды были одного веса. В стороне, за железными ширмами, блестела электросварка. Сварщик закрыл лицо железной маской со стеклянными глазами, а из-под маски виднелась пышная борода, и Косте это показалось смешно.

Возле дверей упаковочного передела Костя увидел всю «катюшу». Она показалась ему не страшной, но Миша сказал, что, когда ее начнут «уральской кашей», тогда не подступись.

Они вошли в помещение, длинное и узкое, как кори-

дор. Вдоль стен до самого потолка лежали блестящие «катюши», точно дрова в поленнице.

Косте стало беспокойно: зачем они здесь лежат, когда приказано отправить «катюши» на фронт, и чем скорее, тем лучше?

— Да, все нужно отправить,— подтвердил Миша.— Надо-то надо, а тары не хватает...

В конце коридора несколько ребят развинчивали «катюши», укладывали их в ящики, а ящики грузили на вагонетки.

— Эй, Миша, где упаковка? — крикнул смуглый скуластый паренек — как видно, главный в бригаде.— Это видишь? — И он подбородком показал на штабель готовых «катюш». — Совсем слепой стал? Да?

Сначала он говорил шутливо, но потом рассердился.

— Ты, Мингарей, не шуми,— обиженно остановил его Миша.— У нас в цехе рабочих некомплект, а все-таки мы вчера и сегодня цеховую норму дали...

— Норма, норма! — вмешался такой же скуластый и сердитый подросток — должно быть, брат Мингарея.— А долг когда отдадите? Куда «катюшу» паковать? В твою норму?

— Да, между прочим, граждане, где тара? — спросил высокий, худощавый рабочий, ловко поднимавший ящики на вагонетку.— Последнюю десятку пакуем, а потом что? Ты «катюшу» на фронт в кармане понесешь? Буксир вам нужно послать, чтобы поняли!..

— Помощнички фронту! Лодыри! — услышался из-за штабеля «катюш» звонкий и насмешливый голос.— Весь филиал тарники проваливают, совести у них нет!

Миша бросил спорить и двинулся к выходу. Мингарей пошел впереди, заложив руки в карманы и выпятив живот.

— Норма есть — тары нет,— приговаривал он, пере-

дразнивая Мишу — Ходит руки в брюки, ничего не делает... Ай работник! Ай башка!

Костя уже хотел поддать Мингарея плечом так, чтобы тот отлетел, но Миша взял его под руку, и они ушли из цеха.

Сначала Миша сердито молчал, а потом проговорил: — Видишь, как ящики нужны! Простая штука — доски да гвозди, а не хватает тары — и «катюши» лежат. Заводы дают все больше деталей, а мы паримся, график отгрузки «катюш» не каждый день выполняем... Думаешь, не стыдно? Еще как стыдно! Я бы сейчас сквозь землю провалился... Начальник филиала говорит, что мы будем расширять цех и на заводе еще одну сборку построим. А ты поскорее учи ребят владеть молотком. Это большая помощь фронту!

Тревога

Теперь Костя хорошо понял, что без тары, без ящиков нет «катюш», что он занят большим делом, и старательно учил ребят.

Он совсем забыл о заводе, о Севе... О Кате Галкиной он тоже забыл так крепко, что нарочно совсем не вспоминал о ней. Зачем ему было думать о заводе, где его считали последней спицей в колесе и где девочка-задавака однажды отказалась обедать с ним за одним столом, — да, да, был такой случай в столовой! Обидных воспоминаний набралось немало, и он забывал завод все крепче, но сам завод стал припоминать, куда запропастился Малышев, который хотел резать сталь.

— Малышок, ты крепко окопался на филиале, — сказала Зиночка Соловьева, встретив Костю. — Мне говорил Миша, что ты хочешь остаться в тарном цехе. Конечно, ты здесь очень выдвинулся. А все-таки скажи, что ты предпочел бы: стать полярником или пойти за станок?

— А что? — спросил Костя, у которого сразу пересохло в горле.

— Вопросом на вопрос не отвечают,— заметила Зиночка, но не стала ждать ответа.

Ничего, решительно ничего определенного не услышал Костя, но выяснилось, что он вовсе не расстался с мечтой о станке. Станок? Почему она спросила о станке? А вдруг...

Обедать в тот день Костя пошел один, так как Миша задержался на приемке заготовок. Он сел за столик, за которым обедала Клава Еремеева.

— Слыхал? Нас скоро заберут отсюда обратно на завод,— сказала Клава.— Ох, как я рада, ты представить не можешь! Надоело в мойке мокнуть... Зиночка сегодня ездила на завод и говорит, что там все вверх дном. Главк прислал телеграмму, чтобы срочно расширили производство. Нам еще много станков дали.

— Куда их возьмешь? — недоверчиво и в то же время с надеждой спросил Костя.— Где столько цехов найдешь и где рабочих наберешь?..— Он повторил слова, когда-то слышанные от Бабина, так как любил повторять солидные слова.

— Ну, не знаю!— беспечно ответила Клава.— А только все это правда. И рабочих, конечно, найдут. Я за станок пойду с удовольствием. А ты останешься здесь инструктором?

— Как скажут,— хмуро ответил Костя.

Станки! Новые станки в цехе! Мечта, которая вместе с ним переступила заводской порог, снова поманила его. Вот тут-то и нужно было, чтобы Миша укрепил его желание остаться на филиале, но, как нарочно, Миша все время был занят и только в конце смены немного поговорил с Костей:

— Завтра примем от тебя инструкторов. Сделаем это торжественно, а потом составим новую школу пере-

довиков... Ступай домой, покушай плотнее и ложись спать, меня не жди.

Все это почти не заинтересовало Костю. Медленно-медленно шел он домой, к картошке не притронулся, заснул и проснулся в тревоге. То ему казалось, что надо вернуться на завод, а то становилось жаль филиала, жаль Миши, и он не знал, что делать.

Конкурс

молотков

Когда Костя утром вошел в цех, он увидел большой плакат. На нем было три огненно-красных слова и столько же ярко-зеленых восклицательных знаков:

«Будь снайпером молотка!!!»

Это ему понравилось. Забивая гвозди, Костя и не думал, что он снайпер, а теперь сразу понял — так и есть! Снайпер — это такой стрелок, который бьет без промаха. А разве его молоток ошибается? Это бывает так редко, что даже говорить не стоит.

Посередине цеха верстаки были плотно сдвинуты, и получился помост, а на помосте стояли два верстака. Над ними висел такой плакат:

«Забьешь гвоздь как снайпер — угодишь в сердце фашисту!»

Возле помоста толпились, шумели ребята. Ученики Кости стояли отдельной кучкой. Они были встревожены и обрадовались, увидев своего наставника.

— Как тебе нравится, Малышок? — спросил Миша. — Здорово мы с Зиночкой придумали насчет снайперов молотка! Как на фронте, правда? Сегодня проводим конкурс молотков. Не подкачай!

Явился начальник филиала Шестаков и сказал маленькую речь:

— По почину комсомольской организации мы проводим конкурс молотков... — Он немного помолчал и

заговорил совсем просто: — Ребята, заводы дают нам на сборку все больше деталей. Вы видите, какие штабеля лежат во дворе. Можно усилить сборку «катюш» для братьев-фронтовиков, а тары не хватает. Без ящика «катушу» на фронт не отправишь, она любит хорошую деревянную шубу. (Послышался смех: ребятам понравилось, что ящики — это деревянная шуба.) Так вот, надо делать больше ящиков, а для этого нужно владеть молотком, как снайпер на фронте владеет винтовкой.

На помост вскочил Миша.

— Порядок конкурса следующий, — объявил он. — В каждой смене соревнуются две пары. В первой смене — инструктор стахановских методов труда Константин Малышев и укладчица донцев Люся Полисюк. С ними соревнуются Петр Зозуля, еще не овладевший снайперским молотком, но выполняющий полторы-две нормы в день. Для него донца будет складывать Женя Костина. Каждой смене дается двадцать минут. Посмотрим, ребята, у кого как пойдет работа!

Ребята теснее сдвинулись у помоста и затихли. Миша взял у Зиночки ее часики-браслетку.

— Укладчицы, приготовьте первые заготовки! — скомандовал он. — Внимание!

Глотнув от волнения воздух, Костя опустил взгляд на заготовку, чтобы не видеть блестящих глаз, следивших за каждым его движением.

Послышался сипловатый утранный гудок.

— Начали!

И Миша махнул рукой сверху вниз, будто отрубил кусок времени.

Сначала Костины пальцы не хотели слушаться. Они, наверное, испугались всего этого торжества — каждый палец спешил впереди другого, и ничего хорошего не получалось: то гвоздик уронят, то прищепят неправильно, то молоток пойдет вкось. Он рассердился и перестал ду-

мать, что на него смотрят. Зрители зашумели: «Петька, не отставай!», «Малышок гвоздь положил, честное слово, положил!», «Зозуля, не позорься!»

— Молчание!— с важным видом приказал Миша.—
Прошу не нервировать соревнующихся!

Теперь Костя хорошо владел каждым пальцем и не чувствовал никаких нервов. Он хотел снять сколоченный щиток, но его осенило: он положил следующий щиток на уже готовый, сколотил его, положил сверху еще один щиток, сколотил и снял три щитка сразу.

— Правильно, — одобрил Миша. — Время экономить!

Петя по выкрикам ребят знал, что он отстает, но он был настойчивый паренек: он сделал так, как его соперник, — тоже стал экономить время.

— Вот молодец! На лету хороший пример перехватил! — громко сказал начальник филиала.

— Кончили! — крикнул Миша.

Только теперь Костя бросил взгляд на своего противника. Петя так крепко сжал губы, что они побелели, и на лбу у него блестели капельки пота. Посмотрев на стопку донцев, сколоченных Костей, он спрыгнул с помоста и, опустив голову, расталкивая зрителей, пошел к своему верстаку.

— Стой, Петрусь, это не дело!— остановил его Миша. — Надо друг другу руку пожать, как футболисты. Чего обиделся? Все было по-честному, для фронтовой пользы. Правда, ребята?

Ребятам было немного жаль Петю.

— Чего ты, на самом деле! — закричали они. — Чего надулся? Ты тоже так сумеешь!

Вернувшись, Петя быстро пожал руку Косте и остался смотреть с другими ребятами.

— Ребята, результат у вас перед глазами! — объявил Миша. — Снайпер молотка Константин Малышев

со своей помощницей Люсей Полисюк выдал щитков почти в два раза больше, чем Петр Зозуля со своей помощницей Женей Костиной. Вот что значит владеть молотком по-снайперски!

Все аплодировали, а Костя не знал, куда деваться. Впрочем, он никуда не девался: все-таки приятно, когда хвалят за хорошую работу. Потом снова начались минуты волнения. На помост поднимались ученики Кости, соревновались с лучшими ударниками производства и побеждали их. Теперь уж всем ребятам было ясно, что снайперский молоток — не шутка, и они говорили друг другу, что стать снайпером можно быстро, только нужно тренироваться несколько дней до пота.

— Учитесь, боевые ребята тарного цеха, это нужно для фронта!— подзадоривал их начальник филиала, когда конкурс кончился.— Ученики Малышева сделают вас снайперами молотка, было бы только у вас желание. Каждому, кто овладеет молотком, мы дадим помощника-укладчика из новичков. За подготовку первой группы инструкторов передовых методов труда Малышеву объявляется благодарность в приказе по филиалу и выдается полная премия — ватный костюм, валенки и две пары белья...

Кажется, все было хорошо, почему же на душе было так смутно? Вот вопрос, ждавший ответа от победителя.

— Можно Зозулю взять в стахановскую школу? — спросил он у Миши.

— Одобряю! Поговори с ним, а то парень заскучал.

Когда Костя подошел к Пете, тот притворился, что не заметил его, не поднял глаз и продолжал работать.

— Дай-ка молоток! — сказал Костя. Он внимательно осмотрел его и качнул головой. — Совсем плохой! Я таким и не стал бы работать. Запарился бы враз... Ты зачем ручку подрезал? Ты сделай длиннее, да не круглую, а вот такую.— И он показал Пете свой молоток.—

У тебя стук правильный, ты только молоток подгони по руке... Да гвоздь в два стука не забивай, а в один.

— А я привык в два стука.

— Хочешь в стахановскую школу пойти? Научишься как надо...

— Добре, — отметил Петя будто равнодушно, а на самом деле обрадованный.

Теперь, кажется, все стало совсем хорошо — почему же на душе было так тяжело? В этот день Миша дал Косте отдых, но лучше бы Костя не имел свободной минуты. Он смотрел, как его ученики учат подшефных, а за спиной стояла навязчивая тревога. Он все собирался поговорить с Зиной и не решался. Миша снова не мог провести с ним вечер — он задержался у начальника филиала на совещании.

Неожиданность

Стараясь не шуметь, Миша вошел в комнату, окликнул: «Спишь, Малышок?» — зажег коптилку и развернул большой пакет. В пакете были черный ватный костюм, темно-серые, крепко скатанные валенки и две пары бязевого белья. Миша положил все это богатство на табуретку, чтобы Костя, проснувшись, сразу увидел премию, присел к столу и задумался. Во сне Костя выглядел озабоченным — можно было бы сказать, что знаменитый снайпер молотка спит, сжав кулаки.

Миша вздохнул... Он привык к этому неразговорчивому парнишке, который улыбался редко, но так широко, что одна его улыбка заменяла не меньше пяти обыкновенных.

— Что же, — со вздохом проговорил Миша, — может быть, все-таки получится по-нашему... Еще похлопочем...

Ему на глаза попала записка, оставленная Костей: «Еш картошку на печке». Он вынул карандаш, вернул

слову «ешь» мягкий знак, сбежавший в слово «печка», поставил отметку «2» и снял котелок с печурки.

На другой день Миша не сразу сообщил Косте неприятную новость. Он дал своему другу налюбоваться валенками, помог обладать ватный костюм, и они вышли из дому. Казалось, что рядом с худошавым Мишей катится черный мяч — таким круглым и плотным стал в своей великолепной обновке Костя. Небо перед зарей переливалось тихим звездным мерцанием, мороз обжигал щеки, но не мог пробрать крепко упакованного снайпера молотка.

— Кстати, Малышок, — сказал Миша, — не так-то легко тебя отвоевать. Вчера начальник филиала полчаса ругался по телефону с заведующей отделом кадров и с начальником первого цеха. Они требуют, чтобы ты вернулся на завод.

Затаив дыхание Костя ждал продолжения.

— Все ваши ребята под Новый год возвращаются на завод. Тебя это, конечно, не привлекает?

— Больно мне нужно в подсобных ходить...

— А если тебе дадут другую работу? Если тебя поставят за станок?

Косте сразу стало жарко, в ушах зашумело.

— Что ж ты молчишь? — обеспокоенно спросил Миша. — Что тебя больше привлекает — работа на филиале или учеба за станком?

Мысли заметались и перепутались. Филиал — это Миша, это слава в тарном цехе... Но станок!..

— Станок — это не молоток, — проговорил Миша, будто прочитал мысли своего друга. — Станок интереснее? А мне кажется, что быть мастером интересно в любом деле... Впрочем, выбирай сам!

А что было выбирать, какой тут был выбор! Станок, заветный, желанный станок, позвал его, и он должен был ответить: «Иду! Иду резать сталь!» Кроме того, если бы

Миша мог до конца прочесть все мысли своего друга, он, к своему удивлению, увидел бы тонкую фигурку девочки, склонившейся к станку, он понял бы, что Костя должен непременно сравниться с этой девочкой, до которой сейчас ему было очень далеко, как он думал...

— Во всяком случае, ты подготовишь еще одну группу инструкторов,— сказал Миша, будто только это его и занимало.

— Ясно, — ответил Костя тихо.

Медленно и в то же время незаметно прошли последние дни пребывания Кости на Северном Полюсе. Он учил ребят забивать гвозди и искал оправдания тому решению, которое уже было принято им. Далеко ходить не приходилось — оправдание было под рукой. Дела тарного цеха быстро поправлялись — снайперские молотки стучали все увереннее, и некоторые ребята уже забивали гвозди с пальца, хотя Костя их этому не учил. Но дело не только в молотках. Теперь все видели, что работать бригадами в два человека гораздо сподручнее. В цехе появились новые слова: «укладчик» и «сбойщик».

— Ай да мы! — воскликнул Миша, когда Костя сказал, что может сдать вторую группу инструкторов.— Шутки шутками, а мы уже так даем тару, что упаковщики помалкивают, не жалуются. Пойдем, сам увидишь!

В упаковочном цехе залежи готовых «катюш» сильно уменьшились. Тара, только что поданная на вагонетках, ждала загрузки.

Упаковщики работали без остановки: снимали ящики с вагонеток, развинчивали «катюши», готовили их к снаряжению и упаковывали. Все это они делали молча, ловко понимая друг друга без слов.

— Эй, Мингарей, долго еще будете вагонетки держать? — спросил Миша. — Не справляйтесь, так людей попросите... Соображать надо!

Бросив на него быстрый взгляд, Мингарей усмехнулся.

— Командовать пришел? — сказал он. — Не туда попал, Миша, имей в виду...

— Если сейчас заваливаетесь, что будет через неделю? — продолжал Миша. — Вот что меня интересует.

А что будет через неделю? — сердито осведомился высокий и тонкий рабочий. — Чего пугаешь?

— Прижмут вас наши снайперы по-настоящему, — пообещал Миша. — Правда, Малышок? Вот кто тебе горячо сделает, Мингарей! Будете плакать от нашего Малышка...

— Мы плакать не будем, — сказал Мингарей и прищурился. — Мы, башка, вторую смену робим, чтобы больше «катюш» отправить, а нужно будет — и на третью смену останемся. Мы не плачем. Ты, Миша, нас твоим знаменитым Малышком не пугай. Мы тоже комсомольцы, мы не боимся.

Он деловито вывел гостей во двор, будто хотел что-то показать, закрыл цеховые ворота и припер их спиной.

— Ты не ходи к нам, — сказал он решительно; его лицо в дневном свете было очень сурово. — Давай тару и нас не трогай. Не бойся, мы справимся!

— Все равно придем буксир, — пообещал Миша. Мингарей ступил к нему и сжал кулаки.

— Ты пришлешь? — спросил он.

— Придем, не беспокойся. Не проси — сами догадаемся.

Мингарей схватил горсть снега и съел его:

— Видел?

— Ну?

— Не справимся — пускай меня... пускай меня Гитлер всю жизнь снегом кормит!

— Ненормальный ты! Завалите филиал, вот я что говорю.

— Мы заваливали?! Заваливали мы?! — повторил Мингарей и задрожал.— Не ходи к нам с Малышком! Давай тару, давай много тары, а сам не ходи разговоры разговаривать. Зря время тратишь и мою бригаду дергаешь. Голова!

Когда за ним закрылись ворота, Миша сказал:

— Мы их потащили, а они сборку потащат... Конечно, упаковщикам трудно. У них сейчас комсомольское знамя филиала, они боятся его потерять. Мингарей гордый, и бригада у него хорошая. Но знамя мы отберем непременно. Вот какие дела пошли... А ты уезжать хочешь, чудак! Говори: уедешь?

Невыносимо тяжело стало Косте: неужели он оставит филиал, неужели он оставит Мишу, к которому так привык?

— Говори: да или нет? — настаивал Миша. — Может быть, передумашь?

— Уеду... — почти сквозь слезы проговорил Костя.— А коли за станок не поставят... обратно приеду...

Он отвернулся, чтобы Миша не видел его лица.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Где станки?

Еще не проснувшись по-настоящему, посапывая и хмурясь, Костя одевался, а Миша делал последние наставления:

— Ботинки в белье положи; не растеряй. Ботинки отдай в ремонт. Вот кожа на подметки, возьми — она мне ни к чему. Как ты зарплату тратишь? На конфетки, наверное... Проси хозяйку молоко для тебя покупать, слышишь? Ножичек мой дарю тебе на память. И лыжи захвати. А теперь слушай: вот письмо. — И он протянул небольшой пакет, на котором было написано: «Тов. директору». — Это письмо от начальника филиала. Если все же решишь к нам перебраться, отдай письмо директору. Вчера я по телефону говорил о тебе с парторгом Цека Сергеем Степановичем Тагильцевым. Он обещал поддержать просьбу филиала... Все!..

Они позавтракали, вышли из дому и двинулись по узкой, извилистой тропинке среди молчаливых сосен. Много, очень много мог бы сказать Миша на прощание Косте — что привык к нему, что он заменил бы Косте старшего брата, — но он промолчал, так как чувствовал,

что его друг и без того тяжело переживает грустную минуту.

У железнодорожной площадки филиала стояло несколько вагонов и шумно дышал паровоз, окутанный облаком плотного пара. Из одного вагона доносились голоса.

— Этот порожняк пойдет на завод за деталями. Ваши уже в вагоне, — сказал Миша, повернул Костю лицом к свету и обнял. — Прощай, друг! Если надумаешь к нам, я буду рад. А решишь остаться на заводе, работай, как на филиале работал! Всего!

Наклонившись, Миша быстро поцеловал его в щеку и заглянул в приоткрытую дверь вагона.

— Заводские, принимайте своего Малышка! — крикнул он. — Жаль отдавать, да ничего не поделаешь!

— Малышок, Малышок явился! — откликнулась Зиночка.

В вагоне, тускло освещенном фонарем «летучая мышь», на пустых ящиках сидели ребята и хлопали рука об руку, так как было холодно.

— А теперь споем «Катюшу», как ее на филиале поют, — предложила Зиночка. — Ребята, научим всех заводских комсомольцев петь «Катюшу» по-новому!

Тотчас же зазвенели голоса девчат. Все запели. Их поддержал паровозный гудок. Вагон вздрогнул, состав тронулся, и колеса на прощание торопливо сказали стрелкам: «Малышок, ток-ток, Малышок уехал».

— Ребята, помогли мы филиалу, не осрамылись? — спросила Зиночка, когда песня кончилась. — Не стыдно возвращаться?

— Чего там стыдно! Конечно, помогли моржам-тюленям! — раздались голоса.

Паровоз затормозил, и вагоны, раскатившиеся под уклон, громко заскрипели колесами. Кто-то забарабанил в дверь и распорядился:

— Ребята, вылезайте! Состав на заводскую ветку идет, вас дальше не повезем!

Ребята горошком высыпались из вагона на промерзшие, звонкие доски железнодорожной площадки и, набирая снегу в валенки, побежали к заводу, огни которого блестели за сосновой рощей. Костя сразу узнал это место: здесь они собирали инструмент, здесь нашли «победит», вон там чернеет старый тополь. А где станки? Где станки-пришельцы? Где станки, которые, по словам старого мастера, не могли надеяться на пристанище? «Железный кустарник» бесследно исчез, будто лишь пригрезился Косте. Значит, город все же вывез эвакуированное оборудование.

До начала дневной смены оставалось не меньше часа, но в молодежном цехе, который работал в одну смену, уже горели все огни, и Костя сразу увидел, что цеховые проходы сузились, появилась новая, четвертая линия станков. Она еще не вся вступила в строй. Несколько станков только что попали с мороза в тепло и обросли пушистым инеем, но иней уже таял, тут и там обнажился черный влажный металл.

Кто-то прикоснулся к плечу Кости. Это был Герасим Иванович Бабин.

— Вернулся, Малышок? — сказал старик. — Вот и славно...

Не было ничего странного в том, что мастер уже в цехе. Он обычно приходил на работу пораньше, но Костю удивило то, что Герасим Иванович как будто стал меньше, похудел, сгорбился.

— А я, Герасим Иванович, на филиале премию получил: две пары белья, пимы да ватный костюм, — похвастался Костя.

— Слышал, что хорошо работал, — ответил мастер, будто что-то припоминая. — А я вот в цехе...

— У нас станки новые?

— Не ходил домой, — продолжал мастер задумчиво, медленно. — Назначили меня старшим по оснащению новых станков — и правильно... Коли старику не спится, пускай все ж таки польза от этого будет. — Его рука, лежавшая на плече Кости, стала тяжелой; он объяснил, почему сон ушел от него: — Сына Виктора на фронте фашисты убили... Виктор у меня четвертый, меньшей... Старший на «Металлисте» механиком, двое средних на фронте сражаются. Все трое — коммунисты. А меньшей погиб, комсомолец мой... — Он помолчал и добавил: — Жаль парня... Бойкий был. Только-только десятилетку кончил... Вот и не спится.

— Фашистов надо всех «катюшами» поджечь, на куски разорвать! — сказал Костя, которому стало жаль мастера и Виктора.

— Дождутся они! — ответил старик, и тут его глаза резко блеснули, а рука крепко сжала плечо Кости. — Дождутся, проклятые!

Они медленно пошли вдоль новой линии станков. Получилось так, что Герасим Иванович провел Костю в самый конец цеха, за колонны.

Раньше это помещение пустовало, а теперь здесь горела яркая лампа, и Косте бросились в глаза четыре станка, поставленные в ряд, — небольшие, с тяжелыми станинами, с контрприводами вместо коробок скоростей, — словом, старые машины.

Один станок работал, медленно обтачивая деталь, которую на заводе называли просто трубой или карманом. Возле станка беседовали трое: пожилой рабочий в комбинезоне, директор в своем мохнатом пальто и еще человек, как будто знакомый, в аккуратном черном полубухке; этот человек стоял спиной к Косте, опираясь левой рукой на палку.

— Старинные станки, Лев Борисович, — сказал рабочий. — Много ли с них возьмешь...

— Надо, чтобы производительно работала вся техника, какая только есть, — возразил человек в полушубке, и по звуку голоса Костя окончательно узнал парторга.— Мы должны заставить и старую технику работать по-новому.

— Правильно, — поддержал его директор. — Четыре таких «Буша» взял ремонтный цех, четыре — здесь. Они делают немного, но делают уверенно. За эти станки мы поставим галчат Герасима Ивановича, пускай привыкают... Кстати, нужно наложить пломбу на ручку для переброски ремня. Обточку «труб» будем производить при постоянном режиме. Режим сделаем по работникам.— Он усмехнулся, взглянув на Костю.— С этими станками, Герасим Иванович, ваши галчата справятся?

— Подучим, так справятся,— ответил Бабин.— И четверка галчат на примете есть.— Тут старик тихонько встряхнул Костю.— Вместе живут, вместе балуют. Нужно их к серьезному делу приставить, в рост пустить...

Вдруг послышался высокий звук, прозрачный и чистый, как струя ледяной воды, и такой тонкий, что в ушах зазвенело.

Это дрожала под резцом сталь, это проснулась душа металла.

— Запел, — ласково сказал рабочий. — Перекаленная заготовка попалась, а «Буш» обрадовался. — И, отведя резец, он нажал на красную кнопку «стоп» на колдочке управления.

Директор ушел, а парторг остался. Он улыбнулся Косте, как видно узнав его. Теперь лицо у Сергея Степановича было не такое бледное, как раньше, бородку он сбрил, в глазах у него светилась живая усмешка, и всем этим он напомнил Косте его брата.

— Здравствуй, снайпер молотка!— сказал парторг.— Недаром ты съездил на филиал. Помог полярникам, спа-

сибо! Мне звонил оттуда комсомолец Полянчук. Просил, чтобы я помог тебе закрепиться за филиалом. Ты привез письмо от начальника филиала? Где оно?

Рука Кости коснулась пакета, лежавшего в кармане ватника, и тотчас же отдернулась, будто обожглась.

— А что мне на филиале делать! — сказал он, испуганный и несчастный. — Там уж снайперов полно... Обойдутся...

— Он давно за станок просится, — вмешался Герасим Иванович. — Вы уж, Сергей Степанович, у меня кадры не отбирайте. Каждый человек на счету.

— За станок хочешь? — сказал парторг, внимательно вглядываясь в лицо Кости. — Из учителей в ученики идешь? Мешать не буду. Не каждый так может... Если ты можешь, значит, расти будешь. Рости, парень! — И он ушел прихрамывая.

— Герасим Иванович, вы меня на этот станок поставьте! — умоляюще проговорил Костя, указав на станок, который только что так звонко с ним поздоровался.

— Все они на один манер, — ответил мастер.

Костя понял это как согласие.

Хозяин станка

Так вот как сложилась судьба станков. Когда фронт приблизился к заводам, люди спешно погрузили оборудование в вагоны и увезли его в уральские и сибирские города. Незнакомые люди выгрузили станки, и вдоль полотна железной дороги вырос «железный кустарник».

Потом началась осень, и дождь поливал станки; потом пришла зима, и снег засыпал их. Но советские люди, не глядя на мороз и пургу, строили новые цехи и заводы. Они отогрели станки, отремонтировали их, смазали, укрепили на фундаментах и подключили к энергии. Сначала станки были некрасивые, ржавые, с облупив-

шейся масляной краской, но люди сняли ржавчину наждачной шкуркой, покрасили станины, и вот мальчику в длинноухой шапке кажется, что «Буш» — это очень красивый, даже необыкновенный станок. Он, Костя Малышев,— хозяин этого замечательного станка, хозяин стеллажа для готовых деталей, хозяин инструментального шкафчика! Чудеса!

Оборудования прибавилось и во втором и в третьем цехах. Взрослые рабочие ремонтировали и налаживали станки. Несколько раз Костя встретил директора — озабоченного, с глазами, красными от бессонницы. Всюду поспевал начальник первого цеха Тимошенко — маленький, черный, мешавший русскую и украинскую речь.

Костя обрадовался, когда увидел Нину Павловну, только что пришедшую на работу, и Нина Павловна обрадовалась ему. Оказалось, что она все знает: и то, как он отличился на филиале — об этом она прочитала в многотиражке, и что его ставят за станок — это она слышала от Герасима Ивановича.

— Поздравляю, медвежонок, твои дела идут хорошо,— сказала она, когда они с Костей сидели в лаборатории.— А мои оставляют желать лучшего... Пей чай... Закалка «рюмки» в свинце пока идет неважно, и... писем с фронта нет... Ты еще не видел Катю? Не узнаешь ее — так она изменилась, похудела. Сева говорит, что она получила письмо-треугольничек, вероятно с фронта... Я спросила ее, что за письмо,— она ничего не сказала... А бабушка слышала, что Катя ночью плакала, как ребенок. Что все это значит? Она мучается, потому что знает что-то тяжелое... и одна несет тяжесть... А я мучаюсь, потому что не знаю ничего и придумываю всякие ужасы...— Она отвернулась от Кости, быстро вытерла глаза и встрепенулась:— Надо идти в цех, готовиться к митингу. Сегодня такой большой день — мы все на заводе подпи-

шем новогоднее письмо со своими обязательствами и отошлем его в Москву.

Этого Костя не знал.

— И я подпишу?

— Как же иначе! Ведь ты тоже хочешь победы над фашистами. Вот и докажи это за станком.

Провожая Нину Павловну в цех, он опасливо задал вопрос, который очень занимал и тревожил его:

— А кто будет стружку убирать, коли подсобников за станок ставят?

— Стружка? Ну, это решенная задача, — успокоила его Нина Павловна. — Наш инженер-конструктор, Павел Петрович Балакин, предложил замечательный транспортер-вибратор, вроде транспортеров для погрузки песка и зерна. Такой вибратор будет установлен в каждом цехе и выведен в окно. Стружка пойдет в бункера, а из бункеров — в вагоны для отправки на переработку;

С души скатился тяжелый камень. Вот спасибо Павлу Петровичу Балакину! Теперь Костя мог спокойно браться за станок, не оглядываясь на стружку.

Клятва

В тот день, в последний день 1941 года, на Урале прошли митинги. Они состоялись везде, где люди трудились для фронта, — на заводах, рудниках, шахтах, лесных промыслах, на железной дороге, в колхозах. На митинги пришла вся армия труда — те, кто добывал руду, плавил металл, занимался наукой, валил лес, растил хлеб, делал все, что нужно для танков, самолетов, военных кораблей, пушек и «катюш».

В цехах номерного военного завода люди собирались у трибун с красными знаменами.

В первом цехе участниками митинга были подростки, а младшим среди них был Константин Малышев.

Председатель цехкома — мастер третьей бригады — взошел на трибуну и махнул шапкой.

— Товарищи! Внимание, товарищи! — крикнул он. — Разрешите считать новогодний митинг открытым!

Шум и говор оборвались. Ребята плотнее сдвинулись у трибуны. Кто-то сказал: «Давай ближе!» — и стал толкаться, но на него зашикали, чтобы знал, когда можно дурить, а когда нельзя, и наконец наступил полный порядок.

— Товарищи! — продолжал председатель митинга. — В новом году мы должны делать «катюш» гораздо больше, чем делали до сих пор, чтобы скорее разбить фашистов. Весь Урал обсуждает новогоднее письмо товарищу Сталину, весь Урал дает партии и правительству священную клятву — самоотверженно трудиться для фронта. Обсудим письмо и мы! Проект письма прочитает товарищ Соловьева. Может быть, у вас будут поправки или дополнения, а может быть, кто-нибудь вообще напишет лучше.

Ребята засмеялись. Кто же возьмется составить такое письмо! Его нужно написать складно, а разве это легко?

Положив перед собой большой лист, Зиночка подняла руку.

Ребята увидели, что у нее бледное, светящееся лицо, а глаза — как темные жаркие огоньки.

Она стала читать, но сначала получалось едва слышно, и кто-то сказал: «Громче!» Зиночка стала еще бледнее, голос поднялся и зазвенел. Тут Косте стало понятно каждое слово, будто все слова были взяты из его взволнованной души.

— «Мы, трудящиеся, обязуемся, товарищ Сталин, отдать все свои силы для победы над немецкими фашистами, работать дни и ночи, чтобы в новом, 1942 году удвоить, утроить выпуск всех видов вооружения и боеприпа-

сов, еще лучше снабжать всем необходимым нашу доблестную Красную Армию, которая под руководством родной Коммунистической партии сотрет с лица земли гитлеровскую банду»,— читала Зиночка.

Ребята захлопали в ладоши.

— Кто хочет высказаться? — спросил председатель митинга. — Возьмите слово, Герасим Иванович!

Снова все стали аплодировать, потому что уважали старого мастера самой лучшей бригады. Он медленно взошел на трибуну, снял кепку, и ребята удивились, точно в первый раз увидели, какие у него белые волосы — как снег. Он призадумался, глядя на молодежь.

— Тут дело понятное, — сказал он. — Каждый должен сознавать, что такое фашист... — Он чуть-чуть грустно улыбнулся и продолжал: — Хочу я свой понятный пример привести... Слушай меня! Сколько тут вас есть — подними руку, чтобы мне видно было.

Конечно, участники митинга не поняли, зачем нужно голосовать, но подняли руки, а паренек, стоявший рядом с Костей, поднял обе руки и, подмигнув, шепнул:

— А мне не жаль для хорошего человека.

Этого паренька Костя знал — он был эвакуированный и работал в третьей бригаде на шлифовке.

Старик тоже поднял руку.

— Вот... Жили мы тихо-мирно, никого не обижали, войны не хотели, а фашист сделал войну,— сказал он.— Теперь слушай меня: кого собака Гитлер отца-матери лишил, без домашней жизни оставил, опусти руку.

Этого никто не ждал. Тут и там руки стали нерешительно опускаться. Паренек, который из озорства поднял обе руки, продолжал улыбаться, но улыбка у него стала бледная.

Он быстро, коротко вздохнул и опустил руки.

Опустилось много рук, и стало так тихо, так тихо, что по коже пробежал мороз.

— Так... Видишь, что поганый фашист натворил, сколько нашего молодого народа осиротил! — с горечью в голосе сказал Бабин.— А теперь опусти руки, у кого отцы, братья на фронте. Кто письма получает, а может... не получает.

Снова опустилось много рук. Опустил руку и сам мастер, опустил руку и Костя. Он впервые по-настоящему подумал: «Жив ли Митрий?» — и ему стало трудно дышать.

— Ишь, как мало рук поднятых,— покачал головой Герасим Иванович. — А теперь убери руки, кто хотел в институтах, в университетах учиться, да фашист помещал.

Будто ветер скосил руки — все до одной. Серьезный, задумчивый, Герасим Иванович смотрел на ребят, а ребята тоже стали задумчивыми; они молча, сосредоточенно смотрели на старого мастера.

— Понял меня? — спросил он.— Столько от фашистов горя, что перенести невозможно...— Он выпрямился, стал высоким, хлопнул кепкой по краю трибуны и крикнул: — Вы — как знаете, не маленькие, а я письмо подписываю и даю слово работать так, как в этом дорогом письме написано!

Герасим Иванович уже сошел с трибуны, но что-то вспомнил, быстро вернулся и отрывисто проговорил:

— Новые станки у нас поставлены... Есть, конечно, и последнее слово техники, однако есть и старые: станки «Буш», например. Куда им до наших советских! Но работать вполне можно. Пускай и старье послужит фронту. Станки есть, а где мастера? Станки сами крутиться не будут. Значит, ребята, учись, инструкторов слушай, а кто на прежнем станке останется, тем более за высокий процент бейся. Наши «катюши» — фашисту смерть. Ты здесь процент добавишь, а на фронте фашистская душа к черту вылетит, туда ей и дорога! Ты здесь пролодырни-

чаешь, а фашист жив останется. А может, он в твоего отца, брата целится, убить его или искалечить хочет. Понимать надо!

Послышался чей-то голос:

— Подписывать письмо! Чего там говорить! Все ясно! Это был сигнал к буре. Все закричали:

— Подписывать, подписывать письмо!

— Нет, товарищи, еще надо говорить,— остановил их председатель митинга.— Неизвестно, что каждый из вас обещает сделать. Кто возьмет слово? Ты, Галкина?

Вытянув шею, Костя поднялся на цыпочки, чтобы лучше видеть.

Катя взошла на трибуну, красная, будто долго бежала, застыла, опустив голову. Никогда еще Катя не казалась Косте такой маленькой и худенькой. Катя подняла глаза.

— Я клянусь... я клянусь работать по-стахановски,— проговорила она. — Всегда выработать полторы нормы... Систематически...

— Это дело! — откликнулся Герасим Иванович. — А я тебя, Галкина, на другой станок ставлю. Тогда что?

— Все равно... Я быстро освою станок... Потому что фашисты... такие проклятые...— Она не закончила, сорвала берет с головы, так что волосы сразу распушились облачком, спрятала лицо в берет и медленно сошла с трибуны.

Выступали и другие ребята. Они обещали хорошо работать, беречь инструмент, ухаживать за станком. На конец все проголосовали — скорее послать письмо, без поправок. Ребята столпились вокруг стола, покрытого красной скатертью, передавали друг другу ручку и старательно писали под письмом фамилию. Зиночка беспокоилась:

— Ребята, ребята, прошу вас, подписывайтесь в столбец, а то не поместитесь.

Колька Глухих похвастался:

— А у меня росчерк красивый, как у директора!
Я последний распишусь.

К столу подошла Катя, взяла ручку, написала «Галкина Е. В.», призадумалась, тряхнула головой, решительно провела черточку-тире и поставила: «150%».

— Что ты делаешь! — растерялась Зиночка.

— Обязательство свое на новый год написала.
А что? — сказала Катя.— Чтобы сразу видно было...

— Ничего, это дела не портит, — успокоил Зиночку старый мастер.— Так даже лучше...

— И я напишу! — вызвалась толстенькая Леночка Туфик, торопливо протирая очки.

Взяв у нее ручку, Костя вывел первые три буквы фамилии «Мал», поскорее приделал коротенький росчерк, поставил «150%», передал ручку следующему и отошел от стола, смущенный своей смелостью.

— Его еще к станку не поставили, а он уже в стахановцы метит,— улыбнулся мастер.— Не уходи, Малышок, и вы, девочки. А Булкин еще болеет?

— Булкин-Прогоулкин говорит, что еще болеет,— с многозначительной гримаской ответила Катя, оправившаяся от своего волнения. Потом она небрежно сказала Косте:— Ах, ты уже приехал с Северного Полюса! — будто и без того не было видно, что он приехал. — Ты знаешь, что тебя ставят за станок? Ты рад?

— А то нет...

— С чем и поздравляю, — бросила Катя и, обняв Леночку, пошла с нею прогуляться по цеху и послушать, как ребята, приехавшие с Северного Полюса, поют новые песни.

Подписей становилось все больше. Теперь даже трудно было увидеть в этой массе подписей фамилию Кости. Возле каждой подписи стояло обязательство: и 120, и 150, и даже 200 процентов.

Старики и молодые на заводах и в колхозах подписали письмо. Подписей набралось больше миллиона. Газеты напечатали письмо, и все государство, все фронты узнали, что уральцы поклялись дать в 1942 году в два-три раза больше оружия, чем в 1941 году. А ведь наступал тот великий год, который кончился Сталинградской битвой.

Казалось, что все фронты кричат Уралу:

«Больше оружия!»

С Уральских гор донесся спокойный ответ:

«Клянусь — оружия дам сколько нужно!»

Этот могучий голос сложился из миллионов голосов, и был среди них слабый голос, принадлежавший Константину Малышеву. Но этот голос шел от самого сердца.

„Слабое звено“

Дальше все было так просто, даже удивительно. Старый мастер окинул взглядом тройку ребят, собравшихся возле его столика, и сказал:

— Шагай, гвардия, за мной!

И «гвардия» отправилась в конец цеха, за колонны.

Здесь, заложив руки в карманы, их ждал Иван Стукачев, молодой токарь, воспитанник ремесленного училища, веселый и добродушный парень лет восемнадцати. Он старался во всем походить на старых рабочих и уже умел с помощью кепки прекрасно выражать свои чувства: надвинет кепку на глаза — озабочен; осадит на затылок — начались горячие дела; хлопнет кепкой по ладони — сердится.

Увидев «гвардию» Бабина, он чуть слышно свистнул и сдвинул кепку на ухо — в знак того, что весьма озадачен.

— Вот так кадры! — сказал он.

Брось, Стукачев! Эти кадры, какие ни есть, всю

мелкую деталь для «катюш» делают, а теперь будут и «трубы» для второго цеха давать,— пристыдил его старик.

— Мне, положим, все равно, Герасим Иванович,— решил Стукачев.— Обещает директор в танковое училище меня зачислить, если я взвод токарей подготовлю... Ладно! — Он крикнул: — Смирно! По порядку номеров рассчитайсь!.. А почему здесь трое! Где четвертый?

— Здесь, — услышался спокойный голос.

Все обернулись. Прислонившись к колонне, стоял Сева Булкин.

Косте показалось, что за то время, что они не виделись, Сева стал выше и тоньше; глаза казались еще темнее на побледневшем лице.

— Выздоровел? — спросил мастер.

— Нет... Бюллетень еще не кончился... Пришел посмотреть, как кто будет технику осваивать.

— Ну, если болеешь легонько, так посмотри, а потом домой ступай...

Мастера позвали в цех, он ушел, а Стукачев тотчас же приступил к обучению новичков.

— Ставлю вопрос прямо,— сказал он с важным видом.— Доверили вам станок — значит, учись серьезно, чтобы сразу польза фронту была.— Он ткнул пальцем в один из станков, потом показал на заготовки — короткие отрезки труб, лежавшие на полу,— и начал лекцию: — Это что? Токарный станок «Буш», музейная редкость. Дурак испугается, а умный спросит, что за станок «Буш» и как его крутят.

— Знаем мы станок,— хвастливо сказала Катя.— Только Малышев да Булкин не знают. Они подсобники.

— Кто тебе слово разрешил? — прикрикнул Стукачев.

Покраснев, Катюша оттопырила нижнюю губу и отвернулась.

— Подбери губу, телега переедет,— мирно посоветовал Стукачев и продолжал лекцию:— Что же мы имеем в станке? Это — патрон. В нем деталь зажимают. Это — задняя бабка. Она деталь с другого конца придерживает. Это — суппорт. Он резец держит и передвигает его справа налево...

Так он объяснил, для чего служит каждая часть станка и как с нею обходиться. Например, как закреплять деталь? Берешь торцовый ключ, вроде того ключа, которым кондуктор открывает двери вагонов, вставляешь в отверстие патрона и повертываешь. В патроне расходятся три железных кулачка. Вставляешь между ними конец заготовки и повертываешь ключ в другую сторону. Кулачки сдвинулись и зажали заготовку.

— Ставь «трубу»! — приказал Стукачев Косте.

Это было совершенно неожиданно. Костя подхватил с полу заготовку и поднял на уровень патрона. Но ведь кулачки были сведены, между ними не прошел бы и палец, а не то что широкая «труба».

— Интересно, куда девалось то, что я тебе в голову, как порядочному, сыпал? — спросил Стукачев, и Костю точно кипятком обварило.— Что нужно прежде сделать?

— В токари лезет! — процедил Сева.

— Посмотрим, как ты умеешь, указчик!— сказал Стукачев.

— Есть что уметь...

Не спеша Сева приготовил патрон и зажал деталь так уверенно, точно занимался этим делом целый год без выходных дней. Затем он позвенел гаечным ключом, раздвинул губу резцедержателя на суппорте, вставил резец, постучал по нему ключом, выровнял так, чтобы резец подходил к заготовке под прямым углом, закрепил его уже по-настоящему, нажал белую кнопку «ход» и, повертывая стальную ручку суппорта, подвел резец к

заготовке. Резец со скрипом врезался в сталь и снял первую стружку.

Остановив станок, Сева проверил мерительной скобой-подковой диаметр «трубы» в том месте, где уже была снята стружка. Заготовка прошла между губами скобы так, что они только чуть-чуть коснулись металла.

— Ловко! — невольно признал Стукачев.— Давай!

Новоявленный токарь пустил станок. Толстая, рваная по краям, ломаная стружка стала медленно наползать на резец. Сева бросил на ошеломленных ребят победный взгляд.

— А этих, конечно, нужно учить,— сказал он Стукачеву, как равному.— Девочки только кольца резали — детская работа. А Малышев совсем ни бэ, ни мэ...

— Ты нос не задирай! Они тебя еще за пояс, может, заткнут, если на соревнование вызовут. Так, ребята? — И Стукачев сказал Косте:— Ну, слабое звено, видел, как зажимают заготовку? Надо головой думать, что делаешь. Смотри да учись...

Домой возвращались втроем — Катя, Леночка и Костя. Он не напрашивался в попутчики, Катя сама предложила: «Пойдем с нами».

— Не понимаю, когда Булкин научился токарить,— сказала она, растирая уши, зашипаные морозом.

— А я знаю,— откликнулась Леночка.— Когда было комсомольское собрание и я осталась послушать — помнишь, Катя?— я видела, что Булкин вертится возле наладчика, который «Буши» настраивал. И Колька Глухих тоже там был. Наверное, Булкин тогда учился!

— Подумаешь, удивил! — фыркнула Катя.— Не понимаю, что он этим доказал? Что он умный? Он только форсит... Все равно мы его догоним, перегоним и нос покажем!

— Ой, непременно! — воскликнула Леночка и тут же

выразила опасение: — Только вот Малышок совсем... неопытный.

— Надо, чтобы Малышок не был слабым звеном,— твердо решила Катя.— Я возьму над ним шефство, очень просто!

Они обсуждали вопрос о «слабом звене», будто Костя был глухим или находился на другом краю света. Но Костя все слышал, и его гордость, которая сильно выросла на Северном Полюсе, возмутилась: о первом снайпере молотка говорят так высокомерно!

Вечер был темный.

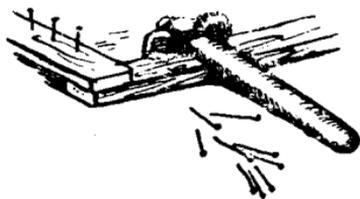
На Земляном холме посвистывал ветер. Внизу лежала темнота, только кое-где виднелись слабые огоньки.

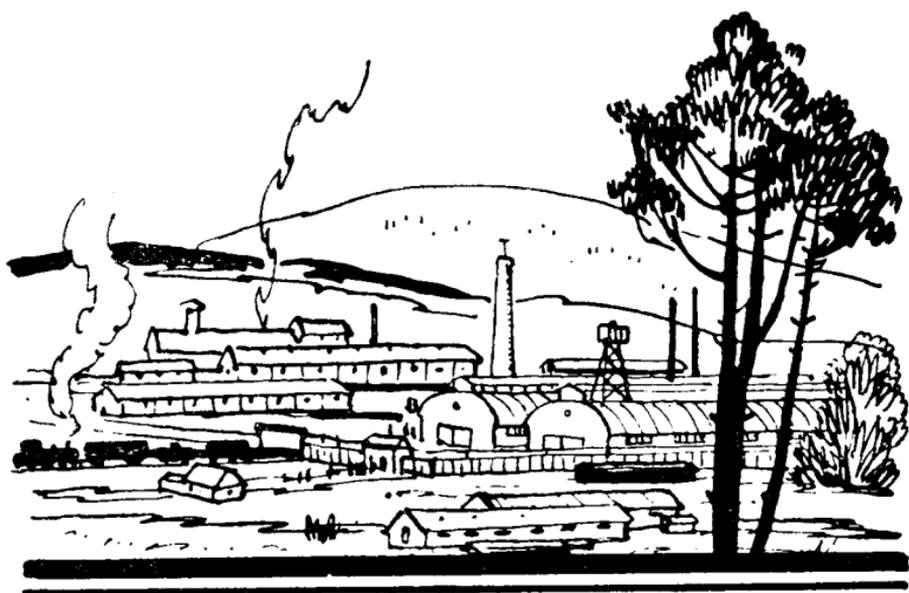
Никто не верил, что фашистские самолеты долетят до Урала, но город все же затемнялся.

Свет в дома давали поздно, автомобили бегали с тусклыми синими фарами, а у трамваев были густо покрашены стекла.

— Раньше, до войны, внизу было огоньков больше, чем звезд,— припомнила Катя.— Было светло, весело... Мы с папочкой Новый год в клубе «Профинтерн» встречали, а потом во Дворце пионеров была большая елка, концерт... Теперь все не так!

Девочки побежали, спасаясь от мороза, а Костя нарочно отстал от них. В своем ватном костюме он не боялся холода и, кроме того, не хотел напрашиваться на общество девочек, считавших его «слабым звеном».

Ч А С Т Ь

В Т О Р А Я

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вечер

Большой сугроб за воротами расступился, выско-чил Шагистый, отряхнулся, узнал Костю, положил ему лапы на плечи и заскулил. Как полагается настоящей лайке, Шагистый зимой жил в снежной берлоге, от этого его шерсть становилась еще пушистее. Костя сунул ему кусочек хлеба, припрятанный от обеда. Шагистый, пя-таясь, забрался в логово и, вероятно, подумал: «Катя каждый день здесь живет, но она не знает, где брать кор-рочки, а Малышок где-то долго бегал, но не забыл при-нести корочку, потому что он добрый».

В жарко натопленной кухне Костю встретила Антони-на Антоновна и всплеснула руками.

— Не узнать тебя, Костенька! — запела она. — Уж как тебя ладно одели! И кормили, видать, за обе щеки — ишь, какой кругляшок наел!

— За станок меня ставят, — сообщил Костя. — А Се-волод-то середь дня из цеха ушел. Недужит...

— Недужит, недужит Севушка... Я ему морсу в рас-пределителе взяла, пускай пьет кисленькое. — Она вздох-нула, опасливо посмотрела на дверь гостиной, хотя Катю-ша еще не вернулась домой. — С принцессой тоже не-весть что случилось. Писем, говорит, не получала, а вот по-ди же...

В боковушке Костя повернул выключатель и сразу встретился со взглядом Севы. Положив под топчан лы-

жи, он присел на табуретку снять валенки, а Сева упорно следил за ним: глаза на осунувшемся лице блестели.

— Лежишь?— спросил Костя.

— Нет, танцую...

— Болтаешь! — обиделся Костя.— Уж и поговорить с тобой нельзя!

— Малышок, постой, Малышок, не уходи! — вскинулся Сева, когда Костя взялся за ручку двери.— Все-таки скажи определенно: почему ты не хочешь вести нас в тайгу? Пойдем в тайгу! — В голосе его прозвучала тоска.— Пойдем! Мы решили с Колькой добыть золото, сдать его и сразу на фронт пойти. Понимаешь?

Его голос, его слова тронули Костю.

— Глупо ты думаешь,— сказал он.— Без твоего золота фронт обойдется, а без рук не обойдется. Мы оружия сделаем сколько нужно. Миша сказывал, наш завод «катюши» делает, а Большой завод уже много танков дает.

— Что ты понимаешь! — отмахнулся Сева.— Много ты наработаешь!

— Все одно никак нельзя с завода уходить,— стоял на своем Костя.— Я слово дал полторы нормы вырабатывать. Понял?

— Значит, точка! — криво усмехнулся Сева.— Никогда ты полторы нормы не сделаешь. Видели мы сегодня, какой из тебя токарь. Жалкое ничтожество!

Как раз в эту минуту Антонина Антоновна позвала Костю пить чай. Сначала он пил чай сердито, а потом подумал: «Это Булкин все со зла говорит... Буду токарем!» А тут еще Катя прибежала от Леночки Туфик и сказала такое, что Костя и думать забыл о Севе.

— Малышок, мне надо с тобой поговорить. Зайди в гостиную!

— Принцесса растаяла! — прошептала старушка.— Иди уж!..

Смущенный Костя нерешительно переступил порог гостиной, куда до сих пор лишь иногда мельком заглядывал из кухни. Теперь он вблизи увидел всю роскошь галкинского дома: круглый одноногий стол, покрытый гарусной скатертью, ковровый диванчик, кресла в чехлах, на стенах — картинки в золоченых рамках, а на полу, возле топившейся печи, — медвежью шкуру. В уголке на столике стоял стеклянный ящик, в котором плавали золотые рыбки, — это было самое занятное.

На медвежьей шкуре сидела Катя с книгой в руках.

— Садись, пожалуйста, — сказала она. — Это книга моего папочки о металлорежущих станках, видишь? Вот станок совсем как «Буш». Мы решили с Леночкой — всю ее прочитаем и станем квалифицированными токарями. Только нужно еще и математикой заниматься, а то тут есть всякие формулы. Хочешь учиться с нами? Я буду тебе все объяснять.

— Я учиться люблю, — согласился Костя.

Катя задумалась, глядя на огонь, шумевший в печке.

— Папа на заводе начальником термички был, — вдруг проговорила она. — Тогда завод только запасные части для тракторов делал. Папа был самым лучшим инженером термообработки, его на другие заводы для консультации всегда приглашали. Он даже диссертацию писал. А Нина Павловна у него училась, сама ничего не умела... Если бы папа был на заводе, он в одну минуту показал бы, как «рюмки» калить, не то что Нина Павловна. — И она пренебрежительно фыркнула: — Подумаешь, ученица Василия Галкина!..

Это напомнило Косте стычку Кати с Ниной Павловной. Для того чтобы переменить разговор, он сказал, погрузив пальцы в густую и жесткую медвежью шерсть:

— Добрый медведь, большой...

— Это папа его убил! — подхватила Катя. — Он на охоту ездил в лесничество, к моей тете. — Она улыбну-

лась воспоминаниям.— Папа за рулем в «газике» сидит, а Шагистый вместо пассажира. Важный такой, щурится, и язык набок. Я ему один раз автомобильные очки надела, а он хитрый — снял и под сеновалом закопал... Этого медведя папа ножом уложил,— Она нашла на шкуре разрез и продела в него свой тоненький палец.— Вот видишь, я правду говорю. У папы был длинный кинжал с костяной ручкой. Он его и на фронт взял — проклятых фашистов бить в самое сердце.

— А Митрий тоже на медведя с ножом ходил...

— Твой брат? Он на фронте? Ты писем не получал?..— спросила она и улыбнулась печально-печально.— Скоро Новый год, Малышок! Знаешь что? Давай загадаем, чтобы в новом году все было так, как мы хотим. Сначала ты, а потом я. Говори, чего ты хочешь?

— Пускай наши всех фашистов побьют, чтобы Митрий домой вернулся,— немного подумав, высказал Костя главное желание.

— Хорошо! Теперь моя очередь... Только у меня есть три желания. Я тоже хочу — пускай война кончится... Раз! Пускай папочка скорее мне письмо пришлет, чтобы он сам, собственной рукой написал... Это два! — Она помолчала и добавила, не отрывая глаз от огня:— Хочу быть самой первой стахановкой в городе и папе об этом написать, когда он сам мне напишет. Вот!

Под окном весело залаял Шагистый. Антонина Антонова, вздремнувшая на теплой лежанке в кухне, сонья проговорила:

— Кого бог шлет?

Катя впустила Леночку, и та на весь дом крикнула:

— Ой, скорее идем к нам! У нас Соня и Верочка из инструментального цеха. Они патефонных иголок принесли. Скорее, Катя, а то Новый год пройдет!

Получился маленький вихрь, в котором закружились

Катя и Леночка, Катина шубка, ее беретик,— и сразу ничего не стало, в доме зазвенела тишина.

— Костенька, ты погляди — верно, девочки дверь бросили,— сказала Антонина Антоновна.

Он вышел в сенцы. Действительно, дверь была открыта, и на пороге стояла Нина Павловна, почесывая Шагистого между ушами.

— Меня прогнал с завода Сергей Степанович,— сказала она.— Велел выпасться на весь новый год. Вот, забежала пожелать счастья.— Она помолчала и подняла на Костю умоляющий взгляд.— Малышок, Катя тебе ничего не говорила о письме? Может быть, она с тобой поделилась? Ведь она относится к тебе неплохо...

Что он мог ответить? Если Катя и получила письмо, то, судя по ее словам, не от Василия Федоровича. Но это была только смутная догадка.

— Загадывала она на Новый год письмо получить,— сказал Костя, чувствуя, что это и есть то самое, что нужно было знать Нине Павловне.

— Загадывала письмо получить? Да?— с радостью и страхом спросила она, сразу ослабела и прижалась спиной к стене.— Значит, он... он жив, ведь так? То письмо, которое она получила, может быть, не страшное? Но почему же она так изменилась? Все мысли спутались...

— Ты ступай домой спать,— серьезно и мягко сказал Костя.— Получишь и ты письмо.

— Пойду,— покорно согласилась Нина Павловна.— Спасибо тебе, ивдельский медвежонок. Ты сделал мне такой подарок! Пойду и буду думать, думать... Шагистый, славный пес, проводи меня, я покормлю тебя вкусным...

Шагистый взглядом спросил у Кости: «Можно? Не думай, что я делаю это ради похлебки или косточки. Разве можно отпустить ее одну — такую слабую и уставшую!»

— Ступай, хвостатый! — разрешил Костя.

Он запер дверь, присел в гостиной на медвежью шкуру, начал читать книгу о станках и задумался. О чем? Он не успел понять. Снова прилетел большой шмель в бархатной шубе, усыпанной звездами, сел на крышу, и дом немного задрожал от его ровного гудения. Наступил Новый год.

Новый год

Впервые в жизни Костя дождался Нового года. До сих пор получалось так, что Новый год заставлял его в постели: в Румянцевке людям некогда было сидеть до полуночи. Впрочем, они были уверены, что, проснувшись утром, увидят себя на новой ступеньке бесконечной лестницы, которая идет вверх, вверх — в будущее.

Итак, Костя встретил Новый год, а все сразу пошло по-старому. Вернулась из гостей Катя и сказала:

— Сначала у Леночки было довольно весело, а потом стало так скучно... Бессовестная я — танцую, а должна все плакать... Куда девался Шагистый? Наверное, опять побежал подлизываться к своей Ниночке...

В боковушке Сева снова принялся за глупости.

— Пойдем в тайгу, Малышок, — сказал он, приподнявшись на топчане и глядя на Костю горящими глазами, — Принесем много золота. Нам спасибо скажут. Не вывертывайся! Подумаешь, нашел причину — полторы нормы! Кому нужны твои полторы нормы!

Грустная, оказывается, штука Новый год!

Нет, настоящий Новый год утром открывает дверь боковушки и говорит добрым голосом Антонины Антоновны:

— Каково тебе, Севушка? Испей теплого молочка. А ты, Костенька, вставай. Самовар уже на столе.

Новый год — это когда Антонина Антоновна и Костя пьют сладкий чай с картофельными шанежками и вдруг входит Катюша, присаживается к столу и говорит:

— Бабушка, я хочу здесь чай пить. Дай мне шанежку с румяным бочком... Малышок, поедем на Ленинскую площадь посмотреть елку, а то мы с Леночкой боимся мальчишек.

Новый год — это очень высокая елка на площади, осыпанная золотым и серебряным снегом, украшенная блестящей звездой, а под елкой — большой дед-мороз из белой ваты и две ледяные горки. По горкам с криком, визгом, смехом мчатся бесконечные вереницы ребят, раскрасневшихся и таких встрепанных, точно в суматохе они перепутали руки, ноги, шапки.

— Я тоже хочу,— сказала Катя.

— Ой, нас затолкают! — испугалась Леночка.

По ледяным ступенькам они взошли на площадку, схватились друг за друга и скатились по скользкому, блестящему льду.

— Еще! — приказала раскрасневшаяся Катя.

Они катались, пока не попали в мала-кучу. Первым выбрался Костя и вытащил Катю и Леночку.

— Давай еще! — предложил он.

— Хватит! Ты совсем как маленький,— пристыдила его Катя, посмотрела на уличные часы и решила:— Пройдемся, пока не замерзнем, а потом сядем на трамвай.

Оказалось, что на всех улицах есть заводы и некоторые помещаются в таких домах, что даже не поверишь, что это завод.

— Здесь до войны был университет и студенты в аудиториях слушали лекции,— говорила Катя,— а тут было кино с джазом, и тоже сделался завод.

Прямо на улице лежали заготовки, а кое-где под снегом краснела ржавая стружка.

— Глянь! — удивился Костя.

Он увидел зеленую вывеску, точно такую же, какую видел в Ивделе: «Золотопродснаб, старательский мага-

зин». Что делает здесь старательский магазин, кто сдает золото?

— Ничего ты не знаешь,— сказала Катя.— Нам в школе географичка объясняла, что наш город стоит на золоте. На городском пруду золото даже и теперь моют.

— Надо как-нибудь пойти на пруд и намыть золота,— сказала Леночка.

Это рассмешило Костю.

— Думаешь, металл сверху лежит? Пока домоешься, хребет натрешь.

— Очень нужно!

— Вот и нужно! — сказал Костя, подумав о своем богатстве — об увесистой, блестящей «свин-голове».

Они на минутку зашли в магазин.

— Шоколад! — поразилась Катя, увидев толстые плитки в серебряной бумаге.— Как давно я не ела шоколада... Теперь из-за войны его совсем нет. Папа всегда покупал шоколад без начинки. Я люблю, чтобы шоколад был твердый-претвердый, сладкий-сладкий и немножко горький, чтобы казалось, что зубы болят и вот здесь, под ушами, было так щекотно... А теперь я и с начинкой съела бы...

— Перестань, пожалуйста, Катя, а то мне тоже захотелось! — заныла Леночка.— Идем скорее отсюда!..

Костя считал, что шоколад — это баловство. Они с Митрием покупали из сладкого только рафинад, белый и крепкий, как мрамор, да леденцы. Сейчас Костя мог бы получить в обмен на «свин-голову» сколько угодно шоколада, но...

— Наш трамвай идет! — крикнула Катя.

Вагон был битком набит, так что Косте пришлось немного повисеть на подножке. Постовой милиционер посмотрел на него страшными глазами, хотел свистнуть, но, вероятно, ради Нового года решил не свистеть.

Самым важным в новом году было то, что Костя стал токарем. Правда, он был пока только учеником токаря, но все-таки его мечта осуществилась, и недаром он ради этой мечты простился с Северным Полюсом, отказался от звания первого снайпера молотка.

Каждый человек переживает золотые минуты, когда он учится нужному и интересному делу. В такие минуты сердце бьется радостно, и радость остается на всю жизнь. Как сразу вырос Костя, когда на лешне-охоте сбил с высокой лесины первую белку! Митрий похвалил его за удачный выстрел, а он с тех пор особенно подружился с тайгой, она стала его слугой и кормилицей. А что творилось с сердцем, когда он нашел «свин-голову»! Ведь все ребята решили, что даром теряют время, и побежали купаться, а он продолжал поиск, и его упорство вознаградилось. Он понял, что трудное дело нужно продолжать до тех пор, пока не добьешься своего.

— Вот что я думаю, Малышок, — сказал Стукачев: — ты возле моего станка торчал, глаза проглядел, ты все головой знаешь — значит, руки обязаны сделать. Приказываю тебе работать в новом году отлично, мастерски!

— Воображаю, мастер-кнастер! — тихонько сказала Катя.

— Не сбивай парня! — оборвал ее Стукачев и пожаловался: — Вот компания мне досталась! Начинай, Малышок, да крепче держись!..

Он сказал это без своей обычной усмешки, так как понимал, что наступил серьезный час в жизни вчерашнего подсобного рабочего, сел на стеллаж и сделал вид, что занят только своей сигаркой. Спасибо ему! Но все же Костя чувствовал себя беспомощным, тем более что в его спину вонзились тысячи булавок — это девочки и Сева искося наблюдали за «слабым звеном».

— Делай, малец! — шепнул Стукачев добродушно.

И Костя стряхнул оцепенение. Он взял торцовый ключ, но не сразу попал в отверстие на патроне. Голова знала, как это делается, а руки были — хоть оторви...

— Как будто хватит,— шепнул Стукачев, а может быть, сам Костя это подумал.

Он поднял с полу заготовку, принялся вставлять в патрон, и это далось ему не сразу. «Мало кулачки развел»,— подумал он с ужасом, но заготовка вошла в патрон, он обрадовался и поскорее зажал ее. Как только голова поняла, что она знает правильно, руки стали слушаться лучше, но все еще двигались будто ошупью.

— Тавот! — подсказал Стукачев.

Набрав из баночки на лучинку желтого тавота, Костя смазал то место, где заготовка должна была прикоснуться к конусу задней бабки, чтобы заготовка легче вращалась. Он стал повертывать штурвальчик задней бабки. Ему было жарко и душно.

Решительная минута приближалась.

— Включай! — приказал Стукачев.

Подняв руку, Костя осторожно коснулся белой кнопки «ход». Станок ни с места. Сева чуть слышно свистнул. Костя сильно ткнул в кнопку, толстый ремень привода со свистом скользнул по блестящему шкиву, патрон сделал первый оборот... Стукачев поднялся со стеллажа, взял Костину правую руку и положил на стальную рукоятку. Резцедержатель плавно двинулся к вращающейся заготовке.

— На нониус смотри! — сказал Стукачев.— Как только нолик станет против этой неподвижной черточки — хватит...

Рукоятка была вставлена в алюминиевый кружок, а на этом кружке были выгравированы деления и цифры. Кружок вращался вместе с рукояткой, и вот нолик стал как раз против черточки на неподвижной части алюми-

ниевое обода. Теперь край резца приходился возле края заготовки — стоило сдвинуть его влево, и он должен был врезаться в металл.

— Я сам,— сказал Костя хрипло.

— Сам так сам!..

Стукачев снял свою руку, и руке Кости стало холодно и одиноко.

— Давай рычаг самохода.

И Костя нажал книзу стальной рычаг.

Случилось чудо, о котором он так мечтал. Все ожило, все пошло! Резец коснулся вращающейся заготовки. Металл закрипел. Сбежала, завилась стружка — сначала узкая, а потом шире и толще; задымилась, отогнулась, обломилась, упала под станок, исчезла с глаз.

Не сталь резала сталь, а он, Константин Малышев, вспотевший и счастливый, резал ее своей волей. Он имел в жизни несколько золотых минут, но эта минута была самая удивительная. Он, Костя Малышев, превращал черную, грубую заготовку в блестящую деталь «катюши», он был хозяином станка и хозяином металла. Грозная «катюша» ждала его труда.

— Теперь слушай дальше,— сказал Стукачев.

Костя слушал учителя, а руки горели — поскорее подвести резец, включить самоход... Много радостей может быть у человека, но эта радость взлетает так высоко, что открывается весь широкий мир, и мир становится родным, собственным. Была черная труба-заготовка, одна из тех, которые тысячами лежат в штабеле под снегом, а он коснулся ее резцом — она приняла его труд и стала дорогой, нужной. Чего не сделает человек, умеющий резать сталь! Вот горы — он их сроез, вот реки — он их запрудит, вот тайга — он прорубит в ней широкие просеки и построит города, вот немец идет на его землю войной — он пожжет, уничтожит фашистов, потому что он хозяин металла, он мастер «катюши»!

Очень большим чувствовал себя в этот день бывший подсобный рабочий Малышев. Это сказалось тогда, когда Катя, Леночка и он сидели на медвежьей шкуре. Катя вслух читала книжку о металлорежущих станках, а потом задавала вопросы. Леночка отвечала хорошо, хотя и ойкала каждый раз.

— А ты, Малышок, все понимаешь? — спросила Катя. — Повтори!

Как раз в эту минуту, услышав вопрос Кати, он вздрогнул и открыл глаза. Ведь он так устал сегодня от волнений, его так сладко разморило возле печки, в которой уютно шумел огонь...

— Ты никогда не станешь квалифицированным токарем! Ты — слабое звено! — крикнула Катя, хлопнув ладонью по книге о металлорежущих станках.

Не сказав ни слова, Костя вышел из комнаты.

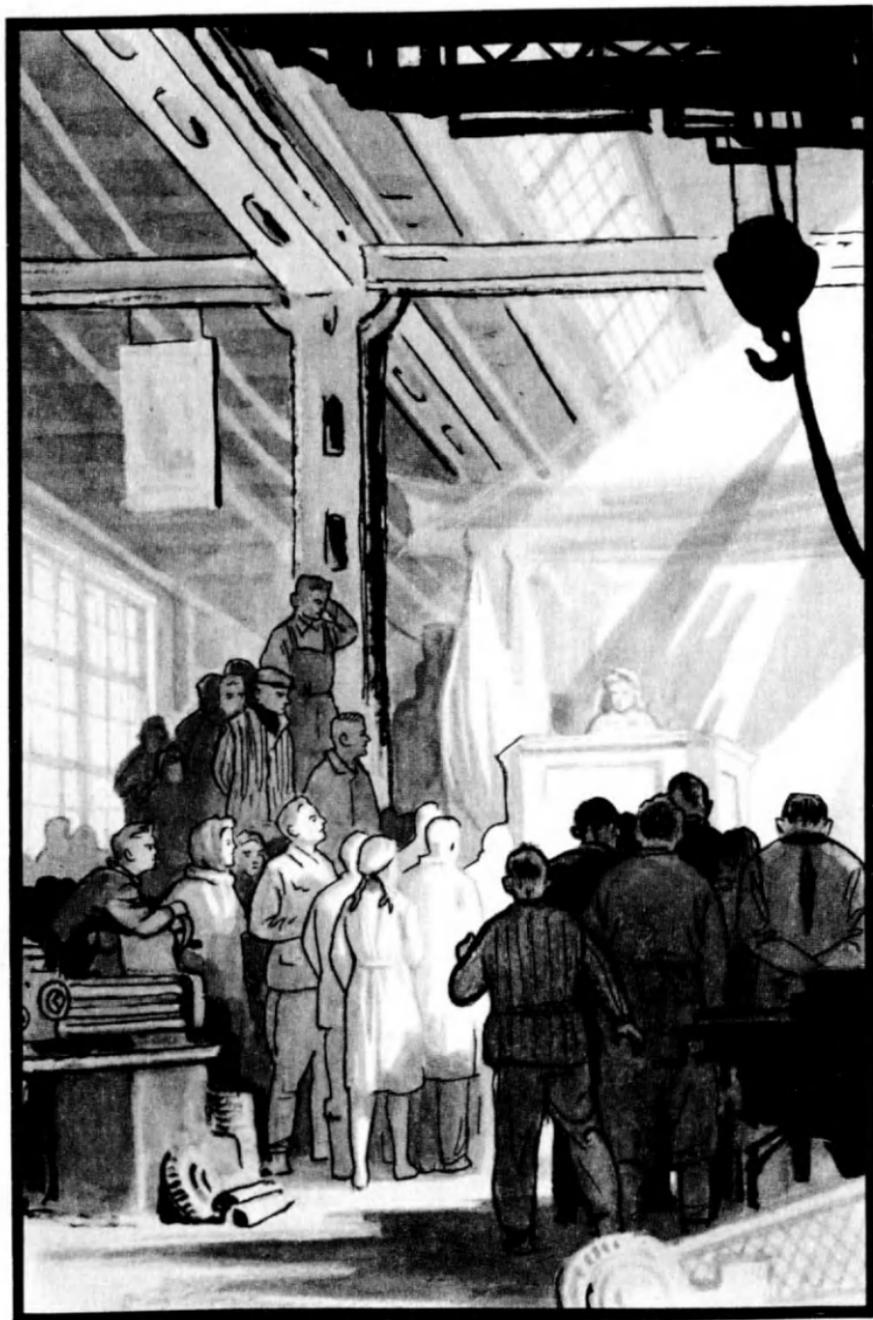
— Зачем ты так резко, Катя... Он обиделся, — вступилась Леночка.

— Подумаешь, нежности! Он еще гогу-магогу разыгрывает! — фыркнула Катя, скрывая свое смущение. — Ничего, вернется...

Она ошиблась — Костя не вернулся. Гордость взяла его за руку, увела из комнаты и шепнула на ухо: «Ты никогда и никому не позволишь унижать себя. Выполнишь полторы нормы и скажешь обидчице с синими глазами: «Обошлись сами, потому что не дураки и не слабое звено, а токарь не хуже других». Он был гордый человек, этот Константин Малышев, который научился резать сталь.

„Малышев — пять...“

С тех пор Костя не ходил слушать Катину книгу, хотя и жалел об этом. Но все-таки он учился. Его учил Стукачев, он присматривался к работе взрослых токарей

— Я быстро освою станок... Потому что фашисты...
такие проклятые...

второго цеха, а кроме того, голова старалась, чтобы руки работали лучше. И вот так он учился.

Дней через десять Стукачев привел за колонны Герасима Ивановича.

— Принимайте, товарищ начальник, новое токарное пополнение!

Никто не обратил на мастера внимания — все притворились, что, кроме своей работы, ничего не видят. За крайним станком спокойно работал Всеволод Булкин.

Возле соседнего станка пыхтел озабоченный Костя Малышев. Вынимая деталь из патрона, он повернул торцовый ключ скупно, самое большее на три четверти оборота, и так же скупно повернул штурвальчик, отводя заднюю бабку. Он снял деталь, подхватил с полу заготовку и — раз! — вставил в патрон. «Правильно идет! — мысленно одобрил его мастер. — Старательности в нем много, и рука твердая».

Третьим стоял станок Леночки Туфик. Она промеривала деталь, когда только что выключенный станок давал замиравшие обороты. «За это я ее поругаю, — подумал мастер. — Скобу портит...» Станок Кати Галкиной обдирал заготовку, а она, чтобы не терять времени, занялась приборкой. «Аккуратистка, работница растет!» — порадовался мастер.

— Стоп! — приказал он и, когда станки затихли, объявил: — В конце смены я вас попрошаю, а завтра поставлю на норму. Установлена норма — двадцать «труб». Больше дашь — никто не обидится. Будешь твердо выполнять двадцать — разряд получишь. Поняли? И ты, Булкин, понял?

— Почему это я должен не понять? — покраснел Сева. — А только я думаю, что норма высокая. Во втором цехе всего...

— Ух ты, галчонок! — удивился мастер. — Много тебе двадцать? Ладно, делай две! — Он рассердился: — Ты со

мной не торгуйся! Ты у фронтовиков спроси, сколько нужно делать... Галкина, можно двадцать?

— Не знаю,— равнодушно ответила Катя.— Меня двадцать вообще не интересуют. Нужно тридцать — сто пятьдесят процентов нормы. Я такую клятву дала.

— Вот это дело!— одобрил Герасим Иванович.— Постарайся — сделаешь и тридцать. Только нужно желание иметь, а не нормы по всему заводу подсматривать! — И он ушел, приказав ребятам продолжать работу.

— Захотим — сто пятьдесят процентов сделаем, хотя такого обязательства не брали,— сказал Сева вслед мастеру.— Вот посмотрим, как Екатерина Васильевна сто пятьдесят раз хвостик подождет, а потом покажем ей настоящую работу.

— Лодырь! — внятно проговорила Катя.— Форсу показал на весь завод, всем нахвастался, а на работе стоп... Не бойтесь, господин-сковородин Булкин-Прогулкин, вам не придется меня учить...

Вернулся Стукачев, провожавший мастера, и скомандовал:

— В последний раз — смирно! Больше я с вами не играюсь... Нужно еще шестнадцать человек в токари подготовить, чтобы директор направил в танковое училище. Давайте норму, а споры-разговоры прошу бросить. Если будут недоразумения, помогу чем могу... Прощай, гопкомпания!

Он пожал каждому ученику руку в знак того, что имеет дело не с кем-нибудь, а с токарями, махнул кепкой и ушел. Ребята с сожалением проводили взглядом своего добродушного, веселого учителя. Они понимали, что теперь все зависит от их рук, и... как-то еще сложится самостоятельная работа.

В тот день Костя вполне самостоятельно обработал пять деталей. Ему казалось, что сделано много, хотя он выполнил всего двадцать пять процентов нормы, но он

все любовался и любовался блестящими «трубами». Это были точно такие же «трубы», какие выпускал второй цех, какие он видел на Северном Полюсе. Да, такие же, но с большой разницей: они были гораздо лучше всех других, так как вышли из его рук. Контролерша второго цеха померила «трубы», сделанные ребятами, мелом написала на каждой «п» — «принята» — и сказала:

— Вот не было печали — из-за таких пустяков в первый цех бегать!

Но Костя даже не обиделся. Хорош пустяк — такие замечательные детали!

Раздался нетерпеливый звонок. Это прикатил электрокар. Водительница тоже фыркнула:

— Это и комар унесет!

Опять-таки глупые слова! Никого не спрашивая, Костя перегрузил все детали на электрокар, будто был простым подсобным рабочим, а не токарем.

Складывая «трубы» одна на другую, он считал:

— Малышев — пять... Булкин — семь... Туфик — девять... Галкина — двенадцать...

— У кого больше? — спросила Катя, которая только что отнесла стружку на транспортер.

— Конечно, у тебя! — доложила Леночка. — За тобой я, а меньше всего — у Малышка.

— Сам виноват! — сказала Катя, будто разбила об пол ледяшку.

Даже это не испортило его настроения. Когда электрокар отправился из-за колонн, он побежал рядом. Его «трубы» лежали внизу. Никто, кроме Кости, уже не смог бы сказать, кто какие «трубы» из этой партии сделал, и все же его работа существовала как-то отдельно. Даже когда на фронте «катюши» разлетятся сотнями осколков, его труд не исчезнет, потому что «катюши» пожгут фашистов, а бойцы скажут спасибо Косте, не зная его имени.

Он вернулся за колонны, навел порядок в инструмен-

тальном шкафчике и уже собрался уходить, когда за колонны прибежала Леночка.

— Ой, что-то забыла! — сказала она, оглянувшись и шепотом спросила:— Булкина нет?.. Знаешь, Малышок, зачем я вернулась? Катя говорит, чтобы ты не сердился за то, что было. Помнишь? Она говорит, чтобы ты пришел сегодня слушать книжку. И сегодня мы начинаем заниматься по математике. Ей очень жаль, что ты так мало вырабатываешь и позоришься перед Булкиным.

Последние слова все испортили.

— Больно мне нужно...— ответил он и выключил свет.

— Какие вы все! — воскликнула Леночка.— С вами абсолютно невозможно.

— Обойдемся,— сказал Костя и ушел.

Не нужно ему жалости! Сегодня он сделал всего пять, но сам сделал, а завтра сделает больше и тоже сам. Выработает он и норму и полторы нормы и докажет, какой он человек. Но было приятно, что Катя послала к нему Леночку мириться.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кто впереди, кто сзади?

У входа в молодежный цех висят три доски показателей, точно такие же, как в цехах, где работают взрослые токари. Слева выстроились фамилии — сколько в бригаде рабочих, столько и фамилий, — и указано, сколько процентов задания выполняет токарь день за днем. Если выполнил меньше ста процентов, цифра написана белым мелком, а если больше ста процентов — красным. Сегодня написано, что Галкина за прошлый день выполнила 85, Туфик 75, Малышев 60, а Булкин всего 50 процентов нормы.

Но Сева не всегда последний за колоннами. День-два он работает плохо, где-то пропадает с Колькой Глухих, а потом вдруг прилипнет к станку, работает злой, только и ищет случая поругаться с Катей, назвать Леночку очкастой, задеть Малышка. Всех обгонит, мастер его похвалит, а он снова раскиснет, еле движется и все заговаривает с Костей о тайге и золоте...

Ровно и все лучше работает Костя. Он сообразил, что при черновой обдирке, когда «Буш» снимает с заготовки

толстую стружку, вовсе необязательно часто промеривать диаметр обточенной части заготовки, так как станок надежно соблюдает заданный размер. Правда, об этом говорил и Стукачев, но Костя все время беспокоился, правильно ли работает «Буш», то и дело нажимал красную кнопку «стоп», которая ему особенно нравилась, и терял много времени.

Каждый день он делает маленькие полезные открытия и поэтому рассматривает показатели вполне спокойно, стараясь сообразить, когда он перейдет на красный мелок.

На минутку задержалась возле доски Катя.

— Это только цветочки, а ягодки будут впереди!— сказала она, обняла Леночку и проронила:— Гуд морнинг, гога-магога,— то есть поздоровалась с Костей по-английски, потому что до поступления на завод она училась в школе говорить на этом непонятном языке.

— Ой, бонжур! — сказала ему Леночка, потому что она в школе на Украине училась говорить по-французски.

Что касается Севы, то он посмотрел на показатели с таким видом, будто интересовался, как играют маленькие дети.

— «Из кожи лезут вон, а возу все нет хода»,— сказал Сева маленькому Маркину из третьей бригады.

— Зато ты орел! — прыснул Маркин.— Галкина, вчера восемьдесят пять процентов сделала, а у тебя пятьдесят. Ты скажи, почему тебя называют Булкиным-Прогоулкиным? Очень остроумно!

— А сколько у меня позавчера было?— И Сева ткнул пальцем в показатель.— Смотри, если слепой. Восемьдесят пять и без брака, не то что у Галкиной...

— Врешь ты, не делает она брака! — не утерпел Костя, возмущенный ложью.— Это ты вчера две «трубы» запарол, а у нее брака не бывает.

Защитник нашелся! — И Сева подмигнул Маркину,— Знаем мы, почему он за Галкину вступается. Он и переженный резец помог ей спрятать. Понимаешь?

— По-ни-ма-ем! — протянул Маркин.— Он Онегин, она Татьяна.

В таких случаях Костя не сразу находил, что нужно сказать, он просто выругал Севу:

— Дурак ты, вот что... Врешь про людей со зла!

— Ах, какой длинноухий рыцарь печального образа нашелся! — И Сева отправился за колонны, предоставив Косте выслушивать шутки Маркина.

Семьдесят пять!

Вероятно, в тот день кто-нибудь рассказал Кате, что Костя вступился за нее, поэтому она сделала новый шаг к примирению.

— А Прогулкин снова пяточки сальцем смазал,— сказала она, проходя мимо Кости.— Интересно, куда он сбежал?

— За резцом пошел да в медпункт — палец занозил...

— Ты зачем уже резец на чистовой меняешь?— удивилась Катя, присмотревшись к его работе.— Сколько ты деталей между сменами резца проверяешь?

— Три.

— Три, три, дырку протрешь! — засмеялась Леночка.— Знаешь, Катя, он все время резцы переставляет.

— Глупо! Стукачев говорил, как работу организовывать, а ты, Малышок, все делаешь не так, как люди. Ты полсмены обдирай, а полсмены отделявай. Понимаешь?

Чего там было понимать! Но Косте всегда хотелось поскорее увидеть совсем законченную деталь — чистенькую, гладенькую, блестящую. Просто сердце радовалось, когда попевала новая «труба».

— А как не все отделаю?— пробормотал он.

— Подумаешь, страх! Останется одна-две на завтра. Зато не надо через каждые три обдирки или отделки резец менять. Получается экономия времени. Пони-маешь, нужно экономить время.

До сих пор Костя знал, что есть день и есть ночь, есть столько-то часов между гудками, и не обращал никакого внимания на такую мелочь, как минуты и секунды, а оказа-лось, что эту мелочь нужно беречь, если хочешь сде-лать много. Катя все это ему объяснила, хотя и не совсем понятно, но самое главное он понял: станок должен кру-титься как можно больше. Скрепя сердце он принял ее совет, начал обдирать, только обдирать заготовки, и его беспокоило, что отделанных «труб» еще нет.

— Пятнадцать, вот видишь! — радостно сказала Ка-тя, сосчитав перед обедом обдирки у его станка.— Теперь поставь чистовой резец, отдели все, и у тебя будет семь-десят пять процентов нормы. А если бы ты с утра был умнее, наверное, получилось бы восемьдесят пять.

В тот день Сева был совсем раскисший, у него все не ладилось, и он часто отлучался от станка.

— Нашел учителя! — пробормотал он, пожав плеча-ми.— Учись, Малышок, если собственная голова не варит.

— Леночка, ты читала в многотиражке про лоды-рей?— тотчас же откликнулась Катя.— Так смешно на-писано, как с натуры. Правда?

В конце смены, когда Герасим Иванович наведалься за колонны справиться об успехах молодежи, Катя спо-койно сообщила:

— У меня восемнадцать, а девятнадцатую я до гудка закончу.

— Правильно,— улыбнулся мастер, сосчитав заготов-ки у ее станка.— Смотри, к тому времени, как я из дома отдыха вернусь, чтобы полная норма была!

— Непременно сделаю! — пообещала Катя, бросив

торжествующий взгляд на Булкина.— Норма совсем не трудная, надо только уплотнять время, а не бегать каждый раз в медпункт.

На две детали отстала от своей подружки Леночка, а на стеллаже возле Костиного станка мастер увидел пятнадцать «труб».

— Идет дело, Малышок! — признал он.— Не так чтобы шибко, а все же вперед — не назад. Старайся, молодец.

Мысль

пробуждается

Когда Костя привел в порядок станок и сменил бушлатик, в котором работал, на ватную фуфайку, Катя предложила:

— Пойдешь посмотреть «Разгром немцев под Москвой»?

Он согласился: если она хочет мириться, так и он согласен.

Киносеанс в красном уголке должен был начаться через полчаса после гудка для новой смены, и Костя пошел из цеха в цех, заложив руки за спину, гордясь сегодняшним достижением. Семьдесят пять процентов — это не шутка: это три четверти нормы. Остается еще нажать, еще уплотнить время — и сто! Как он жалел, что утром часто менял резцы!

Прежде всего он навестил Нину Павловну, которая последнее время почти не оставляла завода и так заработалась, что лицо ее потемнело и похудело. Нина Павловна стояла возле электрокальной ванны: она смотрела на свои ручные часики, а Дикерман, старший калильщик термического цеха, держал щипцами деталь, погруженную в расплавленный свинец.

— Время! — скомандовала Нина Павловна.

— Раз! — И Дикерман выхватил раскаленную красную «рюмку» из свинца.— Два! — крикнул он, ударил щипцами о край ванны так, что с «рюмки» слетели кра-

сивые блестящие капельки свинца, сунул «рюмку» в бак с маслом, выдержал ее там и вынул.— А вот вам три! — сказал он и осторожно поставил черную деталь на железный стол.

Здравствуй, медвежонок! — приветствовала Нина Павловна Костю.— Подожди меня.— Она пошла к контролерам, поговорила с ними, вернулась и, натягивая рукав свитера на часики, распорядилась:— На сегодня хватит. В последней партии семь годных из десяти и одна — условный брак... Можно считать, семьдесят пять процентов... Вот вам «блестящее достижение». Просто руки опускаются... Завтра попробуем режим профессора Колышева.

Дикерман вытер платком подбородок, заросший белой щетиной, и снова взялся за шипцы.

— Извините, товарищ инженер! — сказал он сердито.— Кажется, вы помните, что нам говорили на заседании партбюро? Если даже эту чертову «рюмку» нужно калить в золоте, так нам дадут чистое золото. Значит, нужно работать и не опускать рук. Я вам говорю это как старый человек и как молодой член партии.

Вы на ногах с утра. Отдохните немного.

— Вы тоже с утра не на курорте. Но, конечно, если вы настаиваете, я могу отдохнуть. Так что же советует профессор Колышев?

Они начали совещаться, сколько времени выдерживать «рюмку» в свинце, и Нина Павловна забыла о Косте, да это и к лучшему. Только что он хотел похвалиться своей победой, но радость уже опустила крылышки. Задумчивый, прошел он во второй цех.

Стукачев полсмены учил ребят токарить, а полсмены работал за станком, но делал полторы нормы, как обаялся под Новый год, поэтому он иногда задерживался в цехе. Вокруг его станка спорили взрослые рабочие.

— Высокая скорость резания да большая подача — это понятно,— сказал один из них,— никого ты этим, Ваня, не удивил. Однако победитовых резцов опять нет, а сталь-быстрорез горит. Покажи-ка вот новый режим обработки!

— Доказываю, что быстрорез держит, если дать охлаждение,— с вызовом в голосе ответил Стукачев.

— Хорошо, что твой станок с охлаждением, а тут просишь, просишь насосики сделать — как горох в стенку. Черепахой ползешь, да и то резцы горят... Что там говорить!

Токари пошли по своим местам, а Костя впился глазами в синюю стружку металла, которая сбегала с резца.

Струйка желтоватой эмульсии падала на резец и пофыркивала, коснувшись горячего металла.

— Берет, берет, парень! — сказал Стукачев, сдвинув кепку на макушку.— Доказываю, что на этой детали можно повесить режим обработки в полтора раза. Нужно только...

Раздался противный визг, какой Косте уже пришлось услышать, когда Катя сожгла резец. Улыбка исчезла с лица Стукачева.

— Все ж таки сгорел! — процедил он сквозь зубы, выключил станок и задумался, глядя на резец.— Правда, я слишком большую скорость резания закатил. Так еще в цехе никто не работал. А по-старому мне уже неинтересно.

— А на «Буше» можно режим повесить? — несмело спросил Костя.— Хоть чуть... А то «Буш», как черепаха, ползет.

— Не видел ты пломбу? Вам только разреши режим менять, так вы чудес наделаете! И вообще, видишь, что человек переживает, значит, скройся в тени!

Пришлось скрыться в тени ни с чем. Как это ни с чем? В голове толпились беспокойные мысли. Только что семь-

десять пять процентов казались ему высокой горой, а теперь они стали ниже муравьиной кучи.

Забыв о киносеансе, он вышел во двор. Здесь разгружались машины, доставившие заготовки с трубопрокатного завода. Громко командовал разгрузкой начальник материального склада, маленький толстый человек. Вдоль стен поднялся высокий штабель труб, похожий на медовые соты. По сравнению с этой грудой металла «Буш» показался крохотным, бессильным.

Когда Костя вспомнил о кино, оказалось, что сеанс уже кончился и все разошлись по домам.

Стычка

— Ой, Шагистый Севку Булкина загрыз! — крикнула Леночка, налетев на Костю, как бомба.— Иди скорей, а то будет ужас!

Со двора вперемежку доносились звонкий голос Катюши и грозное рычание. В сугробе возле крыльца возилось что-то темное, а на крыльце подпрыгивала Катя.

— Шагистый, Шагистый,— выкрикивала она,— покажи ему, как драться! Проучи его — пускай помнит!

«Урры!» — отвечал Шагистый, готовый выполнить приказ хозяйки.

Это было не дело, это никуда не годилось. Костя крикнул: «Поди прочь, хвостатый!» — и пнул Шагистого в бок. Громадный пес, рыча, отскочил. Сева поднялся из сугроба весь в снегу. На крыльцо выбежала Антонина Антоновна.

— Ах, бесстыдница! — разохалась она.— Да что же это такое? Да как же тебе не совестно!

— Он тоже сам виноват! — подала голос Леночка.— Он Катю толкнул, а потом меня, не понимаю за что...

— Счастье его, что Малышок заступился! — бушевала Катя.— В другой раз прикажу Шагистому еще не так! Пускай руки в ход не пускает! Будет лодырь ходить рваный-латаный!

В боковушке Костя разглядел, что у Севы совсем белое лицо. Привалившись боком на подушку, он тяжело дышал, с полузакрытыми глазами. На его руке багровел след, оставленный крепкими зубами. Шагистый не любил Севу, так как чувствовал, что его не любит хозяйка, и охотно показал, что такое зубы лайки-медвежатника.

— Зачем девочек трогаешь? — сказал Костя.

— Знаешь ты...— ответил Сева бессильно.— Кто их трогал! А она идет с Ойкой да на всю улицу: «Лодырь, лодырь, господин-сковородин Булкин-Прогулкин!»! А я терпеть должен, да? Подумаешь, задается, что девяносто пять выработала!..

Сказав это, Сева отвернулся. Костя заметил, что у Севы вздрагивают плечи, и вдруг пожалел товарища, только он не понял этого, так как жалость прикинулась досадой на Катюшу. Не имела она права напускать на Севу глупого Шагистого. Собака должна знать свое дело — стеречь дом, поднимать медведя, вылавливать белку, а это что же такое — на человека! Так не годится! Снимая валенки, Костя сердито посапывал.

Он даже не пошевелился, когда за дверью послышался властный голосок:

— Малышок, зайди на минутку!

— Что же ты не бежишь к Галкиной?— насмешливо спросил Сева.— Пойди подслужись... Катька перед сеансом рассказывала ребятам, что взяла над тобой шефство, на буксире тащит. Красота! Ученик перед учительницей на задних лапках служит... Тьфу!

Сева не подозревал, как много соли и кислоты оказалось в его словах. Костина гордость встала на дыбы.

Так вот что оказывается: Катя болтает, что он ее подшефный, что он тащится на буксире, как слабое звено! Вот куда дело пошло!

— Врет она! — пробормотал Костя.— Она только сегодня мне малость помогла. (Сева при этих словах хмыкнул.) Вот попрошу мастера режим-скорость повысить, сразу норму дам.

— Так он тебе и разрешил! Пломбу видел?

— А коли «Буши», как черепахи, ползут!

— Нарочно такой режим для «Бушей» сделали... Не позволит мастер менять.— Помолчав, Сева добавил: — А мы с Колькой знаем, как можно норму сделать и пломбу не трогать. Пока мастер в доме отдыха будет, можно попробовать. Может быть, даже полторы нормы выйдет...

— Полторы? — усмехнулся Костя.— Вот сделай да меня научи, спасибо скажу...

Наступило молчание.

— А если сделаем полторы нормы, в тайгу пойдем? — спросил Сева.

— Чего рядишься? Сначала сделай, а потом, может, и потолкуем,— ответил Костя все так же насмешливо.

В сенях послышались голоса девочек. Провожая подругу, Катя умышленно громко сказала:

— Я уверена, ну совершенно уверена, что мы завтра перевыполним норму. Пожалеет гога-магога, что с Булкой нянчится!

— Ой, не кричи!— взмолилась Леночка.— А что, если не получится?

— А я говорю — получится, получится, получится! — пропела Катя и хлопнула дверью.

Обитатели боковушки совещались. Сева рисовал что-то на клочке бумаги, а Костя, рассматривая чертежик, сомневался, но сомнение становилось все слабее, а желание попытать счастья — все сильнее.

Затихли далекие утренние гудки, и давно уже про-
снувшийся Герасим Иванович вздохнул.

— Что-то мои галчата поделывают? — сказал он со-
седу,, разделившему с ним комнату в доме отдыха.— Вот
ворчишь на них, так и оттрепал бы за уши, чтобы не ба-
ловали, а не видишь их, и всякие думки являются.

Отдыхает, отдыхает старый мастер. Как только новые
станки заняли свое место в заводских цехах, как только
получили они все необходимое для работы, директор при-
казал Герасиму Ивановичу отправиться в загородный
дом отдыха на два-три дня. Поехал мастер — и не об-
радовался. Принялись за него врачи, как за старый стан-
нок: и осматривают, и выслушивают, и в ваннах поло-
щут, и даже к энергии подключают — честное слово,
устраивают электролечение. Герасим Иванович не про-
тестует — он понимает, что у врачей тоже есть своя нор-
ма выработки, он им не мешает выполнять план, он толь-
ко скучает по цеху.

Все грезится мастеру, что он идет между станками,
заложив руки за спину, и замечает всякую мелочь. Что
это Степа Турбин такой бледный? Болен паренек или до-
ма что случилось? На Петюниной ботики новенькие. Ишь,
как сияет своими сиреневыми глазками, щеголиха курно-
сая! Вот возьмем да проверим, как она за станком уха-
живает, что ей дороже — ботики или станок. Интересно,
куда Сеня Игошин сбежал? Должно быть, опять в треть-
ем цехе пялит глаза на громадный станок «Булард».
Придется паренька на «Булард» отдать — головенка у
него хорошо работает, механик растет.

Кажется мастеру, что он и не отлучался из цеха, что
в цехе все обстоит по-старому. Ошибается Герасим Ива-
нович. Не все в цехе идет по-старому. Растет, шумит мо-
лодежь в шапках-ушанках, задорных беретах, в замас-

ленных ватниках и стоптанных валенках. Вот Маша Петюнина придумала шлифовать деталь «116-А» по-новому — не кольцо за кольцом, а всю трубку-заготовку сразу. Завкомовский художник, по просьбе Зиночки, написал Петюниной поздравительный плакат и вывесил над доской показателей. Перед этим плакатом, открыв рот, стоит мальчик в длинноухой оленьей шапке и смотрит как зачарованный. Значит, не только Нина Павловна и Стукачев имеют голову, которая думает,— у Петюниной тоже голова настоящая. А что представляет собой Петюнина, если не считать ее новеньких ботишков? Худенькая, маленькая, голосок тихонький, а вот какой плакат написан о ней желтыми, красными и голубыми буквами.

Мальчик в оленьей шапке прошел за колонны, и через минуту к нему присоединились еще два подростка. Они осмотрели второй с края «Буш», особенно ту его часть, которая называется «гитарой»,— набор шестеренок. При этом они напоминали трех заговорщиков, задумавших серьезное и даже опасное дело. Совещание вел тоненький и суетливый паренек — с видом знатока он что-то объяснял своим собеседникам по поводу «гитары» станка и разыгрывал из себя инженера.

Совещание оборвалось, как только за колонны явились Катя и Леночка. Мальчики разошлись с таким видом, будто встретились случайно и говорили о пустяках.

Катина выдумка

Обычно Катя еще до гудка бралась за работу — подготавливала все необходимое, чтобы не приходилось отлучаться от станка.

Теперь, проводив Севу нетерпеливым взглядом, она присела на стеллаж возле Кости.

— Напрасно, гога-магога, ты вчера не зашел,— сказала она.— У нас с Леночкой было производственное со-

вешание. Мы обсуждали мое рационализаторское предложение.

Костя промолчал.

— Чего ты надулся? Тебе лодыря жалко?

— Нельзя собаку на человека усыкать...

— Пускай не дерется,— откликнулась Леночка.

— А зачем вы его лодырем на всю улицу обзывали?

— А если он такой и есть? День работает — день гуляет. Почему ты его защищаешь? Ты товарищу Сталину поклялся, а сам лодыря по головке гладишь! Твой Севка саботажник!

— Чего? — спросил Костя.

— Саботажник — это который притворяется, что работает, а на самом деле лодырь,— пояснила Леночка.— Точь-в-точь Булкин...

— Да, конечно, он саботажник!— настаивала Катя.— Почему мы все можем стараться для фронта, а он работает по настроению? Даже ты вчера семьдесят пять процентов сделал, а он пятьдесят... Ты еще скажи, что он богатырь труда!— И она засмеялась.

Как больно задела его неосторожные слова «даже ты»! Да когда же уймется, когда перестанет обижать людей поперечная душа!

— Не саботажник он,— сказал Костя.— Может, он хочет для фронта как больше сделать. Ты себя лучше других не считай. Другие, может, не хуже...

Он отвернулся от Кати и увидел Севу, который только что показался из-за колонны. Как-то странно, с быстрой усмешкой, посмотрел он на Малышка и тотчас же отвел взгляд. Может быть, он слышал весь разговор, слышал, как его защищали, и Косте стало неловко. Он взялся за работу.

— Как вам угодно, товарищ Малышев,— решила Катя, тоже увидевшая Севу.— Можете даже со мной вообще не разговаривать, я плакать не буду.— Она об-

ратилась к Леночке: — Начнем, девушка. Пускай поучится!

На Ойкином станке заготовка была уже ободрана наполовину. Катя включила свой «Буш», отошла в сторону и скрестила руки на груди.

— Меня нет...— многозначительно произнесла она.

Леночка засуетилась. Как только станок закончил операцию, она, оглядываясь каждую секунду на станок Кати, точно он мог взорваться, поскорее установила новую заготовку. К этому времени резец на Катином станке уже ободрал всю заготовку. Леночка ойкнула, сняла ее, установила новую и бросилась к своему станку. Так она перебегала с места на место, а Катя следила за нею, крепко сжав губы, чтобы не вмешаться.

— Довольно,— сказала она.— Вот видишь, все получается правильно.

— Ой, Катенька, как я боялась запороть! — произнесла взволнованная и счастливая Леночка.

— Какая ты трусиха! Вот смотри!

И Катя начала делать то, что делала Леночка, но она не суетилась, не пугалась, двигалась между станками легко, осторожно, как по ниточке, а ее глаза горели синим огоньком. Казалось, что она ставила и снимала детали не спеша, а на самом деле получалось быстро. Все у нее было под рукой — и ключи, и мерительная скоба, и баночка с тавотом.

Сначала Костя невольно обрадовался, что все идет так ладно, а потом ему стало грустно. Он понял, что даст эта выдумка девочкам. Если понадобится, они смогут отлучаться из-за колонн, а «Буши» будут все работать да работать. Вот если бы Костя мог договориться с Севой работать так, как придумала Катя, можно было бы отказаться от перенастройки станка. Но Сева, уловив его подавленный взгляд, насмешливо посвистел, точно сказал:

«Подумаешь чудеса! Вот мы сделаем штуку, так это штука!»

— Учись, Малышок! — хвастливо бросила Катя.— Впрочем, у лодырей учиться легче!

Кто ее дергал за язык! Она начала день обидным словом и продолжала все хуже и хуже. Ух, как захотелось Косте добиться сразу полуторных норм, да и сказать мимоходом обидчице: «Вы у нас поучитесь, Катерина Васильевна! А то ползете, как черепахи, просто жалко смотреть!»

В тот день Катя и Леночка впервые выполнили норму, и за колоннами раздался победный визг, а Костя выработал восемьдесят пять процентов. Лучше, чем вчера, но все же так мало, так плохо, что и говорить не хочется...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Жребий

Трудно сказать, что делали старенькие «Буши» до войны. Вероятно, стояли на заводике в каком-нибудь мирном южном городке, точили простенькие детали в час по столовой ложке, и работали за ними седоусые токари, считавшие, что лучше их станочков на свете ничего нет. Разве мог кто-нибудь предположить, что «Буши» попадут в горячие руки молодых рабочих военного времени, которым казалось, что все делается слишком медленно!

На другой день утром Сева сообщил Косте, что Колька Глухих уже достал нужную шестеренку и можно хоть сейчас выполнить задуманное дело.

— А чей станок перестроим? — осторожно спросил Костя.

— Странно,— пожал плечами Сева.— Ты же первый хотел полторы нормы выполнить! Твой станок и перестроим.

— Ловкий ты! — сказал обеспокоенный Костя и чуть не закончил: «Тебе легко чужим станком распорядиться, а мне что будет, если неаккуратно выйдет?»

Он только подумал это, но Сева понял его мысль и улыбнулся.

— Хочешь плавать не замочившись,— отметил он, попылся в своем инструментальном шкафчике, где было много всякой всячины, и показал Косте два длинных и тонких гвоздика.— Видишь, носик у одного острый, а у другого совсем тупой.— Отвернулся, зажал гвоздики в кулаке, оставив наружу шляпки, и сказал Косте: — Тяни какой хочешь. Если вытащишь острый гвоздик, мы переставим шестеренки на твоем станке, а если тупой — на моем. Понятно?

Нужны ли были еще доказательства, что Сева тоже готов рискнуть! И Косте захотелось непременно вытащить острый гвоздик, выиграть право на перестановку шестеренок.

Он протянул руку, призадумался, захватил ногтями одну из шляпок и... вытащил острый гвоздик.

— Видишь, твое счастье! — И Сева изо всех сил забросил гвоздик, оставшийся в его кулаке.— Значит, твой станок переналадим.

Получилось так, как пожелал Костя, но он испугался. До сих пор он мог выбирать: «хочу» — «не хочу», а теперь оставалось только действовать.

— Ладно, скажи Николаю,— решил он.

В конце обеденного перерыва девочки привели за колонны Зиночку Соловьеву.

— Вот как мы организовали работу,— сказала Катя.— Теперь у нас совсем не будет простоев!

Посмотрев, как девочки работают, Зиночка загорелась и сразу нашла для всего этого солидное название:

— Девушки, это многостаночничество и взаимопомощь. Определенно! У вас действительно не будет простоев. Вы молодцы, орлицы! Ваш опыт надо подхватить...

Она умчалась и через минуту притащила начальника первого цеха Тимошенко.

— Так це ж понятно! — сказал он.— При работе на станке есть время машинное, когда сам станок работает,

и есть время ручное, когда токарь налаживает станок снимает деталь да шо еще. На такой крупной детали, как «труба», да еще при таком слабом режиме машинное время получается большое. Свободно можно два станка обслуживать, а то и три...

— Однако мальчики не догадались так сделать, а девочки догадались и уже выполняют норму. Молодцы они или нет? — волновалась Зиночка, обиженная его хладнокровием.

— Молодцы, молодцы! — признал Тимошенко. — Добре, добре, хвалю! Сегодня получите столовые талоны в зал ударника... — Он добавил с сожалением: — Вот поганно тилько то, шо эта деталь для нашего цеха не характерная. Мелочь делаем. А на мелкой детали машинное время короткое. На двух станках не успеть.

— Что же ты отстаешь, Малышок? — спросила Зиночка, как только начальник цеха ушел. — На Северном Полюсе ты гремел, ты был новатором производства, а здесь совсем потерялся. Сергей Степанович как-то сказал, что ты стоящий паренек, а ты не оправдываешь доверия. Неужели тебе не обидно? Вы с Булкиным должны перенять пример Кати и Леночки, вызвать их на соревнование и перегнать...

— Ах, как страшно! — вполголоса откликнулась Катя. — Все равно ничего не получится...

— Нет, не размагничивай его! — возразила Зиночка. — Я уверена, что он тоже покажет всем высокий класс... — И при этом она подмигнула Косте, не подозревая, что мальчики задумали нечто совершенно поразительное.

В конце смены за колонны на минуту забежал Колька Глухих и тайком от девочек сунул Косте что-то завернутое в бумагу, а Костя спрятал сверток в инструментальный шкафчик.

Мальчики втроем отправились домой. Заслышав голо-

са квартирантов, Шагистый высунул нос из берлоги и поскулил, чтобы привлечь внимание Кости, но тот пробежал мимо. Шагистый, должно быть, подумал: «Странно! Если у него сегодня нет корочки, я могу это простить, но почему же он даже не назвал меня хвостатым?» — и забился подалее в берлогу.

„С добрым утром!“

Вернулся, вернулся в цех Герасим Иванович Бабин! Каких только ученых слов не наговорили ему доктора, хотели оставить мастера в доме отдыха еще на целую декаду, но мастер улыбнулся, сказал: «Вот как собаку-Гитлера побьем, все внутренние гайки и шурупы подтянем. А сейчас, простите, некогда. Работать нужно». И уехал.

Рано утром он побрился, помолодел и задолго до гудка отправился на завод.

— Дывысь, це ж Герасим Иванович! — обрадовался Тимошенко, когда мастер зашел в его конторку.— Я ж казав, що Бабин самый неподходящий элемент для отдыха. Сидай, сидай, мастер!

Не успел Герасим Иванович сесть, как Тимошенко завел разговор о том, что директор сейчас особенно жмет на мелочь, потому что заводам-кооперантам неохота возиться с малыми деталями, а из-за них задерживается сборка.

В то время как они обсуждали вопрос об установке дополнительных револьверных станков, за колоннами появились три паренька, зажегся свет.

— Давай! — прошептал Колька и засуетился, крепко сжав свой ротик и побледнев от волнения.

Отперев шкафчик, Костя, тоже взволнованный, испуганный, достал бумажный сверток; из свертка появилась шестеренка.

Колька, звеня ключом, отпустил гайки, прикрепляющие шестеренки к «гитаре», и вместо маленькой поставил большую шестерню. Теперь ходовой валик,двигающий суппорт, должен был работать раза в три быстрее, чем раньше.

— Готово! — шепнул Колька и своей шапчонкой, зажатой в кулаке, смахнул со лба капельки пота.— Пробуй, Малышок!

— Дыши! — сказал Сева, непривычно оживленный, подвижной, с горящими глазами.

На станке уже была установлена деталь, прошедшая накануне обдирку. Костя включил станок. Он сделал это сам, но казалось, что вместо него работает кто-то другой и тянет его в пропасть. Патрон стал вращаться. Костя медленно подвел резец к детали и застыл, не в силах перевести дыхание.

— Ну! — нетерпеливо сказал Сева и дернул рычаг самохода.

Суппорт двинулся влево, и резец снял первую стружку. Удивительно, замечательно! Стружка стала широкой. «Буш» немного задрожал. Никогда еще старенький станок не работал так резво. Ребята даже рты открыли.

— Видал? — торжествуя, засмеялся Колька.— Ха-ха, деятели!

— Ух, берет! Ух, берет! — сказал Сева.— Вот это да!

Щеки Кости запылали, волна радости смыла, унесла камень — нет, целую гору! — с его сердца. Прочь страхи, которые всю ночь мерещились ему, прочь сомнения! Смотрите, что делает «Буш»! Идите сюда, за колонны, и смотрите! Вот вам и подшефный Галкиной! Нет, пускай Галкина поучится у него, так будет правильнее!

— А он дрейфил,— проговорил Сева с завистью.— Мы, Николай-чудотворец, и мой станок переналадим?

— Понравилось? — усмехнулся Колька.— Попробуй, так переналажу...

Вернулся, вернулся в цех Герасим Иванович. Вот, заложив руки за спину, идет он между станками, поглядывая налево и направо.

В общем, надо признать, что в цехе порядок. Правда, кое-кто воспользовался отсутствием мастера. Бастриков не убрал стружку из-под станка — как видно, спешил в драматический кружок; у Получиной шкафчик нараспашку. Но грешно жаловаться на ребят — не подвели мастера.

Возле доски показателей Герасим Иванович остановился, просмотрел итог каждой бригады и нахмурился. Его бригада шла ровно: 120—130 процентов изо дня в день. Хорошо? Да, еще недавно это было хорошо, но вторая бригада вдруг добавила десяток процентов и почти догнала первую. Видишь, как? Только зазевайся, и уже тебе наступают на пятки. Что же, галчата, надоело вам в передовиках ходить? Мастер пробежал фамилии на доске первой бригады, взял на заметку Перепелкину, которая почему-то потеряла два десятка процентов и едва вытягивала норму, решил крепко пробрать отставшего Мишу Никулина, а потом повеселел: молодец Катя Галкина, молодец Леночка Туфик и почти молодец Малышок! Вот только Булкин идет неровно, нет в нем упорства...

Герасим Иванович услышал позвякиванье металла, удивился и направился в конец цеха.

— Ставь на обдирку! — сказал Сева.

— Сам знаю! — ответил Костя, снял отделанную деталь, установил заготовку и переменял резец на обдирочный. Теперь он был уверен в станке и даже немного пошвистел сквозь зубы, как делал это Стукачев.

— Ух, берет! — снова прошептал Сева, когда резец с шумом врезался в сталь. — Ух, станочек, ух...

Вдруг Костю охватил ужас — он понял, что обязательно должна случиться беда. Кто бы мог подумать, что

«Буш», старый и спокойный «Буш», может так дрожать, биться, кричать, как он забился, закричал резким голо- сом раненого металла!

— Стой! — метнулся Колька.

Станок замер без вмешательства Кости. Патрон вра- щался, но резец омертвел, не брал стружки. Ходовой ва- лик — толстый полированный шток, обязанный переда- вать движение суппорту,— застыл.

В ту минуту, когда три паренька окаменели перед ли- цом непонятной катастрофы, послышался знакомый голое:

— Чего натворили?

Герасим Иванович наклонился к станине «Буша», осмотрел «гитару», снял кепку и опустил на стеллаж. Сначала вся кровь бросилась ему в лицо, потом отхлыну- ла, и губы задрожали в какой-то странной, растерянной улыбке.

— Встретили мастера с добрым утром,— трудно про- говорил он.— Где шестеренки возьмешь?

Все это потрясло Костю. Если бы было возможно, он дал бы нарезать шестеренки из себя.

Станколом

Никогда еще люди не любили машины так горячо, как в те грозные военные дни. Советские люди знали, что каждое орудие, каждая винтовка, гремевшая на фронте, делается станком в глубоком тылу, что без их станков патронные сумки и снарядные ящики опустеют, самолет не поднимется в воздух, а военный корабль не выйдет из гавани. Вот почему они берегли машины как зеницу ока, а тех людей, которые обращались с техникой небрежно и портили ее, называли позорным именем — станколом.

На заводе было три случая порчи оборудования, но аварию по вине ученика токаря Константина Малышева

нужно было признать самой тяжелой: не имел он права так распоряжаться станком, так своевольничать. Это было ни на что не похоже. Молодые рабочие тайком бегали за колонны посмотреть на шестеренки с выкрошенными зубьями. Девочки ахали, а пареньки посвистывали с видом превосходства: с нами-де такое не случится. Явилась Зиночка и сказала, ни к кому не обращаясь:

— Какой тревожный сигнал!

Когда за колоннами раздавалось обидное слово по адресу станколома, Катя и Леночка поеживались и переглядывались круглыми глазами, а Сева... Сева ничего не видел и не замечал, работал бледный, даже какой-то серый. Что же касается виновника всего происшествия, то он отсутствовал. Крохотное, почти незаметное существо, забившееся в уголок, вовсе не было Костей Малышевым. Это было просто маленькое ничто, вычеркнутое из жизни.

Что это говорит главному механику суетливый, горячий Тимошенко? Что отвечает главный механик? Наконец они условились поставить на станок шестеренки с малозагруженного «Буша» из ремонтного цеха, а потом на свободе нарезать новые шестеренки.

Сердце Кости обливалось кровью. Как он изранил свой замечательный, свой любимый станок! Чего бы он ни дал, чтобы сгинул этот тяжелый сон!..

Кто-то склонился к Косте, заслонил его от цеха:

— Не отчаивайся, Малышок...

Это сказала Нина Павловна. Слезы сдавили горло, и Костя еще ниже опустил голову. Возвращаясь в свой цех и поравнявшись с Катюшей, Нина Павловна что-то сказала. Девочка удивленно посмотрела на нее и увидела серьезное лицо, похудевшее, с добрыми глазами.

— Не оставляй Малышка! — повторила Нина Павловна. — Он сделал это не по злой воле.

До самого обеда Костю никто не трогал, но мастер не

позволил ему возобновить работу на «Буше». До самого обеда... А что такое обед? Когда Катя сказала: «Пойдем в столовую, Малышок», он не сообразил, чего она хочет.

— Он абсолютно ненормальный! — прошептала Леночка, готовая прослезиться.

— Пойдем же! — настойчиво повторила Катя. — Надо обедать, понимаешь?

Она схватила его за руку и потащила. Он подчинился.

У цеховых ворот, возле досок показателей, шумели, смеялись, что-то выкрикивали ребята. Среди них стоял завкомовский художник — длинный парень, который только и умел что рисовать. Он пристроил над доской первой бригады новый плакат и, по-видимому, очень гордился своей работой. Действительно, получилось здорово: на плакате был изображен несимпатичный человек в длинноухой шапке. Приплясывая, он доламывал станок какой-то небывалой конструкции. Во все стороны летели громадные болты, гайки и шестеренки. На плакате вверху было написано большими черными буквами: «Позор станколему Малышеву!» — а внизу еще хуже: «Станколом — помеха производству и фронту».

— Ой, не могу! — выдохнула Леночка.

Тотчас же Костя повернул обратно. Катя схватила его за локоть и попыталась успокоить:

— Ну совсем, совсем не похоже на тебя нарисовано! Только шапка немного похожа, а больше ничего. Идем в столовую!

Не ответив, Костя вырвался и ушел за колонны. Он снова забился за инструментальный шкафчик, прислонился к стене и опустил голову, глядя на ноги... Сева подошел к нему, остановился и долго молчал, не решаясь что-то сказать. Лицо у него было по-прежнему расстроенное.

— Имей в виду, Малышок...— наконец проговорил он отрывисто и глухо.— Имей в виду, что я возьму всю ответственность на себя. Ты тут ни при чем. Понял? Считай, что сломан мой, а не твой станок.

— Картинку-то на меня нарисовали,— горько усмехнулся Костя.

— Это ничего не значит... Я честный человек...— добавил Сева непонятно почему.

— Не значит? — переспросил Костя.— А вот и значит! — Его глаза зло блеснули. Он закончил:— Уйду с завода! Не нужны мне такие вот! Уйду вот... в тайгу... Скажи Николе...

Не этого ли слова добивался Сева так долго, не это ли слово всячески выманивал у Малышка? Почему же он теперь пошел прочь, еле передвигая ноги?

Девочки постарались скорее вернуться в цех. Катя протянула Косте алюминиевую мисочку:

— Ешь, я для тебя хлеба и каши на свои талоны взяла. Ешь, Малышок, а то не вырастешь,— и ласково улыбнулась.

Он неохотно принялся за еду. Девочек удивило его лицо, в котором все было сумрачно и спокойно.

За колонны прибежала цеховая рассыльная и пропишала:

— Малышев, начцеха зовет! Скорее!

Покончив с кашей, Костя встал, вытер руки, застегнул бушлатик и направился к конторке начальника цеха. За ним в том же направлении двинулся Сева, а к ним присоединился Колька Глухих.

Вражда

Директора и парторга весь день не было на заводе. Об аварии «Буша» они узнали, когда говорили из обкома партии с главным инженером по телефону. Главный

инженер передал трубку начальнику молодежного цеха Тимошенко, и тот рассказал директору, что станколомом является ученик токаря Константин Малышев, что участвовал в этом безобразном деле другой ученик, Всеволод Булкин, а переналадил станок молодой токарь из ремонтного цеха Николай Глухих.

— Та це ж одна шайка-лейка,— сказал Тимошенко.— Дружки-товарищи, Я — на Малышева, а они все — на меня, сами все рассказали, бо вин мовчит, як чугунная тумба. Ой, и впертый же хлопец!

Спустя четверть часа за колонны явился Герасим Иванович и посмотрел исподлобья на Костю, на Севу.

Малышев, Булкин, сейчас к директору пойдем. Глухих с собой возьмите,— приказал он, круто повернулся и зашагал в цех.

Девочки испуганно глядели на Костю и Севу: к директору — ой, страшно как! Но поразительнее всего было спокойствие, с каким мальчики приняли приглашение. Костя даже не шевельнулся, а Сева, как только мастер скрылся, сказал:

— Взялись прорабатывать, нашли удовольствие... Будто без этого не обойдется...

— Что ты говоришь, Сева?— послышался голос Нины Павловны.— Конечно, без этого не обойдется. Нужно ведь с вами крепко договориться, чтобы вы берегли технику.

В этот печальный день Нина Павловна несколько раз наведывалась за колонны. Теперь она присела возле Кости, взяла его за руку.

— Почему ты молчал у начальника цеха?— спросила она.— Подумай, как можно после всего этого доверять тебе станок?

— Я... я фронту не помеха,— шепнул Костя, встал и ушел в свое испытанное убежище.

Ты, Сева, старше и грамотнее Малышка,— сказала Нина Павловна.— Конечно, хорошо то, что ты у Тимошенко признал и свою вину, но почему ты так легко говоришь о проработке, почему стараешься ожесточить Малышка? К чему это?

Вдруг Катя выключила станок, обернулась и сжала кулачки.

— Он лодырь, вредитель бессовестный! — крикнула она запальчиво.— Это он, он так нарочно подстроил, чтобы станок сломался, чтобы Малышка в свою компанию затащить и тоже лодырем сделать. Вредитель такой!

Это было тяжелое обвинение. Правда, казалось, что Костя, уставившийся глазами в землю, ничего не слышит, но Сева все же счел необходимым объясниться.

— Ты, Галкина, в наши дела не суйся! — сказал он твердо.— Конечно, мы с Колькой сделали плохо. Но мы не думали, что так получится... Я искренне хотел, чтобы Малышок полторы нормы выполнил. А теперь я всю вину на себя принимаю. Вот! — Он закончил:— Дура! — и пустил свой станок.

Все это было довольно убедительно, но оказалось, что Нину Павловну интересует не станок, а совсем другое.

— Какая у вас скверная обстановка,— проговорила она задумчиво.— Совершенно невозможная обстановка. Вы ведете себя как враги. Дошло до того, что Катя напустила на Севу собаку. Мне об этом бабушка рассказала. Как это не по-советски — такая вражда! (Катя хотела в ответ сдерзить, но сдержалась и отвернулась к станку.) Нет, подумайте, разве мы могли бы воевать, если бы все жили врозь? А какую дружную компанию вы могли бы составить, и тогда не было бы таких безобразий, как сегодня. Почему вы не дружите?

— Очень приятно с Булкиным-Прогоулкиным дружить! — бросила Катя.

— Думаешь, ты мне нужна! — не смолчал Сева,

Нина Павловна досадливо махнула рукой, хотела что-то сказать, но в это время появился Бабин.

— Пошли, работнички! — скомандовал он.

Оглянувшись, как человек, неожиданно оторванный от своих мыслей, Костя глубоко вздохнул и двинулся за мастером и Ниной Павловной.

Спор

До этого случая мальчикам не приходилось бывать в кабинете директора, но от других ребят они слышали, что в кабинете на письменном столе стоят четыре телефонных аппарата: один — разговаривать с цехами, другой — с обкомом партии, третий — с наркомом боеприпасов, а четвертый, самый важный, к которому никто, кроме директора, не смел прикасаться, — говорить прямо с Кремлем. Может быть, это было так, а может быть, вовсе не так, но Костя даже забыл сосчитать телефонные аппараты.

В кожаном кресле за столом сидел директор, а возле стола в другом кресле, вытянув свою несгибающуюся ногу, — Сергей Степанович. Он просматривал какие-то бумаги, беря их со стола здоровой левой рукой.

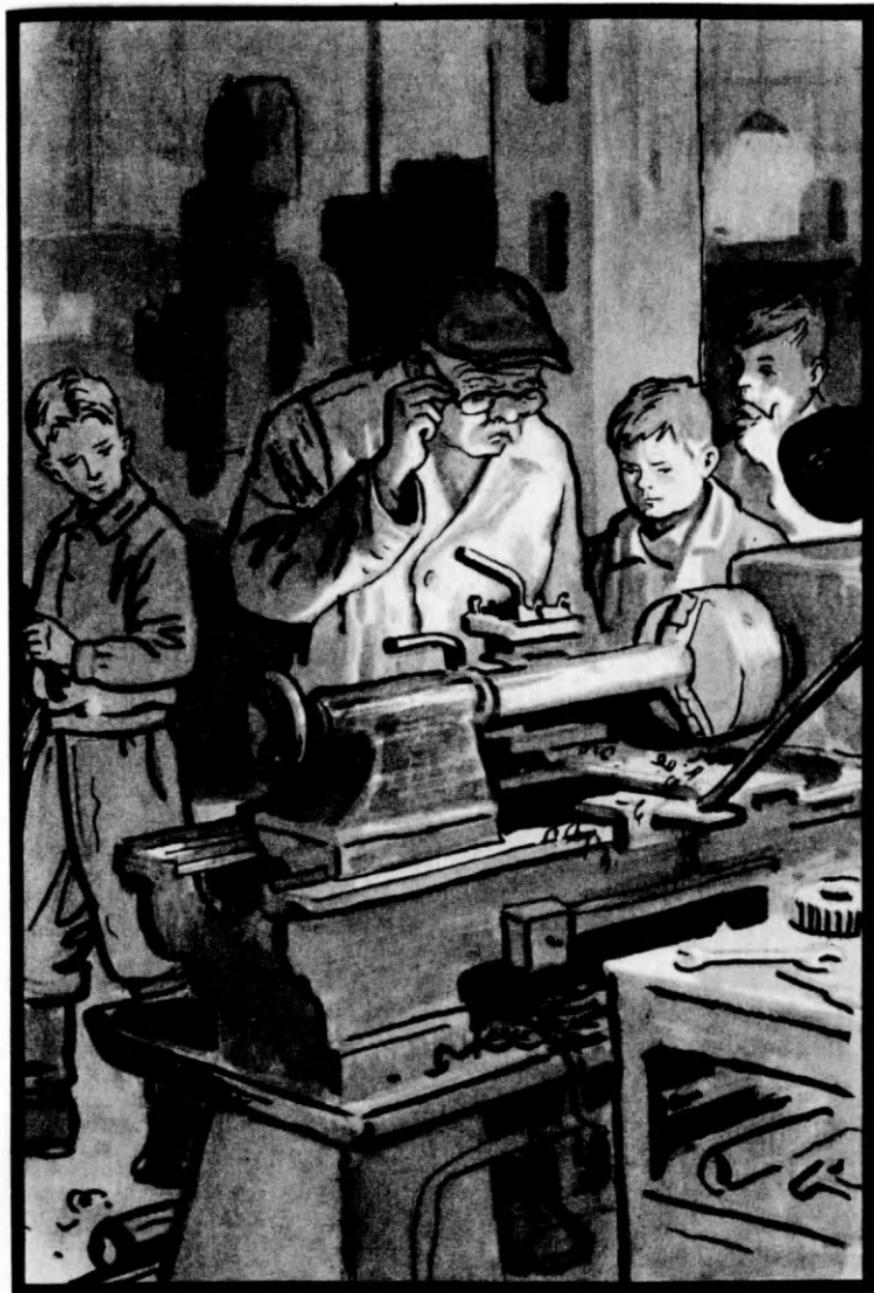
Директор приказал секретарше больше никого не пускать и спросил у Нины Павловны, что ей нужно.

— Я знаю этих мальчиков... Мне хотелось бы присутствовать, — ответила она.

— Можете, — разрешил директор. — Ребята, садьте, — указал он на стулья напротив письменного стола, а как только Костя, Сева и Колька уселись, спросил: — Кто Малышев?

— Посередине сидит, — сказал Сергей Степанович, окинув ребят спокойным, серьезным взглядом.

— Самый маленький, — отметил директор, прикуривая от электрической зажигалки, — Припоминаю, что

Герасим Иванович наклонился к станине «Буша».

видел его в цехе. Это тот самый Малышев, который на филиале отличился?

— Тот самый,— подтвердил Герасим Иванович.— И тут, положим, тоже отличился, только на другой манер.

— Да,— признал директор,— расправился со станком. Дико, варварски расправился! — Он спросил у Кости: — Вот ты, Малышев, сколько пудов можешь унести? — Тут он рассердился и прикрикнул: — Встань, я старше тебя!.. Так сколько пудов унесешь?

— Два пуда далеко нашивал,— пробормотал Костя.

— Неправда, не унесешь.

— Нашивал... Я тягучий...

— Так вот, тягучий человек, завтра ты должен пронести десять пудов через весь заводской двор. Слышишь?

— Не осилить,— невольно усмехнулся Костя.— Десять — это много.

— Жила лопнет?

— Может лопнуть.

— Почему же ты решил, что станок, рассчитанный, скажем, на два пуда, должен тащить десять? Доверили тебе надежный, исправный «Буш», который, худо-бедно, может выдавать в смену двадцать «труб», а ты его портишь. «Трубы» — важная часть «катюш». Двадцать «катюш» — это такой залп, который может уничтожить роту или батальон фашистов. Тебе кажется, что ты только шестеренки сломал, а может быть, из-за твоего безобразного поступка мы не успеем отбить на фронте вражескую атаку... Может быть, из-за этого кто-нибудь погибнет... Понимаешь, что ты наделал?

Молчание было тяжелым, но ответить было еще тяжелее.

— Расскажи, как это получилось, и дай слово, что это не повторится,— сказала Нина Павловна.

— Я как лучше хотел,— хрипло, невнятно проговорил Костя, хотя дал себе слово, что после оскорбления, нанесенного ему художником, будет молчать.— Я как лучше хотел... Полторы нормы дать. А «Буши»-то, как черепахи, ползут!..

— Вот в чем дело! — живо откликнулся парторг.— Но почему ты не посоветовался со старшими? Кто тебе позволил своевольничать? Не так вас, кажется, учит Герасим Иванович.

— Не помеха я фронту! — горячо заговорил Костя, мысли которого пошли своим порядком и воскресили чувство острой обиды.— Я фронту не помеха, а они на стенке зачем написали!— Ему стало так горько, что он все забыл, кроме тяжкого оскорбления.— Уйду с завода, не нужны мне такие вот!— крикнул он и отвернулся, вытирая лицо шапкой.

— Что о нем написали? — спросил директор.

— Плакат вывешен, что станколом Малышев — помеха фронту,— пояснил Бабин.

— Ну, это крепко,— поморщился Сергей Степанович и перевел взгляд на Зиночку Соловьеву.

— Это председатель цехкома погорячился,— поспешно откликнулась она.— Я уже сказала ему, что плакат нужно снять...

— Уйду с завода!— упрямо повторил Костя.

— Глупости болтаешь,— остановил его директор.— Сначала станок сломал, а теперь хочешь и рабочие руки забрать? Сбежишь — поймаем, судить будем как дезертира производства.

— В тайге не поймаете,— с чувством превосходства усмехнулся Костя.— В тайге я первый всякого поймаю.

Тут не стерпел парторг. Он рассердился, посмотрел на Костю хмуро.

— Совесть тебя поймает!— сказал он и стукнул своей палкой в пол.— Она поймает, будь уверен! Всю

жизнь будешь помнить, как ты фронтовикам в тяжелый год помог... Станок из строя вывел, работу бросил, в тайгу собрался. А я думал, ты самостоятельный, верный человек.

— Так! — поддержал его директор, вынул из стола папку с широкой шелковой завязкой и раскрыл ее.— С тобой, Малышев, мы поступим строго,— решил он.— Ты кое в чем помог заводу. Филиал представляет к награждению нескольких человек за успешную работу в 1941 году. Есть среди них и ты. Вот что написано: «Малышев Константин Григорьевич — инициатор движения «снайперских молотков» в тарном цехе, оказавший филиалу значительную помощь в выполнении декабрьского задания». Просят представить тебя к медали «За трудовое отличие». Да, хорошо бы, Константин Григорьевич, получить медаль, но сам понимаешь — не могу и не хочу я сейчас просить за тебя Михаила Ивановича Калинина. Теперь слушай. Я поставлю вопрос отвоем награждению, как только ты выполнишь следующие условия: ты должен поскорее освоить станок и работать так, как обещал, твой станок должен быть самым чистым в цехе, а инструмент — самым стойким. Стоимость ремонта станка ты покроешь из своей зарплаты... Сколько это составит, товарищ Тимошенко?.. Шестьдесят рублей? Вот за три месяца равными долями и внесешь. Что же касается плаката, то его надо снять...

— Да, надо снять, тем более что плакат не совсем правильный,— поддержал парторг.— Конечно, ты, Малышев, фронту не помеха, но ты сделал ошибку, а враг старается воспользоваться каждым нашим промахом. Вот почему не надо ошибаться. Понимаешь? Постарайся, чтобы твои товарищи тоже подтянулись, стали работать хорошо, отлично, по-стахановски. Подумай над этим, Малышев, над этим стоит крепко подумать.

Удивленный, выбитый их колеи словами директора и

парторга, Костя опустил на стул. Но тут вскочил Сева. До сих пор он сидел какой-то безжизненный, равнодушный ко всему, что говорилось, как человек, который про себя решил все вопросы, а тут он вскочил...

— Малышев ни в чем не виноват! — заговорил он высоким, срывающимся голосом.— Это я во всем виноват, я его подговорил, а он согласился. Он меньше. И потом, мы жребий метали, но... Это из-за меня он... он медали лишился... Я прошу всю вину переложить на меня, будто я сломал мой станок, а не его... Я очень прошу! — И он умолк, задохнувшись, весь встрепанный, тонкий, дрожащий от возбуждения.

— Слыхали уже эту песню! — отмахнулся Тимошенко.

Положив подбородок на рукоятку своей палки, Сергей Степанович смотрел на Севу внимательно, но не строго, и Косте даже показалось, что в его серых глазах появилась сначала удивленная, а потом добрая усмешка. Но вот парторг перевел взгляд на Костю и посмотрел пристально, требовательно.

— Ты, Малышев, слышал, что сказал твой товарищ? — спросил он.— Булкин хочет принять на себя всю вину. Ты этому рад? Ты согласен — так, что ли? Сказывай толком! — закончил он по-уральски.

Косте стало обидно. Только что Сергей Степанович назвал его самостоятельным человеком, а тут вдруг Сева повернул дело, как с ребенком, и Сергей Степанович будто согласен с ним. Но в душе Костя понял, что это не так.

— Станок-то мой! — проговорил он сердито.— Не маленького нашел. Я сломал, я и в ответе! — И он отвернулся от всех и прежде всего — от Севы.

— Малец-то все же самостоятельный! — отметил директор.

— Да, по своей вине награду потерял, своим трудом и вернет,— сказал Сергей Степанович.— Сядь, Булкин.

Твое предложение не принято. Каждый отвечает за свой проступок, и это правильно, без этого не добьешься чувства ответственности решительно от всех работников. Понял?

Опустившись на стул, будто подкосились ноги, Сева поник, пришибленный, с красными пятнами на щеках. Костя посмотрел на него, на ошеломленного Кольку, который слушал, приоткрыв свой ротик, и тоже сел. Он и слышал и не слышал, как директор распекал Севу и Кольку, как объявил всем троим строгий выговор. Наконец мальчикам разрешили уйти.

— Малышок, задержись немного в цехе, а потом зайди ко мне в лабораторию,— сказала Нина Павловна.

Разговор старших у директора затянулся. Говорили о том, что нужно учить, воспитывать ребят, которые пришли на завод, минуя ремесленные училища, надо учить молодых патриотов, которые ненавидят фашистов так горячо, хотят сделать больше, чем позволяет умение, а вот по-глупому портят оборудование.

— Правда,— сказал Бабин.— Техминимум нужен, курсы, школы стахановские... Моих галчат подучи, так они у черта голову оторвут и себе приставят. Ох, галчата, галчата!

— А Малышев — паренек честный,— отметил парт-орг.— И этот Булкин не так уж плох. Способен на благородный поступок. Но все-таки нельзя оставлять Малышева под его влиянием... Вы, Нина Павловна, говорите, что знаете этих мальчиков. Давайте поговорим о них.

Они сели в сторонке и разговорились,

„Сделай так!“

Нина Павловна, работавшая за столом, оторвалась от книги и подняла голову.

— Хорошо, что пришел. Присаживайся,— сказала

она Косте.— Надо побеседовать. Знаешь о чем? Как ты будешь жить дальше.

Костя насупился и постарался оживить в сердце обиду.

— Чего говорить... Заплачу за ремонт станка, да и уйду...

— Брось,— спокойно ответила Нина Павловна.— Прекрасно понимаешь, что никуда не уйдешь. С какой стати? У тебя хорошие перспективы — стать квалифицированным токарем, получить правительственную награду.— Она помолчала.— Сергей Степаныч просил меня сказать тебе вот что...

Он сразу почувствовал, что теперь, когда Нина Павловна передает ему слова Сергея Степановича, нельзя дурить и упираться. Он стал уважать парторга с первой же встречи, а после разговора у директора уважение еще возросло.

Нина Павловна заговорила медленно, будто припоминала сказанное парторгом, и глаза на ее похудевшем лице светились, настойчивые и строгие:

— Вот что, Малышок: прежде всего тебе нужно освободиться от влияния Севы. Он неплохой человек, он способен на благородный поступок, но до сих пор не понял своего святого долга — работать упорно, отдавать все силы фронту. Пока он этого не понял, ты должен опасаться его влияния, не идти у него на поводу. Он тебя до того доведет...

— Не маленького нашел! — живо возразил Костя, задетый за живое.

— Хорошо,— кивнула головой Нина Павловна.— Если ты не маленький, то, может быть, ты знаешь, как по-настоящему приохотить Севу к делу?

Этого Костя не знал.

— Как сделать, чтобы у вас за колоннами ребята сдружились и надежно взяли Севу под свое влияние?

Этого он тоже не знал, да и было ли это возможно?

— Если бы ваша четверка сдружилась, как дружит весь советский народ, все было бы лучше, чем теперь. Вы с Севой переняли бы правильный опыт девочек, вы не испортили бы станок. Может быть, и Катя стала бы не такой поперечной. Скажи, положи руку на сердце, могло бы так быть?

— Ясно,— признал Костя.

— Вот и сделай так! — с неожиданной силой произнесла Нина Павловна.— Сделай, чтобы за колоннами вместо глупой детской вражды была хорошая дружба. Сергей Степанович уверен, что ты мог бы добиться этого, потому что ты крепче, устойчивее твоих товарищей. Слышишь? Он надеется на тебя. Сделай так, и ты увидишь, насколько лучше станет жизнь, как успешно пойдет работа.

В дверях появился старший калильщик Дикерман.

— Товарищ инженер, третий цех выдал свежую партию сырых «рюмок»! — доложил он весело.— Будем мы сегодня работать или нет?

— Будем, конечно будем! — И Нина Павловна на прощание сказала:— Малышок, подумай о том, что тебе говорили... Нужно серьезно думать, Малышок!

Он остался один на один с трудными задачами. Все переплелось, спуталось. По-настоящему было ясно лишь одно: он не имел права бросить завод. Мало того, что завод поддержал его в тяжелую минуту, дал жилье и хлеб,— Костю еще научили резать сталь, сделали полезным для фронта. Как же он мог оставить производство, свой любимый станок?.. Но от него еще требовали, чтобы он приохотил Севу к работе, установил за колоннами мир. Почему? Разве это его касалось? Разве он отвечает за Севу и Катю? Как будто не отвечает, но, если бы Сергей Степанович сказал ему: «Откажись открыто от этой

задачи», он не смог бы отказаться. Уже давно он понял, что за колоннами плохо, неладно.

По дороге домой он думал, думал... Мыслей было много, мысли так и мелькали, а решений, кажется, не было.

Важное решение

Окно боковушки светилось.

— У нас Колька Глухих, — сказал Сева, открывший дверь Косте.

На топчане сидел Колька и курил. Делал он это для важности и морщился, шурился от горького, едкого дыма, глаза его слезились. Не торопясь Костя разделся, снял валенки и сел, поджав ноги по-вогульски. Колька заерзал, бросил на Севу быстрый взгляд и начал переговоры:

— Малышок, мне сказал Сева, что ты решил идти в тайгу. Держишь слово?

Наступил ответственный момент.

— Решил было, да вот передумал,— медленно ответил Костя, глядя поверх головы Кольки, будто вычитывал решение с бревенчатой стены боковушки.— Слышал, чай, что мне директор да Сергей Степанович велели? Никак нельзя мне уходить.

— Вот так здорово!— вскинулся Колька.— Ты же слово дал нас к маньси повести. А теперь отказываешься?.. Слышишь, Севка? Он отказывается!.. Знаешь, что за это среди честных людей полагается?.. Скажи ему, Севка!

Сева, сидевший на краешке топчана, равнодушный, будто посторонний, нетерпеливо пожал плечами.

— Мы ведь тоже не сделали со станком того, что обещали.— Он усмехнулся: — Где полторы нормы... Николай-чудотворец?..

— Все равно это безобразие! — волновался Колька.— Он не имеет права! За это надо его так проучить...

— Ты не грозись,— усмехнулся Костя.— Не испугались такого.— Он помолчал и высказал совершенно удивительную мысль, может быть, неожиданную для него самого:— В тайгу не пойду. А коли вам охота, я вас не держу. Головы ваши, ноги не мои. Тамгу дам и письмо к дружку-товарищу напишу. Пускай вас проводит. У меня в Румянцевке дружок верный. Панфил Колыш, дяди Колыша паренек. Что скажу, то сделает.

Колька беспомощно смотрел на Севу.

— Можно и так,— сказал тот неохотно.— Если этот Колыш человек верный, то, в конце концов, все равно...— И снова погрузился в свое раздумье, точно к чему-то прислушивался.

— Тамгу дам и письмо к Панфилу Колышу напишу,— продолжал Костя.— Пока собираться будете, я вам голова, а потом Панфил головой будет. Он парень стоящий, надежный... Вот. Собирайтесь в тайгу, а я посмотрю, чтобы все ладно было.

— В чем дело? Если ты ручаешься за этого Колыша, то...— И Колька сразу перескочил к вопросу, который интересовал его больше всего: — Говори, что нужно для похода?

Теперь Костя почувствовал себя твердо: он знал, как в родных местах люди сговариваются для похода в тайгу, как вожаки учат младших артельной спайке.

— Первое дело — друг за дружку держись,— сказал он.— Если у тебя брат меньшей да брат старшой, а артельный голова — твой отец родимый, солнышко красное. Что солнышко — то и ты. Солнышко спать — и ты лег; солнышко гулять — и ты скок. Артель — сто голов,

один ум, а сто умов стало — артель пропала. Ну, и снаряжение нужно. Это своим порядком.

У меня папино ружье есть,— вставил Колька.— Складное ружье, двустволка центрального боя. Можно в мешок спрятать, и никто не заметит. Пороха и дробы достанем. Сами набьем патроны...

Началось обсуждение — что нужно для похода в тайгу. Эта тема совершенно захватила Кольку, но его компаньон не принял никакого участия в совещании, так что Колька даже возмутился:

— Разве тебя это не касается? Почему я должен обо всем думать и заботиться!

— Подумаешь, заботы!— процедил сквозь зубы Сева.

Наконец встал самый важный вопрос — срок выхода экспедиции.

— Знаешь, Малышок, мне кажется, что не нужно ждать осенних туманов, можно раньше выступить,— сказал Колька, подмигнув Севе.— Конечно, попасть в синий туман интересно, но ведь нам важно что? Нам важно, чтобы у нас был друг маньси, который хорошо знает золотоносные места. Понимаешь? Мы попросим Бахтиярова, чтобы он за тамгу показал нам хорошее место. Пускай оно будет не такое богатое, как Святое озеро...— И Колька снова чуть-чуть подмигнул Севе.— Но лучше взять золота хоть меньше, да быстрее. Ведь война не ждет, Малышок... Ты не думай, что мы не верим в синий туман, но...— Он спутался и замолчал.

— Что ж, ваше дело,— согласился Костя.— Бахтияров, конечно, всякие места знает...

— Все-таки расскажи про синий туман,— попросил Колька.— Я очень люблю такое...

— Сказывал я уж... Ну, слушайте.

В стены боковушки вошел мир, полный чудес. Участники похода очутились на вершине высокой горы, возле

шалаша из оленьих шкур. Наступила минута, которая не повторится никогда.

Темно-зеленая неподвижная тайга лежала внизу без конца и края. Тени облаков скользили по вершинам сосен и кедров, как взмахи легких крыльев, и исчезали в тишине.

Откинулась пола шалаша, и вышел Бахтиаров — старый, морщинистый, темнолицый, в казакине, расшитом тусклым, потемневшим галуном, с волосами, заплетенными в тугую косичку.

Он остановился над обрывом, заслонил глаза рукой от солнца и стал смотреть. Обладатели тамги ждали его слова.

Все туманнее и мягче становился парной, неподвижный воздух, все бледнее небо. И вот в темно-зеленом таежном покрове земли обозначилась узкая, извилистая, синяя-синяя трещинка. Она была очень узкая... нет, немного шире... нет, очень широкая. Такие трещины прошли по всей тайге, разделив ее на острова и островки.

Это над лесными речушками поднимался синий туман, овладевал долинами и логами, молчаливо наступал на гору. Не стало ничего, кроме светлого неба, да бледного солнца, да синего-синего моря, подступавшего все ближе к вершине горы.

Бахтиаров обернулся к трем смельчакам, глухо проговорил:

— Айда!

Трое двинулись за ним. Теплая мгла охватила их, скрыв солнце, а впереди смутно, призрачно маячила фигура проводника.

Путешествие к Святому озеру началось, но переживали его в своем воображении лишь Костя и Колька, а Сева машинально перелистывал какую-то растрепанную книжку.

Поздно ушел Колька Глухих домой. Закрыв за ним дверь, Сева вернулся в боковушку, опустился на топчан возле столика.

— Ты ровно занедужил,— сказал Костя, готовясь забраться под одеяло.— Сам не свой...

— Нет,— шепнул Сева,— это просто так.— И через силу, будто делал опасный шаг, продолжал: — Я тебе сейчас скажу такую вещь, что ты... меня убьешь. Но я должен сказать...

— А может, и не убью. Зачем тебя убивать, ты не зверь,— пошутил Костя.

— Я перед тобой подлец,— так же трудно проговорил Сева.— Это из-за меня ты лишился медали...

Напоминание было тяжелым, Костя омрачился.

— Ты за старое не берись,— сказал он.— Я потерял, я и обратно заработаю. Слышал, что Сергей Степанович сказал? Не маленькие тут, не твоя печаль.

— Нет, моя!..

Он сорвался с места, полез в карман своего ватника, висевшего у двери, что-то достал и протянул Косте на ладони. Это был тупой гвоздик. Тот самый гвоздик, который остался в кулаке Севы после того, как Костя вытащил свой жребий. Сева с досады забросил тупой гвоздик — почему же гвоздик снова очутился у него? Зачем Сева его показывает? Сначала Костя ничего не сообразил, а потом сразу сообразил и похолодел: Сева смошенничал, Сева перед жеребьевкой подменил тупой гвоздик острым, у него в кулаке было два острых гвоздика. Костя переналадил свой станок по фальшивому жребию.

— Ты... ты зачем так сделал? Так нахально? — спросил он, еле ворочая языком.— Злодей ты, проклятый ты человек! — крикнул он с отчаянием.

— Я был уверен... я был уверен, что мы переналадим станок правильно,— тусклым голосом ответил Сева.— Я не хотел тебя подводить. Я только хотел, чтобы ты свои полторы нормы выполнил, от обязательства освободился, чтобы тебе некуда было податься от синего тумана. А когда ты медали лишился, я почувствовал... Медаль ни за какое золото не купишь! — Глядя на Костю темными, неестественно большими глазами, он сказал облегченно и в то же время с болью: — Теперь все знаешь. Хочешь — убей, хочешь — на мороз выбрось. Как хочешь...

С гудящей головой, разбитый, Костя лег и отвернулся к стене. Сева остался сидеть у столика.

— Ложись... Свет потуши,— сказал Костя.

Свет в боковушке погас, но Сева не лег спать, и сон не пришел. В голове Кости металась самая разнообразная мысли: тяжело, очень тяжело было то, что он глупо доверился Севе, а тот обманул, надул его, как маленького, сделал станколомом, подвел под строгий выговор в приказе, который завтра будет вывешен в цехе на черном щитке возле доски показателей. И в то же время почему-то стало особенно жаль Севу, стало жаль этого мальчика, который пережил так много и теперь все метался, все тревожился.

— Не могу, не могу я на заводе! — вдруг выкрикнул Сева, сделал резкое движение, и что-то скрипнуло, порвалось — как видно, он рванул на себе рубашку.— Я не могу так больше! Принес бы золото, всем бы доказал, что могу много сделать...— Помолчав, он с горькой усмешкой кончил: — Теперь ты, конечно, тамги не дашь.

Костя сказал медленно, будто искал что-то в темноте:

— А я от своего слова не отказ... Делай как знаешь... Тебе на заводе скучно, а мне ничего. Я останусь... Толь-

ко пока я тебе тамгу не дам, ты будь мне друг-товарищ... понятно? А то нет у меня друга-товарища. Только Миша один...

— Малышок, разве я когда-нибудь от этого отказывался!— воскликнул Сева даже как-то испуганно.

— Что я, то и ты,— проговорил Костя, додумывая свою мысль.

— Честно, что ты, то и я!..

Не зажигая света, Сева стал раздеваться и делал это так осторожно, точно боялся неловким движением нарушить решение Кости.

— Малышок, ты великодушный человек,— сказал он тихо.— Я тебя не раз обижал, а ты не мстил... Ты меня даже защищал... Помнишь? И сегодня ты опять поступил великодушно... Я не хочу быть перед тобой низким подлецом, Малышок!

— Ладно, спи знай,— ответил смущенный Костя.

ГЛАВА
ЧЕТВЕРТАЯ

Десном

За колоннами еще никого не было, когда Герасим Иванович привел сюда Костю.

— Вот... Ты, Малышев, сломал, напакостил, а мы наладили,— отрывисто проговорил он, указав на «Буш».— Работай да помни, что тебе вчера приказали. Плохо работать будешь — в бригаду чистоты переведем, заводскую территорию со старушками убирать. Хорошо работать будешь — старое поминать не станем... Что скажешь?

Что мог ответить Костя?

«Заготовки пойду таскать»,— решил он.

Помолчав, мастер уже не так строго проговорил:

— Не дружно вы здесь живете, чужаком друг другу. При таком положении вы все станки переломаете, а не то что... Хоть разгоняй вас по разным углам. А это жаль... Квалификация у вас хоть маленькая, а уже имеется. Вот Нина Павловна вчера разговор с парторгом имела, будто ты паренек с понятием. А ничего ты, в общем, не смыслишь, как я посмотрю. У Галкиной в чем душа держится — заготовки тащит, чуть не падает. Так нет у тебя соображения помочь. Девочки ведь — не мужики.

— Помогу...— пообещал Костя.

— Делай, ладно будет,— одобрил мастер.

Как только Сева показался за колоннами, Костя приказал:

— Давай заготовки таскать!

Тайком Сева взглянул на Костю — тот был спокоен, как всегда, разве что немного серьезнее.

Заготовки нужно было возить со двора, с мороза, и ребята не любили этого занятия. Молча мальчики сделали два рейса с тележкой и сложили подернутые инеем заготовки у своих станков.

— Пошли! — И Костя взялся за тележку.

— Зачем? — удивился Сева.— Мне на два дня хватит.

— Что говорят! — прикрикнул Костя.

И Сева подчинился, чтобы быть с ним заодно, но, увидев, что товарищ складывает заготовки возле станка Галкиной, остолбенел.

— Еще что! Очень нужно! Что я им, подсобник, что ли? — зашумел он.

— Пакость строить можешь, а как доброе что, так тебя нет,— сказал Костя, глядя ему в глаза.— У Галкиной в чем душа держится, через силу работает, а ты...

Сева опустил взгляд, взялся за тележку и потащил ее к цеховым воротам. Когда они вернулись, их встретили две пары изумленных глаз: пара синих и пара черных и блестящих, как спелые вишни.

— Ты, Катерина, рабочие рукавицы Севолоду отдай,— деловито распорядился Костя.— Свои он невесть как разодрал. А тебе рукавицы не снадобятся. А коли что, у Ленушки возьмешь.

Это было официальным заявлением, что девочки освобождаются от возни с заготовками.

— Ничего не понимаю,— сказала Катя.

— И не понимай... Думаешь, сами мы? Мастер приказал, а то в чем у тебя душа держится,— объяснил Костя и пошел к станку.

— Все-таки мерси,— поблагодарила Леночка.

Начался день. Внешне все обстояло по-старому: пыхтел у станка Костя, шушукалась с подругой Леночка, равнодушно работал Сева. Но все же день был особый. Отправляясь сдавать резцы в заправку, Катя, как бы между прочим, предложила:

— Малышок, тебе нужно резцы заправлять?

Он вручил ей один резец, а из шкафчика Севы вытащил два, на редкость тупых.

— Не трогай, сам отнесу! — бросился к нему Сева.— Подумаешь!

— Работай! — осадил товарища Костя.— Только и глядишь — с места сбежать!

Да что же это такое, в самом деле! Сева хотел взорваться, но встретился со взглядом Кости и снова сдался. Обедать Костя пошел один через второй цех, чтобы не встречаться со знакомыми ребятами. Вернувшись за колонны, он увидел, что возле Севы вертится Колька.

— Малышок, я ножи заказываю Гришке Панову из инструментального цеха,— сообщил он шепотом.— Рукоятки из черного эбонита, и на рукоятке девиз: «Вперед!» Чехлы из брезента сами сделаем...

Костя промолчал.

— Кстати, ребята в цехе говорят, что вы с Севкой для девчат заготовки таскаете, как подсобники. Охота вам унижаться! — не дождавшись ответа, заметил Колька.

— Это дело не твое,— осадил его Костя.— Мы не унижаемся, а социалистическую помощь оказываем.— Он распорядился: — Завтра до смены и ты приходи помощь оказывать.

Такого явного вызова Колька не ждал. Он растерялся, уставился на Костю, потом бросил взгляд на Севу, ища поддержки и защиты, но Сева сделал вид, что ничего не слышит.

— Ты что, что? — забормотал Колька, нелепо улыбаясь и топчась на месте.— Ты это серьезно? Смешно, ей-богу! Почему я должен для чужих да еще в чужом цехе заготовки таскать?

— Испугался друзьям-товарищам помочь! — отметил Костя.— Слабосильная ты команда, вот что! Куда тебе в тайгу... Не пушу я тебя!

Что правда, то правда — Колька был весь какой-то несущественный. Светлые волосики венчиком выбивались из-под шапчонки, руки были тонкие, движения торопливые: легковесный человек.

— Я тебе не согласен подчиняться!— заявил он с отчаянием, стараясь выдать это отчаяние за гордость.— Севка, удивляюсь тебе, честное слово!

Костя знал, что теперь нельзя допускать послаблений, и молча занялся работой.

— Ну-ну, здорово!..— протянул Колька.— В конце концов, если ты так ставишь вопрос, то не надо и тайги. Подсобником я становиться не согласен из принципа!

Но его голос прозвучал так жалко, так неуверенно, что Сева усмехнулся: ничего, если он может таскать заготовки для девчонок, то и Глухих — не барин.

И Колька понял, что ему придется отложить свой принцип.

— Алло, Малышок-корешок!

Костя не поверил себе — на него смотрел Миша Полянчук, неожиданно появившийся между колоннами.

Искушение

Это был Миша Полянчук, такой же, как всегда, с веселыми глазами, с носом, немного расщепленным на конце, в шапке-ушанке, молодцевато сидевшей на голове — ухо направо, ухо налево.

— Малышок, жив-здоров? Сейчас я в отдел капитального строительства зайду, а потом посмотрю длинный цех и канаву. После смены поболтаем о твоих делах, друг сердечный.

Не помнил Костя, как он сдал готовые «трубы» старенькой учетчице тете Паше, как убрал у станка. Ему было тревожно, неловко: он догадывался, что Миша знает о его беде.

Когда он освободился, когда все ушли и за колоннами стало тихо, явился Миша.

— Присядем рядком да потолкуем ладком,— сказал он, усадил Костю на стеллаж и обнял его за плечи.— Станок, значит, сломал? — спросил он так просто, что у Кости отлегло от сердца.

— А ты почему знаешь?

— Сегодня утром Зиночка по телефону сказала. А тут как раз начальник филиала меня на завод кое за чем послал. Здорово тебя прорабатывали?

— Как след,— ответил Костя отвернувшись.

— За дело?

— Ясно, за дело,— признал Костя.— Станки ломать — непорядок...

— Вот это я люблю! — одобрил Миша, обнял его еще крепче и поучительно добавил:— Сознательность важнее всего.— Он помолчал и приступил к вопросу, который особенно занимал его:— А к нам ты не надумал, Малышок? У нас дела пошли боевые. Снайперов молотка стало много, и Петрусь Зозуля — самый лучший. Упаковка чуть совсем не запоролась. Мы ей людей послали. Мингарей опять снег ел, а помощь все-таки принял, потому что главное — это интерес фронта... Начальник филиала говорит, что если ты согласен перебраться на филиал, то он лично устроит это дело.

Как это было заманчиво, как переворачивалось сердце у незадачливого токаря!

— Снабжение у нас улучшили, два новых общежития открыли для взрослых рабочих и одно — для молодых. Клуб еще, — продолжал искуситель. — Кино часто бывает... Сколько хочешь сеансов смотри... Вчера конфеты выдавали сверх нормы, вот попробуй. — И он сунул Косте большую конфету без обертки. — Она не то что шоколадная, но на шоколадную нечаянно посмотрела... Так что же я услышу, корешок?

Зажмурить глаза, тряхнуть головой, сказать «да», будто в воду прыгнуть, — и конец всем волнениям, впереди счастье, жизнь возле Миши, которого он полюбил, как брата...

— Директор велел за ремонт станка три месяца платить, — глядя прямо перед собой, проговорил Костя. — Обязательство выполнить. Слышь? К медали меня представляли, а теперь не дадут. — Тут лицо великого деспота сморщилось, он протянул Мише конфету в знак того, что отвергает все соблазны, и закончил: — Не рука с завода уходить. Ребята болтать станут... что меня из токарей выгнали...

— Правильно, Малышок! — со вздохом признал Миша, обняв его еще крепче. — Я об этом тоже думал... Знаешь, я, между прочим, немного боялся, что ты сразу согласишься, уцепишься за меня... А согласишься — значит, ты не совсем такой, каким сначала показался. А ты правильно! Попал в тяжелое положение — не уходи, пока не выправишь. Ну, а киснешь зачем? Вот уже ямка на щеке, полная слез. Это не по-геройски. Ешь конфету. Сладкое от слез помогает. А это домой возьми. — И он положил в карман Костиного ватника несколько конфет.

Когда Костя немного успокоился, Миша стал прощаться:

— Теперь я к вам буду чаще наведываться как комсорг всего филиала. Мы в оба следим, как у вас подвигается монтаж новой сборки. Нам уже некуда тару де-

вать. В нашем цехе сейчас инженер Балакин работает, рационализаторские предложения собирает. Такой чудак, веселый, а поет, будто колесо скрипит. Парторг у нас чуть не каждый день бывает. Деловой!.. Ну, кажется, ты успокоился. В общем, Малышок, я уезжаю спокойно. Прошу тебя, в другой раз не ломай станки. Давай руку!

Ушел, ушел друг-товарищ, и Костю охватила самая тоскливая тоска. Он отказался от предложения Миши, потому что должен был так сделать, но ведь он от счастья отказался, и теперь уже нельзя было взять слово назад. Гордость не позволила бы ему сделать это, пока он не выполнит все условия, поставленные директором, чтобы никто не смел говорить, что он сбежал от трудного дела, как последний трус.

Серый пакет

В те дни мороз стоял такой крепкий, что даже Шагистый не вытерпел и перебрался из своей снежной берлоги в сенцы. Костя вспомнил, что не припас корочки, достал конфету, поколебался и отломил кусочек для своего любимца. Не сообразив, в чем дело, Шагистый сразу проглотил подачку и только тут понял, что совершил большую ошибку, так как не успел распробовать что-то чрезвычайно вкусное. Он вильнул хвостом и вопросительно посмотрел на Костю: «Интересно, что это было?»

— Тебя хоть чем корми, ты, дурной, не понимаешь, — упрекнул его Костя.

В боковушке, сидя с ногами на топчане, Сева тянул чай из эмалированной кружки и читал газету, лежащую у него на коленях. Зимой он пристрастился к чаю и газетам, достал где-то помятый голубой эмалированный кофейник, брал кипяток на кухне и пил до тех пор, пока в животе не начинало булькать.

Теперь он пил чай по-особому — отхлебнет, сладко-сладко зажмурится, вытянет губы, нежно свистнет: «Фью!» — снова отхлебнет и снова свистнет.

— Ты чего кикимору строишь?— спросил Костя.

— Чай со свистом вприкуску пью,— объявил Сева.— Сам изобрел... Фью!

— Сахар-то по карточке получил? Неужто все съел?

— А в поход что возьму? — напомнил Сева.— Я половину сахарного пайка в неприкосновенный мешочек пересыпал. Хочешь чаю со свистом? Мне не жалко.

— Пей с конфетой,— сказал Костя и положил конфету на стол.— Думаешь, мне жалко?

Севу обрадовало, что Костя начинает с ним дружить.

— Хорошая конфета, третий высший сорт с перцем,— похвалил он, расправившись с конфетой молниеносно.— А скажи, неужели правда, что рысь даже на людей кидается? Ведь это небольшое животное...

— Бывает небольшая, а бывает ничего... На мужика, может, и не кинется, а на дитё вот кинулась.

Прихлебывая чай, он стал рассказывать Севе о повадках рыси, но стукнула входная дверь, весело заскакал Шагистый, послышался голосок: «Перестань, глупый, повалишь!» — и Катя постучала в дверь:

— Малышок, я для тебя письмо из нашего ящика вынула!

Письмо?.. В сенцах Костя получил из рук Кати серый пакет, заклеенный хлебным мякишем, с косолапо написанным адресом, и растерялся, так как получил письмо впервые в жизни.

— Я думала, это мне письмо, а это тебе,— разочарованно сказала Катя.

— С фронта, поди? — спросил он.

— Вот смешной! Разве фронтовые письма бывают с марками?.. Что ты его вертишь? Распечатай! Фу, какой ты! Дай сюда!..

Она надорвала конверт и вынула лист шершавой бумаги, а из этого листа выпал маленький листочек и медленно опустился на пол. Катя подхватила его, развернула и взялась за сердце.

— Ох, Костя, знаешь, это...— прошептала она.

Костя смотрел на листочек, боясь принять его,— и все-таки принял, посмотрел и прочитал. Там было написано, что сержант Дмитрий Григорьевич Малышев пал смертью храбрых в боях с фашистскими захватчиками. И Костя все понял, но будто он в эту минуту был где-то очень далеко, и то, что он понял, поэтому казалось каким-то смутным, неправильным. Он стоял неподвижный, испуганно глядя на бумажку.

— Пойдем! — шепнула Катя, взяла его за руку и провела в гостиную.

За ними пробрался Шагистый и понюхал медвежью шкуру, которую он знал еще тогда, когда эта шкура была живой, страшно рычала и отбивалась от него лапами с острыми, кривыми когтями. В память об этих когтях Шагистый не сел на шкуру, а устроился прямо на полу, положив морду между лапами и переводя взгляд с одного на другого. У хозяев что-то случилось: сидя на медвежьей шкуре, они молчали, но они думали очень грустное, и Шагистый это чувствовал.

— А ты? Тоже такое получила? — спросил Костя.

— Нет... я такого... не получила,— едва слышно ответила Катя, и ее глаза стали неподвижными и прозрачными, как стеклянные.— Если я такое получу, я... непременно умру...

Шагистому захотелось поскулить. Он подошел к Кате и чуть-чуть лизнул ее в щеку. Щека была мокрая, соленая. Катя не рассердилась, только слабо отмахнулась. Стараясь не наступать на медвежью шкуру, Шагистый потянулся к Косте, ткнулся носом в его плечо и снова лег.

— Шагистый нас пожалел,— сказала Катя — Хочешь, я прочитаю письмо?..

Писал румянцевский сосед под диктовку Павлины Леонтьевны Колобурдиной. Отвечая Косте, старушка сообщила, что ей передали из военкомата похоронную о Митрий. «Погиб наш сокол ясный, погубил его фашист проклятый»,— писала Павлина Леонтьевна, а дальше было несколько поклонов от знакомых.

— Если я тоже получу такое, я непременно умру,— повторила Катя.

Горе сжало сердце Кости. Он как-то вдруг снова понял, что Митрия нет на свете. Он встал, ушел, сел в сенцах возле кадки с водой и обнял за шею Шагистого, который последовал за ним. Так он сидел, поджав ноги по-вогульски, и смотрел в темноту широко открытыми глазами.

...Митрий, Митрий, как же это так, большой брат Митрий! Как же смог убить тебя фашист? Ведь ты медведя убил... Ты белку бил малой пулькой в ее быстрый глазок, чтобы не портить шкурку. Ты за сохатым бежал быстрее ветра, и зверь не мог уйти... Как же это убил тебя фашист?! Ты бы не поддался ему, Митрий! Ты бы ударил его насмерть длинным ножом и руками придушил бы его, а коли что, так и зубами бы грыз его, проклятого...

Да нет, никто не поверит ни в Румянцевке, ни в городе Ивделе, ни в вогульских юртах, что большой Митрий, веселый Митрий пал наземь. Не верит этому и Костя и не поверит никогда. А то, что он молча плачет, обхватив шею Шагистого и прижавшись к нему головой, так это просто потому, что о Митрий написали такую страшную бумажку, это потому, что болит его сердце, а он не волен теперь над своим сердцем.

Потом его глаза наполнил жгучий невидимый огонь. Он глядел, глядел в темноту, и ему казалось, что там стоит кто-то черный, злобный и ненавистный — такой не-

навистный, что сердце стало тяжелым, как свинец. Он знал, кто это! Это был тот, кто раздавил танком дом Севы, кто осиротил его товарищей из молодежного цеха, кто убил Митрия, кто принес столько горя в богатую и счастливую страну. До сих пор он был далеко, а теперь стоял в двух шагах, совсем близко, и насмешливо щерился.

— Постой, постой! — едва слышно произнес Костя. — Постой, будет тебе! — повторил он, до боли сжав кулаки.

Тишина

Бывает так, что после бури ветер сложит крылья, тучи останутся на небе и наступит тишина. Тяжелая тишина охватила Костю. Дни потянулись медленные, сумрачные. Он пораньше уходил на завод, привозил заготовки, работал, не отлучаясь от станка, делал все больше и больше, следил, чтобы Сева не раскисал, не лодырничал, но, сколько бы он ни сделал, радости не было, и кончалось все усталостью без мыслей и желаний. Обедал он как-то неохотно, забывал поужинать — не хотелось есть.

В цехе все знали, что погиб его брат-фронтовик, и, не высказывая этого, жалели Малышка.

Раньше парторг Сергей Степанович при встречах с Костей в шутку спрашивал, не жалеет ли он, что променял звание первого снайпера молотка на станок, а теперь смотрел внимательно, будто хотел без слов понять, о чем он думает, и в его серых глазах светилось сочувствие.

Парторг нередко бывал в молодежном цехе. Обычно его сопровождала Зиночка Соловьева, но однажды он пришел за колонны без Зиночки и, опершись на свою палочку, долго смотрел, как работает Костя.

— Ну, молодец, парень! — сказал он вполголоса. — Видел я сегодня на доске показателей... Норму ты вы-

полняешь, и твой товарищ подтянулся. Это хорошо! Значит, напрасно я за тебя боялся. Крепко стоишь...

Костя склонился к станку, в носу у него защипало.

— Вот какие наши люди! — проговорил Сергей Степанович, точно беседовал с собой.— Лишился ты единственного брата. Большое это горе... Другой, может быть руки опустил бы, а ты все лучше работаешь. Понимаешь, это значит, что твой труд — это борьба, что ты врагу мстишь и за брата и за все!

— Понимаю,— шепнул Костя непослушными, дрожащими губами.— Я, может, еще больше сделаю.

— Уже немало фашистов от твоей честной руки в землю легло и еще больше ляжет!..— Сергей Степанович помолчал, глядя на Костю все так же внимательно, и добавил: — Одно мне в тебе не нравится, Малышев: похудел ты, осунулся. Ты себе этого не позволяй, следи за собой. Ослабеешь — врагу легче будет. Я скажу, чтобы тебе дали дополнительное питание.

— Не надо... Обойдусь... Как все, так и я...

Тут случилось то, что очень удивило ребят: парторг своей подогнутой, искалеченной рукой обхватил Костю, привлек к себе, заглянул ему в глаза, ничего не сказал и ушел, ступая быстрее, чем обычно. Забившись за инструментальный шкафчик, Костя просидел там до тех пор, пока ребята не убежали обедать.

На заводе стал чаще бывать Миша. Иногда Костя шел с ним посмотреть, как подвигается копка канавы от нового сборочного цеха к речке. Продрогнув на канаве, они забирались в термический цех, за печи, и Миша рассказывал о теплой стране Украине или тихонько пел украинские песни, которые очень нравились Косте, потому что были печальные.

Подготовка к походу в тайгу тем временем продолжалась, но вел ее главным образом Колька и возмущался, что Сева не проявляет никакой инициативы. Зато у

Кольки инициативы было сколько угодно. Например, он купил в магазине «Охотник» два светящихся карманных компаса и, проверяя их, ходил на работу по одному компасу, а с работы — по другому. Он также достал геологическую карту Урала, какие-то научные книги и, захлебываясь, толковал о горах Тум, Мартай, Попова сопка, так как был уверен, что Бахтиаров поведет их именно на эти горы. Однажды он сказал, что решил привести Севу к кровавой клятве.

— Не делают у нас так по-дурному! — высмеял его Костя.

Чем глупее были выдумки Кольки, чем больше суетился, увлекался этот паренек, тем насмешливее улыбался Костя, а после разговора с парторгом вся затея вдруг представилась ему детской игрой, и ему было странно, что Сева продолжает в ней участвовать, хотя и без прежнего пыла. Но к чему Костя относился ревностно, так это к соблюдению полной тайны. Он приказал компаньонам прекратить на заводе всякие разговоры о подготовке экспедиции. Колька охотно согласился с ним, назвал соблюдение тайны конспирацией и предложил всем посвященным при случайных встречах на заводе подмигивать друг другу левым глазом. Костя отнесся к этому как к очередной глупости и нарочно забывал подмигивать. Сева последовал его примеру, так что Колька подмигивал один.

Итак, соблюдалась полная тайна-конспирация. Тем большей неожиданностью явился для Кости один разговор с Ниной Павловной.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Крах

конспирации

Однажды Нина Павловна и Костя вместе шли на работу в утренних сумерках. Мороз оборвался, было тепло, и они не спешили.

— Не ладится дело, Малышок! — пожаловалась Нина Павловна. — Сколько уж у нас перебивало ученых сам профессор Колышев взял над нами шефство, а все семь с половиной, иногда восемь успешно закаленных «рюмок» из десяти. Главк пишет, что он согласен на пятнадцать — двадцать процентов брака «рюмок» по вине закалки. Но как жаль терять пятнадцать — двадцать деталей из каждой сотни! Надо, во что бы то ни стало надо добиться минимального брака!

Сверху они увидели костер. Его жгли землекопы.

Канавка приближалась к холму.

— Вот скоро дополнительную сборку пустим, деталей потребуется еще больше, — проговорила Нина Павловна. — Надо спешить с моей работой. А вы, ребята, подгоните «трубы». Завод снова получил повышенное задание. Начинаются самые горячие дни. — Она помолчала и с усмешкой заметила: — Знаешь, я готова разочаро-

ваться в тебе, Малышок. На первых порах ты кое-чего добился — заставил Севу помогать девочкам, атмосфера за колоннами стала лучше, но... Ты считаешь, что Сева работает хорошо?

— Ясно, лучше работает. Вчера уже норму дал.

— Мне кажется, что норма ничего не доказывает. Сева не увлекся работой по-настоящему, она не стала его главным интересом. Антонина Антоновна заметила странную вещь: Сева тайком сушит сухари и складывает в мешочек под топчаном. Сахар он тоже коптит...

Конспирация лопнула с треском. Растерявшийся Костя ждал продолжения.

— Мне кажется, что Сева хочет сбежать с завода, — подвела итог Нина Павловна. — Я, конечно, и мысли не допускаю, что ты с ним заодно. Ведь так?

— Так, — ответил Костя.

— Ты понимаешь, что это было бы черным предательством, которое никогда не простится, не забудется?

— Понимаю... Да и Севолод к работе привыкнет — не уйдет. Глупость это, больше ничего...

— Боюсь такой глупости! — сказала Нина Павловна. — Придется обратиться к Зиночке и Герасиму Ивановичу, если не удастся отговорить Севу. Это твой долг, потому что ты, по-видимому, знаешь о глупости, как ты называешь Севин замысел. Севе надо наконец понять, что мы должны помогать фронтовикам без задних мыслей, отдавая работе все силы, все думы. Поговоришь с Севой?

— Поговорю, — пообещал Костя, обрадованный, что Нина Павловна пока не дает делу хода.

— С Катей тоже нехорошо, — озабоченно проговорила Нина Павловна. — От нее только и осталось, что ее характер да глаза. И это нельзя объяснить лишь послед-

ствиями болезни. Конечно, она спрятала какое-то горе какое-то беспокойство и надорвалась. Нет ничего тяжелее такой ноши, если ее несут в одиночку. Малышок, посоветуй Кате обратиться к доктору! Убеди ее!

Так кончился этот неожиданный разговор.

Порванная газета

Костя легко себе представил, как может дальше пойти дело: Нина Павловна, чего доброго, скажет о приготовлениях Севы Зиночке Соловьевой, та при случае скажет Мише, а Миша вспомнит разговор о тамге, свяжет приготовления к побегу с именем Кости и обвинит его в том, что он неверный человек...

Взбудораженный, Костя бросился в красный уголок, где Сева перед работой обычно читал газеты и журналы.

Здесь Севы не было.

Заведующая красным уголком Анна Семеновна с возмущением о чем-то рассказывала Зиночке Соловьевой, потрясая газетой.

— Малышок, Малышок!— окликнула Зиночка.— Что творится с Севой? Сел читать газету, потом порвал ее, нагрубил Анне Семеновне... Что это за некультурность!

— Никогда больше не позволю ему брать газеты!— заявила тоненькая и строгая Анна Семеновна.— Если каждый начнет рвать газеты, что будут читать другие?

Костя нашел товарища в цехе, за колоннами. Сева сидел на стеллаже, маленький, съезжившийся, запустив пальцы в свои пышно отросшие пепельные волосы, а в сторонке растерянно топтался Колька.

— Ты зачем газету некультурно порвал? — спросил Костя.— Вот будет тебе от Зиночки!

— Не твое дело, хоть ты не лезь! — качнул головой Сева, поднялся и, как деревянный, потащил за собой тележку.

— Что с ним случилось? — спросил Колька. — Я ему говорю: «Нужно понемногу покупать дробь», а он ругается: «Пошел вон, ты мне надоел!» Вот так здорово!

Когда они присоединились к Севе, он уже кончал грузить заготовки; отрезки труб гремели, с силой брошенные на тележку.

— Стой! — приказал Костя. — Кто велел сухари сушить?

— Инициатива масс, — пошутил Колька. — А тебе жаль! Это он мой хлеб сушит.

— Не дам тамгу! — забушевал Костя. — Нина Павловна от бабушки прознала, что Севолод сухари западает. Понятно — сбежать надумал.

— Фунт! — поразился Колька. — Мы же условились, Севка, что ты будешь сухари конспиративно сушить, как только бабушка куда-нибудь уйдет.

— Она, наверное, по запаху догадалась, — безучастно сказал Сева.

— Конспирацию выдумали, головы дырявые! — продолжал бушевать Костя. — Велит Нина Павловна уговорить Севолода на заводе остаться, хорошо работать, кабысь он под моим влиянием. А то расскажет она Зиночке. Будет вам конспирация, не наморгаетесь!

— А ты скажи, что уговорил... — сразу нашелся Колька. — Ты, Севка, нажми на работу!

— Чего ты мной распоряжаешься! — крикнул Сева. — Что я тебе — раб? Да? Вы мне оба надоели! Кабысь-кабысь, без вашего влияния обойдусь! — И он яростно потащил тележку.

— Стой, жилу сорвешь! — сказал Костя и стал помогать.

После того как все станки получили полный запас заготовок, Костя спросил:

— Значит, тамга тебе ни к чему, коли меня слушать не хочешь? Вот и ладно.

— А ты и обрадовался,— насмешливо сказал Сева швырнув рукавицы в шкафчик.— Не радуйся. Не мне тебя слушать. Ты меня слушать будешь...— Он полез за чем-то в шкафчик, закрылся от Кости дверцей и вдруг проговорил незнакомым, будто очень далеким голосом: — Если бы ты знал, что они с Каменкой сделали... Они ее в зону пустыни превратили, гады проклятые! — Он помолчал, захлопнул шкафчик и поднялся с красными пятнами на щеках, но спокойный, будто натянутый.— Ну, чего смотришь? — прикрикнул он на Костю.— Я сейчас одну штуку пойду искать, а ты... поработай на двух станках!

Это было большое решение: Сева несколько раз отклонял предложение Кости работать на пару и делал это из принципа — не хотел, как он выражался, обезьянничать с Кати Галкиной. Теперь, к великой радости Кости, он вдруг отказался от этого глупого принципа.

Как только резец прошел половину заготовки на его станке, Костя пустил станок товарища. Девочки подошли посмотреть, что получается.

— Зачем ты бегаешь от станка к станку? Совершенно лишнее,— тотчас же стала советовать Катя.— С твоего места хорошо видно, что делается на Булкином станке. Зачем ты торопишься? Вот смешной!

Когда пришло время ставить новую заготовку, она предложила:

— Давай помогу, гога-магога!

— Не трожь! — отказался он и действительно успел все сделать, потому что заставил себя не торопиться, и оказалось, что времени достаточно.

В стены боковушки вошел мир, полный чудес.

К стр. 170

Установив заготовку, он, умышленно замедляя движение, направился к своему станку.

— Вэри вэл! — невольно признала Катя.

Леночка тоже одобрила:

— Ой, трэ бьен!

Костя уже знал, что это по-английски и по-французски значит «очень хорошо».

— Саво! — сказал он.

— Что такое? — удивилась Катя.

— Хорошо! Вогулы-маньси так говорят, — пояснил Костя. — Думаешь, мы не умеем по-непонятному?

Появился Сева. Он осторожно нес две баночки из-под консервов, наполненные водой и сплюсненные так, что на них получились носики. Одну он отдал Косте, сказал: «Вот, гляди!» — вылил немного воды на резец, и сталь в ответ благодарно зашипела.

— Охлаждать надо! — пояснил Сева. — Лучше будут резцы при обдирке стоять.

— Я, конечно, тоже об этом думала, — сказала Катя Леночке. — Надо непременно попросить баночки в столовой, там их много.

Все это в целом было удивительно. Сева впервые позаботился о станке, предложил правильное дело и этим не ограничился — собрал свои и Костины запасные резцы и сказал:

— Неси в заправку, я на двух станках работать стану.

Девочки во все глаза следили, как поведет себя Сева, который теперь был самым «слабым звеном» за колоннами. Не обращая на них внимания, он подошел к станку Кости и нажал кнопку «стоп».

— Зачем остановил? — встревожился Костя.

— Нужно, чтобы один станок опережал другой ровно на пол-операции, тогда можно все успеть, — объяснил Сева. — Соображать надо. Ну, кто с кем заодно?

— Нынче я с тобой заодно,— широко улыбнувшись признал Костя.

— Значит, не дашь тамгу?

— Не... Коли ты так будешь робить — дам!

— То-то!— невесело усмехнулся Сева.— Я тебе покажу, кто такой Булкин-Прогоулкин!

В тот день случилась еще одна удивительная вещь. Перед самым гудком Катя приказала Леночке управляться с двумя станками, взяла железный лист с длинной проволочной ручкой, на котором ребята таскали стружку, и начала уборку.

— Сам сделаю,— остановил ее Костя, когда она подошла к его станку.

— А может быть, я не хочу быть в долгу! — строптиво ответила она.

Она нарочно нагребла большой ворох стружки и потащила лист к транспортеру. Было трудно, но Катя наклонилась вперед и закусила губу с такой решимостью, что стало ясно — ни за что не отступит поперечная душа. Вернувшись с пустым листом, она нагребла еще больше стружки и вдруг опустила на стеллаж.

— Ножи не держат, — пожаловалась она шутливо, но губы ее покривились.— Ничего, не сахарная!..

Сева — да, Сева Булкин! — схватился за ручку листа и подтащил к транспортеру.

Как-то получилось, что с завода вышли все вчетвером: впереди Костя, за ним девочки, а поодаль Сева. Он плелся на такой дистанции, чтобы быть в компании, в то же время не теряя права сказать: «Я иду домой самостоятельно». Сначала девочки весело болтали, а потом Костя услышал испуганный голос Леночки:

— Катя, ты что?.. Что ты балуешься!

Он обернулся и увидел, что Катя сидит на земле.

— Все качается, — тусклым голосом, с трудом проговорила Катя и оперлась руками о землю,

— У тебя голова закружилась,— догадалась испуганная Леночка.

Она заставила Катю подняться, взяла ее под руку и сказала Косте:

— А ты под другую руку возьми. Она заболела.

— Сама дойду... — слабым голоском возразила Катя и засмеялась: — Малышок, смотри — Ойка язык высунула...

— Ты же знаешь, что это у меня условный рефлекс. Я всегда язык высовываю, когда... Ой, она опять села!

— Весь холм качается, — сказала Катя, ощупывая снег.— Как противно... Я сейчас умру...

— Мы с Севолодом ее под руки потащим, а ты, Ленушка., сзади толкай, — распорядился Костя.

Кое-как они доставили Катю домой.

Так она заболела в первый раз. Она лежит на диване в гостиной, бледная и худенькая, такая худенькая, что душе вовсе не в чем держаться. Даже глаза — драчливые глаза — призакрылись и вот-вот погаснут... В доме тихо... Леночка побежала домой ужинать, бабушка перестала охать, Сева в боковушке пьет чай со свистом, хмуро переживая сегодняшний день, а Костя сидит на медвежьей шкуре и, обхватив колени руками, смотрит в огонь.

Чудеса

Несколько дней прошло. Катя болела — не с кем было Леночке шушукаться, не слышно было за колоннами небрежного Катиного голоса. Хорошо, что теперь у Кости прибавилось забот, так как у них с Севой стало правилом работать на пару, и приходилось особенно следить за напарником. Сева изменился сильно. То работал очень хорошо, старался сделать так, чтобы Костя был с ним заодно, то вдруг все валилось из рук, и ему прихо-

дилось быть заодно с Костей. В такие минуты лучше было его не трогать.

— Что ты ко мне лезешь, чего ты пристаешь! — начинал он кричать тонким голосом. — Подумаешь, ударник! Сколько ни старайся, все равно полторы нормы на этих черепках не выработаешь! Может быть, опять шестеренки переставишь?

Сейчас, когда умения у Кости прибавилось, когда он легко управлялся с двумя станками и каждый день перевыполнял норму, он все угрюмее поглядывал на темную свинцовую пломбу, скрывавшую ручку для переброски ремня. Стоит только убрать ненавистную пломбу, перекинуть ремень на шкиве с одной ступеньки на другую, и патрон станет вращаться быстрее, то есть скорость резания повысится. Если к тому же маленько ускорить ход суппорта, то... Но тут припоминалась поломка станка — и крылышки опускались: нельзя! Хотя плачь, а нельзя!

Может быть, Костя думал именно о свинцовой пломбе, когда, по распоряжению Герасима Ивановича, остался вечером за колоннами подкрасить инструментальные шкафчики. Он получил в кладовой не только зеленую, но и немного ярко-желтой краски, сделал у шкафчиков желтые уголки, и получилось очень красиво.

— Где здесь Малышев, который станок сломал? — слышался веселый голос.

Не раз Костя встречал на заводе инженера-конструктора и рационализатора Павла Петровича Балакина, слышал от ребят, что он умный и чудной, и уважал Балакина за то, что он сконструировал транспортер-дрожалку для уборки стружки. По его мнению, Балакин был вовсе не чудной, только он был очень длинный, тонкий. Когда он разговаривал с кем-нибудь, кто был ниже его, он наклонялся и становился похож на вопросительный знак.

Говорил он звонким голосом, который легко перекрывал шум машин, часто смеялся, носил зеленый блестящий ватник, а под ватником — шелковую трикотажную рубашку и цветной галстук.

Косте в нем нравилось все: и светлые волосы, зачесанные так, что получался высокий гребень, и живые желтые глаза, и немного вздернутый нос, и привычка пощелкивать длинными пальцами.

— Я Малышев, — сказал Костя.

— Конечно, ты! Несомненно, ты! — обрадовался инженер. — Миша Полянчук художественно описал мне твою наружность. У тебя одного шапка с такими длинными ушами, что на десять осликов хватит. — Он протянул Косте пакет: — Вот посылка от Миши. Прекрасный парень этот Полянчук! Замечательно поет украинские песни... Он попросил меня поинтересоваться твоим станком. Ну-с, так что же случилось?

Засунув руки в карманы, раздвинув полы ватника, как крылья, и наклонившись над Костей, он выслушал печальный рассказ и возмутился:

— Как ты посмел такую гадость устроить! Ты думаешь, на «гитаре» станка можно трепака играть?

— А я хотел как лучше, — ответил Костя, который вовсе не боялся этого человека.

— «Хотел, хотел»! Мало хотеть — надо знать и уметь!

— Нашли Малышева? — спросил Герасим Иванович и присел на стеллаже.

— Поставь, Малышев, заготовку, хочу посмотреть его в работе, — сказал Балакин, закончив осмотр всего станка.

Приближались какие-то важные события. Вздвигнутый Костя включил станок. «Буш» принялся снимать стружку. Казалось, что сейчас он делает это особенно медленно, но инженер одобрительно похлопал по станине:

Молодец, старичок, старайся!.. Работает он почти на пределе, не правда ли, Герасим Иванович? На этой операции ничего не выиграешь.

— Правильно, — поддержал его Герасим Иванович. — Так все и рассчитано.

— А вот посмотрим, все ли... Покажи, Малышев, отделочную операцию.

Быстро переменив резец, Костя стал отделять «трубу».

— Лодырь! — сразу решил Балакин. — Лодырь ты, господин «Буш»! На обдирке стараешься, а на отделке отдыхаешь. Такой режим резания на легкой отделочной операции никуда не годится. Это позор, а не режим... Как по-вашему, Герасим Иванович?

Спорить не буду, — неохотно согласился мастер. — Да что поделаешь, коли у работников квалификации настоящей нет...

Ни слова не говоря, Балакин сорвал пломбу с ручки для переброски привода и сделал то, о чем так часто мечтал Костя: передвинул ремень на шкиве.

— Теперь скорость повысится раза в три, да и то станок не будет по-настоящему нагружен, — пояснил он. — Продолжай, парень, отделку!

Снова заработал станок, и стружка побежала быстрая, узкая и горячая.

— Ишь, какую гладкую поверхность дает! — одобрил Герасим Иванович. — Просто под зеркало работает...

— Нужно еще подачу увеличить, и будет совсем хорошо... — заметил Балакин. — Не найдется ли, Герасим Иванович, у вас шестеренок?

Получив запасную шестеренку и вооружившись гаечным ключом, Балакин перестроил «гитару». Костя включил станок. Теперь стружка стала шире, но бежала так же быстро, и значительно быстрее резец подвигался вдоль

«трубы». Костя не успел насладиться этим счастьем: отделка детали кончилась, и пришлось нажать кнопку «стоп».

— Сами судите, Павел Петрович, как тут позволишь ребятам хозяйничать,— сказал Герасим Иванович.— Похожий уж Малышев... Такое получилось, что вспоминать неохота.

— Да, дело рискованное,— задумчиво признал Балакин, пощелкивая длинными, тонкими пальцами и встряхивая ими, будто сбрасывал капли воды.— Однако вот что досадно: четыре «Буша», четыре родных брата, при черновой обдирке работают на совесть, а при отделке — четверть силы. Сколько времени при этом теряется!

— Да, теряется,— сказал мастер.— Факт — теряется... Но ведь и станок нужно пожалеть. Сломать станок — раз плюнуть.

Мысль Кости заметалась, ища выхода.

— Герасим Иванович, а что, если...— заикнулся он, еще не зная толком, что скажет.

Старшие смотрели на него, ожидая продолжения. У Кости в горле пересохло; стало неловко, беспокойно.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Павел Петрович.— Да думай же ты! — крикнул он весело.— Тут же совсем простое дело!

Действительно, все стало ясно, будто за колоннами пролетела яркая молния.

— Пускай три станка обдирают, а один отделяет. Правда, дядя? — выпалил Костя, и его облило жаром.

— Правда, тетя! — одобрил Балакин, засмеялся и Щелкнул Костю по лбу.— Сварила голова! Это я больше всего люблю!

Еще несколько дней назад Костя навряд ли решил бы подать такую мысль, но теперь, когда за колоннами кое-что изменилось, это предложение показалось ему

почти естественным. Не удивило оно и Герасима Ивановича.

— Что ж, в таком случае, дело другое,— немного подумав, согласился он.— Один станок настроим на отделку, а остальные оставим черновыми.

— Давай займемся математикой,— сказал Павел Петрович, вынув из кармана записную книжечку с блестящим карандашиком.— Какая у вас норма? Сколько делаете?

По дороге домой Костя завернул к Леночке Туфик. Его впустила в переднюю полная маленькая женщина — точная копия Леночки, только с седыми волосами.

— Что вам нужно, молодой человек? Закройте за собой дверь получше,— сказала она басом, помешивая в кастрюле, стоявшей на примусе.

В переднюю выбежала Леночка.

— Ой, мама, это же Костя Малышок, который сломал станок! — воскликнула она.— Помнишь, я тебе рассказывала? Он у Галкиных живет...

— Ай, как нехорошо! — сказала Леночкина мама.— Зачем же вы сломали целый станок?.. Проходите в комнату, сейчас будем ужинать...

— Времени нет,— отказался смущенный Костя.— Ты, Ленушка, завтрашь приходи в цех чем пораньше. Производственное совещание будет.

Когда дверь за ним закрылась, Леночкина мама сказала:

— Просто не верится, что такой серьезный мальчик сломал целый станок. Конечно, я абсолютно уверена, что он сделал это нечаянно.

В тот вечер Антонина Антоновна сообщила Косте, что Катя капризничает, не ест и не пьет, так как ей все не вкусно² что она жалуется, будто ее все забыли.

В пакетике, присланном Мишей, Костя нашел пару новых носков, скрепленных ниточкой, и десяток мятных пряников, таких твердых, что с ними не справился бы даже победитовый резец, но в одну минуту справились зубы мальчиков. Два пряника Костя отделил бабушке, а два Кате, но принцесса передала через бабушку, что она не нуждается в каких-то пряниках.

— Как знает,— сказал обиженный Костя и оставил пряники на кухонном столе.

В пакетике еще была записочка:

«Грызи пряники, помни обо мне! Я рассказал инженеру-рационализатору П. П. Балакину, как и почему ты сломал станок. Он посмотрит «Буш» и, может быть, что-нибудь придумает. Передай поклон золотоискателю. В воскресенье увидимся, если ты будешь на комсомольском воскреснике. Твой друг М. Полянчук».

Костя был благодарен Мише за носки и пряники, а больше всего за знакомство с Балакиным.

Хорошо иметь такого друга, как Миша!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Поворот

Накануне, когда Герасим Иванович поручил Косте созвать производственное совещание, Костя в душе приготовился к большим событиям — и не ошибся. Недаром вместе с Герасимом Ивановичем за колонны явилась Зиночка Соловьева.

Надев очки, Герасим Иванович посмотрел на ребят поверх стекол и призадумался.

— Техника — дело такое, — сказал он вдруг: — сегодня приловчился и взял подходящее, а помозгуешь, так возьмешь еще больше. Техника — это железо. «Буши» — тоже железо. Железу все равно, как работать, а человеку не все равно, человек хочет фронту помочь. Вот потому в технике последней остановки нет. Все от рук да головы зависит. Если будет ваше желание, «Буши» по-новому заработают.

Он объяснил, что получится, если три «Буша» сделать черновыми, а четвертый перевести на отделку деталей, то есть разделить операции, и спросил, все ли понятно.

— Абсолютно понятно! — прошептала Леночка.

— Ну хорошо, операции разделим, каждую «**трубу**»

станем через две пары рук пропускать,— продолжал мастер.— Значит, теперь надо работать дружно. Уж так не выйдет, что один землю роет, а другой зубами мух щелкает.— И Герасим Иванович многозначительно посмотрел на Севу.— А почему? Потому что придется всех вас на один наряд поставить. Задержал ты «трубу» в обдирке, а на отделочном станке простой получился, у всех процент скатился; проворонил ты на отделке, а лишние обдирки в заделе остались, в показатель не вошли,— опять всем накладно.

Ребята начали понимать, к чему ведет мастер.

— На заводе народ в бригады тянется,— сказал Герасим Иванович.— Вот задумали рабочие второго цеха по-гвардейски работать. Сегодня там уже фронтовая бригада Ивана Стукачева объявится. (Этого Костя не знал и от всего сердца позавидовал взрослым рабочим.) И у вас бригаду можно сделать для пользы дела. Только как бы не получился смех на весь цех...

— Товарищи, вы понимаете, почему. Герасим Иванович так ставит вопрос? — строго спросила Зиночка.

— Понятно! — проговорила Леночка и зашпешила:— Все понятно! У нас все не дружные, все перессорились. Сева с Катей не говорит, и я на него сердита, потому что он меня толкнул, хотя я его не оскорбляла... Да, Сева, ты поступил грубо, некультурно!.. Малышок тоже недавно поссорился с Катей...— Упавшим голосом она закончила: — Ой, просто не знаю, что у нас выйдет!

— Вот посмотри, комсомол, какая глупость творится,— сказал Герасим Иванович.— Хоть Сергею Степановичу жалуйся, честное слово. Поговори с ними, Зина! Не столкуются — я их на другую работу поставлю, а к «Бушам» сознательных ребят дам. Не позволю я теперь старому работать, коли придумалось правильное дело! — И он ушел, расстроенный этим разговором.

— Какой стыд, ребята! — вспыхнула Зиночка.— У вас

даже обыкновенная бригада не склеивается, а на Большом заводе уже есть молодежные фронтовые бригады, и парторганизация придает этому громадное значение. Вчера на городском комсомольском активе ребята рассказывали, как там поставлено дело. Вот с кого нужно брать пример!

Оказывается, молодежь Большого завода задумала работать так, как бойцы сражаются на фронте: умри, а не отступай. Хоть две, хоть три смены подряд работай, а задание выполни. Если кто-нибудь отстает, другие побратски помогают ему. А для того чтобы дело шло лучше, бригада принимает торжественную присягу. Есть в бригаде командир, есть политрук — словом, все, как у военных, и бригада называется фронтовой, потому что все трудятся самоотверженно, чтобы с честью выполнить священную клятву уральцев.

— Они молодцы! — вырвалось у Леночки, но тут же с горькой обидой она добавила:— Сразу видно, что это комсомольцы, а у нас все... поперечные!..

— А я не верю, что вы не можете понять, какое это важное дело,— перебила ее Зиночка.— Разве вы не патриоты? Неужели придется ставить сюда других ребят, которые поймут, что бригада лучше сработает на «Бушах»? А чем эти ребята отличаются от вас? Вы тоже ненавидите фашистов, любите Родину и хотите победы. У тебя, Леночка, два брата на фронте, и оба уже были ранены. У тебя, Малышок, погиб единственный брат. Неизвестно, жив ли отец Катюши. У Севы тоже так... Вы думаете, что если я всегда такая веселая, так у меня на душе легко? У меня... я всех родных потеряла... и в личной жизни у меня ничего, ничего нет...— Ее голос сорвался, и она поскорее закончила: — Впрочем, при чем тут я... Я лишь хочу, чтобы вы поняли... Может быть, какой-нибудь фашист ходит живой только потому, что вы перессорились, как дети, сработали меньше, чем могли...— Она схватила руку Ко-

сти, потом так же порывисто пожала руки Леночке и Севе.— Давайте дружно, ребята!.. Малышок, почему ты молчишь? Ведь это ты двинул дело с «Бушами»!

Слова получились оборванные, горячие, когда Костя заговорил; навряд ли он запомнил свою коротенькую речь.

— Фронтovou бригаду нужно сделать! — сказал он.— Кто не согласен, тот поди прочь!.. В цехе хороших ребят полно... Я их на «Бушах» учить стану... Не мудрость! А поперечных нынче не надобно... Обойдемся!..

— Я, конечно, за фронтovou бригаду! — вскочила Леночка, стала протирать очки и крепко зажмурилась, что означало у нее полную решимость.

— Ты, Севолод, что молчишь? — крикнул Костя.— Кто с кем заодно?

— Чего ты наскакиваешь! — с обидой ответил Сева.— Только ты сознательный? По-моему, другие тоже есть...

Как только Зиночка, к своей радости, убедилась, что вопрос о бригаде решается положительно, она круто перевела его на деловые рельсы.

Решили, что сразу после комсомольского воскресника состоится организационное собрание в доме Галкиных с участием Зиночки.

Беспокойным, тревожным был день.

Голова Кости думала о тысяче вещей и решала разные вопросы.

— Тебе, Ленушка, придется круто робить,— сказал он.— Герасим Иванович сегодня Катюшин станок переналадит. На отделочную операцию тебя поставим, пока Катерина не выйдет...

После гудка, когда Костя и Сева вышли за ворота завода, к ним присоединился Колька Глухих и начал болтать глупости:

— Малышок, правду мне Сева сказал, что у вас орга-

низуется гвардейская бригада? Смешно, честное слово! В тылу — и вдруг гвардейская! Фу ты ну ты!

— Дураку, ясное дело, всё смех...— ответил глубоко оскорбленный Костя.

— Положим, неизвестно, кто дурнее! — отбрыкнулся Колька.— Организуют в тылу какую-то гвардейскую бригаду да еще берут в нее Булкина! Ха, ха, и еще раз ха!

— А тебе что за дело? — высокомерно осведомился Сева.— Завидно, что тебя в фронтовую бригаду не возьмут! А за Булкина не бойся — он не хуже других.

— Нет, я, конечно, не думаю, что ты хуже,— пошел на попятную Колька.— Только, если ты примешь присягу, как же будет насчет тайги? Хотя, конечно, ты уже готов отказаться от тайги. Гайка слаба!

— У кого гайка слаба? — угрожающе спросил Сева и остановился.

— У кого? У меня здесь зеркала нет, чтобы тебе его показать,— сострил Колька.

Этот разговор произошел на том самом месте, где несколько месяцев назад Сева столкнул Костю с тропинки. Раз! — и Колька полетел в глубокий снег.

— Привык ты толкаться! Нынче твой черед! — крикнул Костя.

И Сева последовал за Колькой.

Пока они барахтались в сугробе, Костя насмехался над ними, а потом протянул руку — помочь. Колька стащил его в сугроб, они пошумели, насыпали друг другу снегу за ворот и побежали домой.

Мир

Катя через Антонину Антоновну приказала Косте явиться в гостиную и осыпала его упреками:

— Почему ты скрыл от меня о станке и бригаде? Ле—

ночка мне сейчас рассказала. Только она спешила домой — я ничего не поняла.

— И я вчерась хотел рассказать, да ты пряничков не взяла...

— Вчерась-карась! — передразнила Катя.— А зачем ты пряники через бабушку передал? Если бы ты сам принес... Мне и так надоело поправляться, а тут еще они меня все сразу забыли!

— Не забыли мы... Будешь в бригаде на отделочной операции работать, нам же лучше.

— Буду! Во фронтовой бригаде я так буду работать!..— горячо проговорила Катя.— Знаешь что, Костя, ты сиди там, где сидишь, и совсем не смотри на меня... А я тебе расскажу, что я думала, когда вы обо мне так бессовестно забыли, а я лежала и все плакала. Только ты никому не будешь болтать? Хорошо?

Сидя на медвежьей шкуре, Костя слушал Катю, а она говорила, говорила, прижав руку к своему сердцу, которое запуталось в жизни:

— Я такая несчастная, Малышок! Уверяю тебя! Я хочу, чтобы все было хорошо, а получается плохо. Когда я... одно письмо получила, я хотела сделать, как папа просил. А потом увидела Нину Павловну... и вдруг сделала не так. Пускай она хорошая, добрая, но я все сержусь на нее... Теперь не так сержусь, как раньше, но все равно... Я поперечная, правда? (Костя подумал: «Правда», но промолчал.) Я решила: пускай я Нине Павловне не скажу, а вместо этого буду работать изо всех сил для победы. Я Нине Павловне не сказала о моем папе. Только у меня все время было вот здесь, на сердце, так тяжело, что я заболела. А если я не смогу для фронта самоотверженно работать, значит, папа совсем погиб... Ты думаешь, почему я такая поперечная? Потому что у меня все как-то плохо...— Она немного поплакала в подушку и сердито сказала: — Ну, что же ты молчишь? Молчит, как чурка!

Получив разрешение говорить, Костя посоветовал:

— Ты с Ниной Павловной помирись. Она человек хороший и тебя уважает... А в бригаде мы сразу полторы нормы сделаем. Хочешь, покажу математику?

— Надо сейчас же со всеми помириться! — загорелась Катя.— Скажи Севе, пускай идет сюда.

Оторванный от чая со свистом и неожиданно очутившийся в гостиной, Сева оцепенел.

— Здравствуй, Сева! Как ты поживаешь? — сказала Катя, протянув ему руку.— Садись, пожалуйста, на кресло. Ты, пожалуйста, не сердись на меня за Шагистого, Это было в последний раз... Сейчас придет Леночка, мы должны посоветоваться о бригаде...— Она крикнула: — Бабушка, бабушка, мы будем пить чай здесь, как до войны!

Старушка поверила себе лишь тогда, когда на круглом столе была постелена скатерть и самовар занял свое почетное место.

Смушение Севы прошло не скоро, а счастливая Леночка протирала очки, чтобы лучше видеть. Когда Севе налили чаю, он отхлебнул и по привычке свистнул, хотя Антонина Антоновна, расщедрившись, сделала сладкий чай.

— А Герасим Иванович будет нам электрокар давать — заготовки возить,— сообщил Костя, которому казалось неприличным молчать.

— А я все волнуюсь! — призналась Леночка.— Надо в цехе ничего не говорить, пока не получится...

— Зачем ты волнуешься! — воскликнула Катя.— Когда я придумала на пару работать, ты тоже почему-то боялась.— Она достала тетрадку, карандаш и, прикусив язык, старательно написала на первой страничке: «План бригады».— Вот! Давайте запишем все, что нужно. Кто возьмет слово?

— Надо, чтобы резцов был запас,— начал Сева.

— Да, да! Это правильно, Сева! Вот я уже записала.

— И как это хорошо, уж как это хорошо, молодые люди, когда все мирно, тихо! — сказала Антонина Антоновна.

Конечно, замечание Антонины Антоновны не было внесено в план, хотя, если здраво судить, в каждом деле нужно начинать именно с дружбы. Уже перестал шуметь самовар; уже забралась на свою теплую лежаночку в кухне Антонина Антоновна; уже Сева пил пятую чашку со свистом и Леночка тоже пыталась пить так, но у нее, кроме шипения, бульканья и смеха, ничего не получалось; уже гудок Большого завода принес поздний час, а у членов будущей бригады все находилось что сказать. Наконец Леночка ойкнула, что так засиделась, а Сева из вежливости пошел закрыть за нею дверь.

— Завтра позову Нину Павловну,— напомнил Костя.— Ты с нею помирись.

Катя испугалась, закрыла глаза и затрясла головой.

— Нет, нет, завтра еще не надо! — прошептала она.— Я сама скажу, когда позвать. Вообще ты ничего не понимаешь в женской психологии!

Конечно, Костя не знал, что такое психология, но решил, что это совершенно лишняя и вредная вещь.

Воскресник

День был самый отличный из всех зимних дней. Солнце тоже вышло на воскресник. Заводская молодежь собралась во дворе возле первого цеха, подурачилась. Участники воскресника разбились на бригады, разобрали кайла и лопаты, заиграл новый завкомовский оркестр — три трубы и два барабана,— и под предводительством Зиночки все двинулись на воскресник. Канавка начиналась у нового сборочного цеха, выходила с заводского двора и пересекала пустырь. Она должна была обогнуть склон

Земляного холма и подойти к речке, которую в шутку называли воробьиным водоемом. Вдоль канавы уже лежали блестящие желтые глиняные трубы для канализации.

Возле холма заводских ребят встретили ребята с филиала. Они явились под предводительством двух командиров — Миши Полянчука и Мингарея Бекирова. Прямо на ватник Мингарей надел медаль «За трудовое отличие», которую недавно получил, и поэтому он был главным командиром.

Перед воскресником состоялся митинг.

— Мы вызываем вас копать канаву для новой сборки как надо,— сказал Мингарей.— У нас на филиале все работают хорошо... Мы так привыкли.

— А мы, значит, не привыкли? — зашумели заводские ребята.

— У нас никто руки в брюки не ходит! — задорно продолжал Мингарей.— Давайте, кто больше сробит — тот молодец!

Снег так блестел, что глаза закрывались, мороз был мягкий, совсем теплый мороз, и руки просились поработать. Десятники из отдела капитального строительства показали ребятам трассу канавы, которая шла по вешкам, а Зиночка и Мингарей развели бригады по местам.

— Малышок, Малышок, иди к нам! — кричали филиальские ребята.— Малышок, забыл уже, как гвозди забивал!

— Э, нет, такого работника не отдадим! — решила Зиночка и придержала Костю за ватник.

Все равно — Костя стал последним в первой бригаде заводских ребят, а Миша — первым в своей бригаде, так что получилось рядом. Оркестр заиграл. Ребята поскорее сбросили снег с трассы, кайлами разбили промерзший слой земли, и в обе стороны полетели первые сypки. Кос-

тя не спешил: он достал напильник, подточил лопаты, свою и Мишину, потом поработал так, чтобы немного согреться, снял ватник и шапку и взялся за лопату по-настоящему, чтобы совсем отогнать морозец.

— Простудишься,— сказал Миша.

— Не дует,— успокоил его Костя.— А хоть бы и дуло — работа что шуба.

— Попробуем и мы... Если простужусь в невидимой шубе, чихать буду за твой счет.

Они работали и разговаривали. Услышав, что Балакин помог Косте совладать со станком и что за колоннами организуется фронтовая бригада, Миша сказал:

— Вот теперь я окончательно уверен, что ты не побежишь за золотом. Тебя захватила работа — значит, ты нашел самое дорогое золото. Правда?.. (Костя мысленно согласился с ним.) А теперь объясни: почему у тебя дело подвигается быстрее, хотя ты как будто и не спешишь?

— А ты торопыга-недопрыга,— улыбнулся Костя.— Ты лопату рукой не подгоняй. Ты ее ногой в землю жми... А коли бросаешь, на руку понадейся да маленько за лопатой качнись. Не спеши кидать да тяжелей набирай. Намаешься меньше, а сработаешь что надо.

— Оказывается, ты и по лопате мастер,— засмеялся Миша.

Рядом с Костей на землю легла тень. Он поднял глаза и увидел Мингарея Бекирова. Знатный бригадир Северного Полюса стоял подбоченившись и улыбаясь.

— А ты, Миша, по лопате не мастер,— сказал он.— Что же ты от Малышка отстаешь? Придется тебя проработать.

— А ты что гуляешь, указчик?

— Смотрю, как кто ударничает.— Он подмигнул Косте: — Молотком и лопатой ты умеешь... А станок зачем сломал? Станок — не лопата, а? Нехорошо, башка! Ста-

нок сломал — медаль не получил. Лучше бы ты молотком стучал.

Он говорил добродушно, шутливо, но напоминание о станке и о медали оскорбило Костю.

Не ответив Мингарею, он изо всех сил налег на лопату и густо покраснел.

— Ты, Мингарей, не трогай его, — сказал Миша. — Дело со станком прошлое. А сейчас Малышок придумал такую штуку, что ему сразу две медали дадут. Придется твоей знаменитой бригаде накрыться.

— Да ну! — притворно испугался Мингарей. — Ай-яй-яй, что теперь делать будем! Хоть ложись и помирай...

Набрав лопату потяжелее, Костя бросил землю под ноги обидчику.

— Отойди, засыплю! — крикнул он.

— Мы тебя, Малышок, в упаковке помним, — медленно проговорил Мингарей, сузив глаза и выпятив грудь. — Ты нам горячо сделал. Снайперские молотки нас тарой засыпали. Только мы не испугались, башка, — мы комсомольцы! У нас теперь рационализация. Нам деталей на сборку и упаковку не хватает... Что ты мне землю на ноги валишь? Ты деталями меня завали — это будет дело!

— Завалим! — сердито пообещал Костя.

— Ну, гляди — осрамишься, я смеяться буду. Имей в виду...

Переваливаясь с ноги на ногу, он пошел вдоль траншеи, проверяя, кто как работает, задирая и подзадоривая ребят.

— Вот так он всегда, — сказал Миша. — Он работник отчаянный. Работает так, что искры сыплются. Бригада у него завидная. Тарный цех сначала прижал упаковку, а они не сдались, всё лучше работают, знамя не уступили. Богатыри! — Он помолчал и добавил: — А ты напрасно

ему под ноги землю бросил. Знаешь, есть такие люди, у которых самолюбие с мозолем. Чуть тронешь — и пропало дело.

— А пускай не задирается...

Со склона холма была видна вся трасса канавы, шумно кипевшая народом.

Уже всем ребятам стало жарко — ватники и шапки полетели в снег. Запестрели, как цветы, ситцевые рубашки, вязаные кофточки, свитеры — белые, красные, желтые, синие.

Когда оркестр переставал играть, все кричали: «Музыка, землю заставим копать!» — и оркестр снова брался за свое дело. Тут и там не обошлось без баловства. Кто-то швырнул в Мишу снежком, Миша ответил тем же.

— Знаешь, Малышок, — признался он, — я, кажется, немного устал, а до центра земного шара еще далеко-далеко. Не пора ли отдохнуть, как ты думаешь?

Друзья пожевали хлеба и устроились на солнышке отдохнуть. Миша принялся рассказывать о филиальских делах, но Костя и слушал и не слушал. Он думал о том, как сложатся дела в бригаде, не получится ли смех на весь цех. Да что там — на цех! На весь завод, филиал... Даже страшно подумать, что будет тогда.

Вдруг Миша залепил ему лицо снегом. Костя в шутку полез драться, они повалились в снег и барахтались до тех пор, пока Миша не осилил.

— Ты же сам захотел снега! — со смехом объяснил он. — Я тебя спросил: «Хочешь снега?» — а ты сказал: «Да». О чем ты думал, когда, как попка, смотрел на белый свет?

Снова загремели барабаны, заухала большая труба и запищала маленькая. Все взялись за лопаты, и упорнее всех работал Костя, чтобы отогнать беспокойные мысли.

Раньше всех отработалось солнце и пошло на за-

кат. Оркестр заиграл последний марш. Ребята оделись, покачали Мингарея за то, что он глубже всех зарылся в землю, отнесли инструмент на место. Филиальские побегали садиться в автобус, и Костя проводил друга.

— Прощай, башка! — сказал Мингарей и протянул Косте руку.— Помни наш разговор!

— Не забуду! — с достоинством ответил Костя. Автобус запыхтел и укатил.

„175“

В доме Галкиных были гости.

Вернее, одна гостья — Зиночка Соловьева, а Леночка не считалась, так как она весь день провела возле Кати.

— Теперь все в сборе! — обрадовалась Зиночка, увидев Костю.— А я уже прочитала ваш план. План очень подробный. Вот видите, как вы хорошо начали дело! Я говорила Сергею Степановичу о бригаде. Он вполне одобряет. Напрасно, Леночка, ты боялась, что у вас не получится дружно.

— Нет, вчера все помирились,— сказала счастливая Леночка.— Это Катя... Не отрицай, Катя, это ты со всеми помирилась.

— Я тоже кое-что сделала,— сообщила Зиночка, прижимая ладони к щекам, которые после свежего воздуха разгорелись в тепле.— Я написала текст присяги.— Она стала посередине комнаты и торжественно, с выражением прочитала: — «Боевая присяга фронтовой молодежной бригады». Ваша фронтовая бригада будет первой в молодежном цехе, и нам никто не простит, если мы осрамимся...

— Не осрамимся! — возразил Костя.— Лодырничать не будем — так не осрамимся.

— Решено! Читаю дальше...— И Зиночка прочитала всю присягу, которая начиналась словами: «Мы, юные патриоты любимой Родины, принимаем торжественную присягу в том, что...»

— Все очень хорошо, только я не согласна! — сказала Катя, как только Зиночка кончила читать.— Там написано, что мы должны вырабатывать сто пятьдесят процентов нормы, а это мало.

— Вот так мало! — невольно заметил Сева, который до сих пор молчал.

И Костя тоже забеспокоился: сто пятьдесят процентов казались ему великолепным достижением.

— Мало, мало! — затвердила Катя.— Сейчас докажу. Наша норма — двадцать «труб» на станок, восемьдесят «труб» на четыре станка. Восемьдесят — это сто процентов. Теперь три станка будут только обдирать заготовки. Значит, каждый должен ободрать не двадцать, а сорок заготовок, а три черновых станка — сто двадцать. Ведь так? А отделочный станок их все отделает, получится сто двадцать готовых «труб». Сто двадцать в полтора раза больше, чем восемьдесят. Полтора раза — это сто пятьдесят процентов. Подумаешь, геройство давать полторы нормы! Мы с Леночкой делали и по двадцать пять «труб». Значит, теперь можно ободрать на каждом станке пятьдесят заготовок, а на трех станках — сто пятьдесят. Я сейчас высчитаю... Мы с Леночкой недавно повторили проценты...

— Сто восемьдесят семь процентов,— опередила ее Зиночка.— Только, ребята, знаете, я не советую сразу брать такое обязательство. Ведь надо привыкнуть к бригадной работе. Я советую сто шестьдесят...

Вспомнив разговор с Мингареем, Костя стал смелее.

— Сто шестьдесят сробим,— сказал он.

— Испугался! — пожала плечами Катя.— Я за сто семьдесят пять.

— А ты как думаешь, Сева? — продолжала опрос Зиночка.

Скрывая невольную улыбку, Катя наклонила голову, но все поняли, что она подумала: она подумала, что Сева тем более испугается.

— Мы с Малышком вчера тоже по двадцать три сделали, — ответил Сева спокойно. — Без смены резцов ободрать пятьдесят заготовок нетрудно. Я за сто восемьдесят пять процентов, а то и мараться не стоит.

— Он форсит! — вскочила Леночка. — Он только что говорил, что полторы нормы не мало, а теперь... Он всегда хочет всех удивить... Это нехорошо с твоей стороны, Сева! Мы серьезно, сознательно, а ты форсишь!

— Кто форсит? — спросил Сева и покраснел. — Только ты сознательная, да? Протри очки, а то они запотели.

— Не приставай к моим очкам! Очки в комнате не потеют! — отмахнулась Леночка. — Как тебе не стыдно!..

— Ставлю на голосование! — крикнула Зиночка и постучала карандашом о стол, чтобы оборвать ссору. — Кто за сто семьдесят пять, как предлагает Катя?.. Ты, Леночка?.. Ага, теперь и ты, Костя... Сева остался в меньшинстве... Итак, записываю: «Обязуемся выполнять ежедневно не меньше ста семидесяти пяти процентов общебригадной нормы». Все в порядке! — Она вдруг сделала страшные глаза: — А кто будет командиром? Мы забыли о командире. И о политруке. Так нельзя!

— Вношу предложение! — выступила Катя. — Командиром пускай будет Малышок, а политруком Леночка. — И она стала защищать свое предложение: — Если бы не Малышок, мы не додумались бы переналадить станок, и он за дружбу, а Леночка скоро будет комсомолкой.

— Ты согласен, Сева? — спросила Зиночка.

— Ладно, — ответил он. — Только Малышок любит власть показывать.

Совещание кончилось.

Леночка побежала домой за патефоном, а Сева и Костя принялись рассматривать золотых рыбок в аквариуме.

— Думаешь, если я в бригаду вступил, так в тайгу не пойду? — тихонько сказал Сева. — Пообещал к золоту дорогу открыть, а потом под бригаду подвел. Я понимаю твою дипломатию...

Командир бригады даже рот открыл: он и думать забыл о тайге, о тамге, о синем тумане и золоте.

— А... а как же ты присягу дашь? — спросил он.

— Не бойся, мой гражданский долг будет выполнен, — туманно ответил Сева.

Леночка пришла с патефоном, и начались танцы. Сева всех удивил — он хорошо танцевал и вальс, и паде-спань, и польку.

Держался он очень культурно, даже подвинул Зиночке стул, когда она устала.

— Знаешь, Малышок, я будто и не болела! — радостно сказала Катя. — Больше не хочу сидеть дома. Скучное, в общем, занятие... Я все думаю, как мы будем работать в бригаде, даже из-за этого сбиваюсь, когда танцую. А ты совсем не умеешь танцевать?

— На присядку могу да кадриль...

— На присядку только в ансамбле песни и пляски танцуют. Я в клубе «Профинтерн» видела. А кадриль в городе совсем не в моде.

Все равно Косте нравилось заводить патефон, ставить пластинки и смотреть, как веселится Катя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Перемены

Утром Костя на минутку забежал в термический цех поделиться с Ниной Павловной своими радостями — и удивился... Запудренные цементом каменщики бетонировали рядом со старой свинцовой ванной новые фундаменты, а электрики устанавливали большую мраморную доску — распределительный щит.

В стороне стояли Нина Павловна и Дикерман. Она посмотрела на Дикермана, Дикерман посмотрел на нее, и трудно было сказать, кто из них больше взволнован.

— Как это неожиданно! — сказала Нина Павловна. — Как гром с ясного неба! Что будет?

— А что будет? — пробормотал Дикерман. — Будет то, что требуется. Будем сыпать «рюмки», как семечки. — И он озабоченно потер ладонью щеку, заросшую седой щетиной.

— Будем давать «рюмку» при двадцати пяти процентах брака... — с тревожной усмешкой напомнила Нина Павловна.

— Почему двадцать пять, когда всего пятнадцать — двадцать? — немного рассердился Дикерман.

— Я не считаю условного брака и вам не советую,— строго остановила его Нина Павловна, и ее брови сошлись.— Надо давать совершенно безупречную «рюмку». Условный брак — это все-таки брак.

— Так что вы хотите? — уже по-настоящему рассердился старший калильщик.— Я вас не понимаю! Будем воевать с браком, вот и всё. Как вам это нравится! Главк принимает наш метод закалки тонкостенных деталей, сам обком партии поздравляет нас по телефону, вас назначают начальником цеха, о нас пишут вот такую статью в газете,— и он отмерил руками целый метр,— а вы всё недовольны.— Он увидел Костю, обрадовался, что нашел слушателя, и спросил его: — Скажи, разве это не смешно?

— Малышок поймет меня,— улыбнувшись, сказала Нина Павловна.— Ведь это перемена в производстве не только для нашего завода. Дело такое ответственное... Костя, я слышала, что у вас организуется фронтовая бригада. Как это хорошо! Вы нашли правильный способ закалки молодых душ, а мы еще на полдороге к решению своей задачи...

Как видно, разговор о Кате нужно было отложить, а тут еще появился директор с каким-то важным седобородым стариком. Нина Павловна пошла им навстречу, почтительно назвала старика профессором, и старшие отправились в лабораторию.

За колоннами собралась вся бригада; была здесь и Зиночка.

— Перед работой делайте так, как делают фронтовые бригады на Большом заводе,— сказала она, посмотрев на часики.— Устраивайте пятиминутку. Сначала читайте сводку Совинформбюро о положении на фронтах, а потом кратко обсуждайте производственные вопросы... Сегодня понедельник, свежей газеты нет. Но во вчерашней газете напечатана интересная статья.— Она выхватила

из кармана газету, свернутую в трубку.— Товарищ политрук бригады, прочитай это...

Леночка заглянула в газету, от неожиданности шепнула «Ой!» и украдкой бросила взгляд на Катю. Услышав название статьи: «Новатор техники инженер Галкина», Катя залилась огнем, подалась вперед и прослушала статью не шевелясь, с широко открытыми глазами.

Статья была написана с полным соблюдением военной тайны. В ней говорилось, что в одном уральском городе, на одном заводе работает коммунистка Нина Павловна Галкина, заменившая в цехе своего мужа, фронтовика, известного инженера-термиста Василия Галкина. Нина Павловна упорно искала способ закалки одной ответственной детали для одного ответственного заказа. Парторганизация и ученые ей помогли, и вот в основном она нашла этот способ. Было еще написано, что на заводе вообще много новаторов, как Иван Стукачев, инженер Балакин, калильщик Дикерман и другие.

— Вот как пишут о нашем заводе! — воскликнула Зиночка.— Катя, ты должна гордиться Ниной Павловной!.. Я больше ничего не скажу, Катя, но ты, конечно, меня понимаешь...

— Это папа учил ее термообработке! — с гордостью, с торжеством в голосе ответила Катя.— Папа всегда был новатором производства. Он сам говорил, что Нина Павловна — хорошая ученица. Так что ничего особенного...— Она нетерпеливо добавила: — Когда же мы наконец станем работать? Всё совещаемся и совещаемся!

— Правильно!— поддержал ее Костя, довольный тем, что Катя все же обрадовалась успеху Нины Павловны, и приказал:— Берись за работу!

— Дисциплина! — ободрила его Зиночка.

— Это он может...— как бы про себя отметил Сева,

На заводе радовались достижению термического цеха и говорили, что Нину Павловну, наверное, наградят орденом. Но никто не подозревал, что за колоннами молодежного цеха тоже происходят большие события.

Миллион забот обступил командира бригады. Когда Костя шел на завод, он думал, что сделает так: развернет тетрадь и начнет выполнять план по порядку. Но оказалось, что план все же не совсем полный.

— Резец перемени, Севолод,— сказал он, услышав, как охает резец на Севином станке.— Бревном режешь.

— У меня запасного еще нет,— ответил Сева, который в это время управлялся с двумя станками.

— А у меня всегда запасной есть! — похвалилась Леночка.

— Дай его Булкину! — распорядился Костя.

— А как же я сама? — удивилась Леночка, но встретила взгляд командира, достала резец и передала Севе.

— Ты, Ленушка, нынче смотри за резцами для своей бригады,— решил Костя.— Все резцы в своем шкафчике держи, заправлять давай. Теперь твоего-моего нет, все заодно...

— А в плане не написано, чтобы один человек за всеми резцами следил,— напомнила Леночка.

— Потом запишу,— пообещал Костя.

С черновыми станками было нетрудно — они работали, как и раньше. Пришлось только доставить побольше заготовок. Зато отделочный станок заставил бригаду поволноваться. Сначала Катя осмотрела его, несколько раз включила и остановила, но еще не было ни одной ободранной заготовки.

— Вот и торчи, как чучело гороховое! — пожаловалась она.— Все работают, а ты жди. Выработаешь так сто семьдесят пять, как же!

— Есть первая! — сообщила Леночка.

— Получай еще одну! — подоспел Сева.

— Несите-ка сюда обдирки! Ножками-ножками! — приказал Костя. — Отделочнику не разорваться обдирки подбирать. На отделочном станке машинное время малое — только успевай детали ставить да снимать. — И он еще подумал: «Да и перетащи все детали, коли душа еле держится».

— Этого в плане тоже нет, чтобы обдирки подносить, — недовольно напомнил Сева.

Торопясь, Катя зажала деталь в патроне, взяла первую стружку, промерила диаметр, включила самоход и, прижав руки к груди, прошептала:

— Вот быстро идет, как сумасшедший!

Не мог оторвать глаз от станка и Костя. Шипел резец, легко снимая стружку, откидывая ее широкими петлями и оставляя за собой гладкую, блестящую поверхность. Лишь когда резец прошел всю деталь, Костя, удивленный тишиной, обернулся. Леночка и Сева затаив дыхание смотрели на Катин станок. За ними стоял Герасим Иванович и улыбался.

— Ловко получается? — спросил мастер.

— Ой, замечательно! — крикнула Леночка, бросилась к Кате, обняла ее и закружилась.

Герасим Иванович смеялся.

— Ты сумасшедшая! — запыхавшись, сказала Катя. — Не мешай работать!

— А черновые станки стоят, — напомнил мастер. — Кыш по местам!

Он присел на стеллаж и стал наблюдать, как налаживается процесс. Сначала все шло гладко. Но вот миновала первая радость, началось что-то вроде лихорадки, и эта лихорадка становилась все сильнее. Черновые станки работали ровно и выдавали одну тройку деталей за другой. Получалось так: выстроится последняя тройка

возле отделочного станка — Катя сейчас же начнет волноваться. Ей все кажется, что сию минуту появится следующая партия обдирок. Еще не успеет она отделать последнюю обдирку — и опять топчется на месте, оглядывается на станки своих товарищей: не запаздывают ли они, не получится ли у нее простой, и все ребята тоже беспокоятся. Кажется, еще немного — и они примутся подталкивать неторопливые «Буши».

— Поди сюда! — позвал мастер Костю и вполголоса сказал: — Все на волоске держится, командир...

Волосок порвался. Сначала сел резец на Леночкином станке, потом на Костином. Остановив свой станок, Сева снял почти до конца ободранную заготовку и показал мастеру: раковина! В заготовке чернела дыра, которая была скрыта до тех пор, пока резец не снял слой металла. В ту же минуту Катя кончила отделывать последнюю деталь и оглянулась.

— Доработались! — сказала она со слезами в голосе.

Хорошо, что послышался гудок на обед. Герасим Иванович поднялся со стеллажа.

— Обедать идите, — приказал он. — А твое дело, командир, думать. Не придумаешь ничего — я помогу, только не люблю я этого. Сам соображай.

— Видно, как он соображает! — сказала окончательно расстроенная Катя.

Возле досок показателей ребята задержались. Присев на корточки, завкомовский художник что-то рисовал, а вокруг толпились удивленные зрители. Художник замазал голубой краской фамилии молодых токарей, работавших на «Бушах», ловко нарисовал красное знамя, а на знамени написал: «Первая фронтовая молодежная бригада. Командир Малышев К.».

— Что за бригада? Откуда такая? — спрашивали ребята.

Катя обернулась, не увидела Кости и вернулась за колонны.

Два черновых станка работали под присмотром командира.

— Ты запас для меня делаешь, да? — виновато спросила она. — Ты... ты рассердился, что я так при мастере ляпнула? Совсем нечаянно вышло, уверяю тебя!

— Ладно, — великодушно простил Костя. — Иди обедай...

В столовой Леночка уже заказала для Кати все, что полагалось.

— Мы здесь обедаем, а Малышок запас для отделочного станка готовит, — сообщила Катя. — Мне даже неловко...

— Он ужасно сознательный! — воскликнула Леночка. — Надо скорее его сменить.

Их задержало суфле. Его только что привезли с молочного завода и еще не успели разлить в кружки.

— Куда ты? Ты же любишь суфле... — сказала Леночка, когда Сева вскочил и направился к выходу.

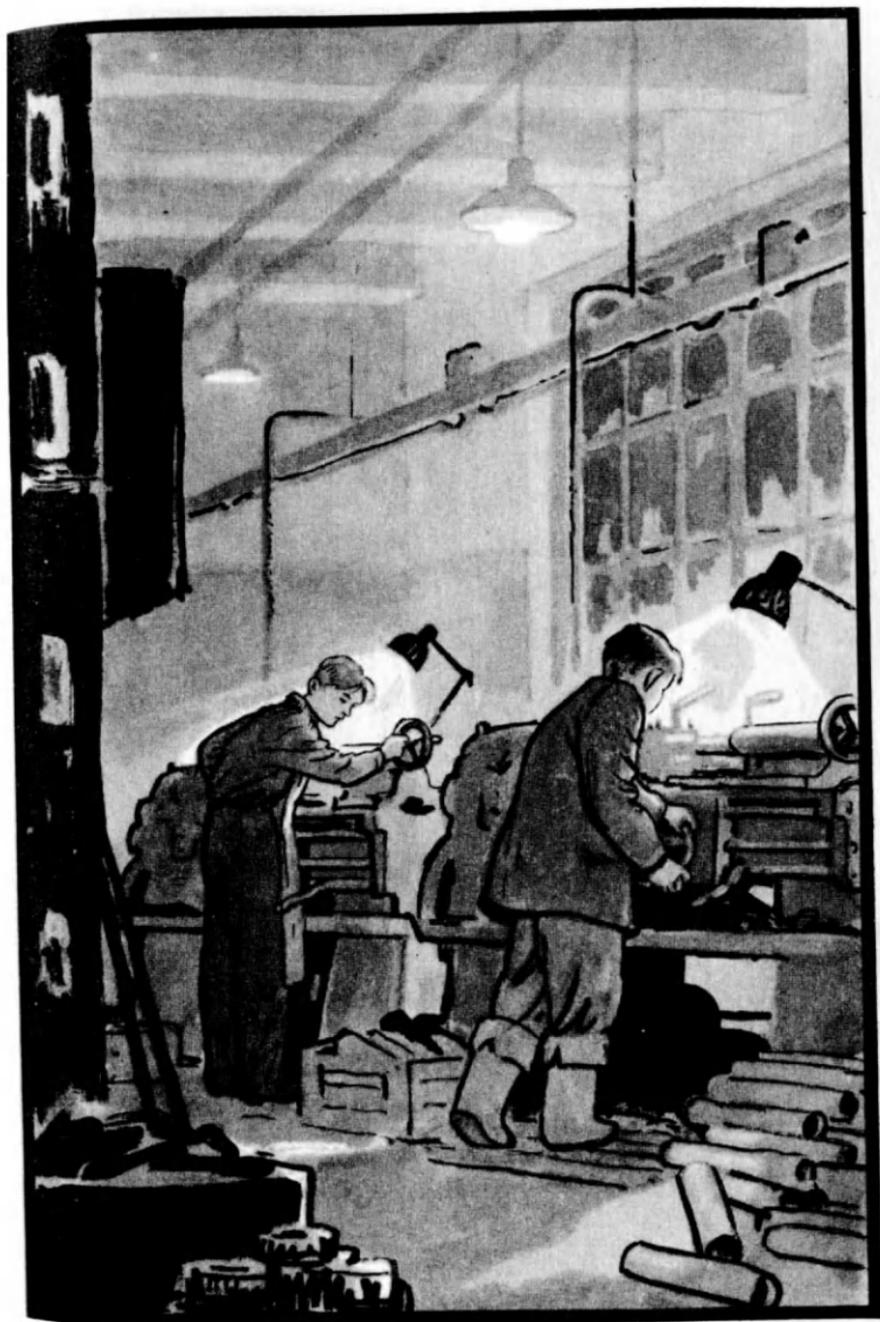
— Один только ваш Малышок сознательный!.. Выпей мое суфле! — ответил он с досадой.

— Постараюсь! — прыснула Леночка, тут же сконфузилась, что она такая жадная, и добавила: — Я Кате половину отдам...

Когда девочки вернулись в цех, они увидели, что Костя и Сева уже приготовили небольшой запас обдирок для Катиного станка.

Новый ветер

Сразу после сменного гудка Колька Глухих помчался за колонны с изумительной, поразительной новостью. Стоп — неудача! За колоннами было людно. Леночка и Сева под руководством Зиновки прикрепляли к централь-

Фронтная бригада не сдалась.

К стр. 246

ной колонне большой фанерный щит. Для этого они сдвинули два инструментальных шкафчика, на них поставили табуретку, а на табуретку взгромоздился Сева. Девочки боялись, что он упадет, но Сева успешно сделал все, что требовалось. На щите было написано: «Здесь работает молодежная фронтовая бригада».

За черновыми станками токарили Костя и Катя, а Герасим Иванович сидел на стеллаже. Колька, притаившись за колонной, слышал его неторопливую речь:

— Видишь, Малышок, что получается. Еще все лыком шито, а сколько уже за пробную смену «труб» сдали! Наладите работу, и не то будет... Это ты правильно сообразил, что Галкина должна иметь задел обдирок. Ты ее станок до простоев не доводи, чтобы общий показатель не съезжал. Только не позволю я вам после смены сверхурочно дыры латать. Ваше дело молодое — в кино бегать, учиться, как в присяге задумано. Ты работу так организуй, чтобы задел не снижался, тогда и будешь кум королю...

Колька сгорал от мучительного нетерпения. Да когда же кончится этот пустой разговор! Уф! Герасим Иванович ушел, но Зиночка задержалась за колоннами, где стало так уютно, где было так светло и от добавленной сильной лампы и от веселых лиц ребят.

— Значит, до завтра! — наконец сказала она. — Я попросила машинистку покрасивее перепечатать присягу на чертежной бумаге... Всего хорошего, юные гвардейцы труда!

Теперь девочки стали за черновые станки, Костя и Сева потащили лист со стружкой на транспортер-вибратор, или, как его называли в цехе, дрожалку, а Колька, конспиративно оглядываясь и равнодушно посвистывая, последовал за ними. Транспортер находился у противоположной стены цеха. Лотки тряслись с однообразным дребезжащим звуком.

— Деятели, последнее слово техники! — задыхаясь, сказал Колька.— Заказал Ваньке Байдукову, инструментальщику, зажигалку новой конструкции... Берет запас горючего на целый месяц... Два фитиля...

Было в порядке вещей то, что Костя встретил чудесную зажигалку насмешливой улыбкой, но Сева!.. Он, сбрасывая стружку на транспортер, точно не слышал экстренного сообщения. Разочарованный, оскорбленный Колька толкнул его плечом:

— Слышал?

— Новую игрушку нашел, деятель!..— отметил Сева спокойно.— А сколько ты еще светящихся компасов купил, голова? — И ушел с Малышком, не обращая внимания на ошеломленного конспиратора.

Колька растерялся... Ведь какой это был человек! В школе, а потом на заводе он непременно чем-нибудь увлекался, первый подхватывал моду и суматошился за десятерых. Начнут ребята собирать диковинные камешки — его карманы тотчас же разбухнут, камни появятся везде: в школьной парте, дома на подоконниках, даже под подушкой. Он камнями хвастается, он камнями обменивается. Пройдет мода на камни, но некоторые ребята продолжают заниматься минералогией, составляют коллекцию, дружат с камнерезами, мечтают поступить в Горный институт. Кольки среди них нет. Его ужехватило новое увлечение: то он наспех клеит авиамодель, которая одним махом должна побить все имеющиеся всесоюзные и мировые рекорды дальности, продолжительности и высоты полета, то ищет какую-то необыкновенную почтовую марку, то с ожесточением гоняет голубей...

Как только он остался один на один с золотой тайгой, он почувствовал себя несчастным. Ему и в голову не пришло, что он может сказать Севе: «Выкладывай начистоту, почему ты так охладел? Если раздумал идти в тайгу я

возьму дело в свои руки». В конце концов, для него было важно не золото, а всяческий шум — тайные совещания, подмигивания, зажигалки с вечным огнем и светящиеся компасы во всех карманах.

Со стороны

На другой день Колька пораньше явился в цех с одной мыслью: выяснить мучительный вопрос об экспедиции.

Опять неудача! За колоннами был весь цех, чуть ли не весь завод. Колька с трудом пробился сквозь толпу ребят, захваченных тем, что происходило. Возле бригадной доски показателей директор о чем-то беседовал с парторгом. Были тут еще Зиночка Соловьева, Нина Павловна, Герасим Иванович, Балакин, начальник первого цеха Тимошенко, токарь Иван Стукачев. Члены бригады стояли каждый у своего станка. Катя Галкина была бледненькая, натянутая. Леночка Туфик все поправляла очки. Она то озиралась вокруг, как совушка, то крепко жмурилась. Костя напустил на себя серьезность, а Сева вообще был неузнаваем. Он неизвестно когда успел подстричься, а вокруг шеи навернул голубое шелковое кашне.

— Вот так шум, деятели! — сказал Колька. — Тут и женят, тут и замуж выдают?

Но молодые рабочие, столпившиеся между колоннами, не поддержали его шутку.

Как раз в эту минуту Зиночка спросила у Кости, точно сама не видела:

— Товарищ Малышев, все члены бригады на месте?

— На месте... — ответил «товарищ» Малышев.

— Юные патриоты молодежного цеха, следуя примеру рабочих второго цеха, решили по-новому, по-фронтовому, организовать свой труд, чтобы скорее выполнить клятву уральцев, — волнуясь, громко заговорила Зиноч-

ка.— Они организуют фронтową бригаду и принимают присягу... Оглашаю текст присяги.

— Снимите головные уборы! — сказал директор и первый снял шапку.

Головы обнажились. У Кольки между лопатками посыпались холодные мурашки. Чего бы он ни дал, чтобы занять место Севы или Кости! Все ребята подались немного вперед, чтобы лучше слышать, а Колька выскочил так далеко, что Герасим Иванович бросил на него строгий взгляд.

«Мы, юные патриоты любимой Родины, принимаем торжественную присягу в том, что...» — читала Зиночка, внятно выговаривая каждое слово.

Члены бригады повторяли за нею, а все, кто слушал, повторяли эти большие слова про себя.

Когда Зиночка прочитала, что члены бригады не оставят рабочее место до тех пор, пока не выполнят любое задание, как гвардейцы не покидают поля боя до полной победы, ребята зашептались:

— Здорово! Как гвардейцы!

А когда Зиночка прочитала, что члены бригады обязуются выработать ежедневно не меньше ста семидесяти пяти процентов общебригадной нормы, ребята так и качнулись. Шутка ли — сто семьдесят пять процентов! И не уходи, пока не сделаешь! Услышав это героическое решение, каждый спросил себя: «А я так смогу?»

Почему же Колька ничего не понял? Он подмигнул и громко сказал:

— Булкин-Прогулкин — и вдруг сто семьдесят пять!.. Булка, ты серьезно?

Он выскочил с этой глупостью как раз тогда, когда Зиночка сделала паузу, передышку, прежде чем перейти к обязательствам по культуре и дисциплине. Его слова повисли в воздухе. Сева притворился, что не слышал их, но даже его лазоревое кашне покраснело...

Колька встретился с сердитым взглядом парторга, хотел нырнуть в толпу зрителей, но ребята между колоннами сбились плотно, и ему не удалось спрятаться.

— Прошу слова! — сказал директор, когда члены бригады расписались под присягой.— Прежде всего поздравляю наших юных патриотов с тем, что они нашли в себе мужество последовать примеру взрослых стахановцев и принять серьезные обязательства... да, серьезные обязательства. Придется работать упорнее, больше... фронтовая молодежная бригада будет достойна своего боевого имени. Никто не сомневается о том, что они преодолеют трудности.

Кто-то в задних рядах крикнул:

— Теперь не дрейфь, а то просмеем!

— Не сдрейфим! — воинственно ответила Катя.— Доска показателей скажет, как мы дрейфим!

Теперь взял слово парторг Сергей Степанович. На заводе полюбили этого спокойного, внимательного человека. Все знали, что он фронтовик, что он награжден боевым орденом, и поэтому все зааплодировали.

— Нет, не сдадут своих позиций юные гвардейцы трудового фронта! — сказал он.— Бригадники покажут дорогу тем рабочим молодежного цеха, которые желают внести в свой патриотический труд больше организованности, производственной культуры и дружбы. Тут один молодой рабочий, которого вы, может быть, знаете...

Поднялся смех:

— Знаем — лодырь, каких свет не видал!

— Марками почтовыми торгует!

— Глухих, о тебе говорят!

— Этот Глухих бросил обидное — прямо скажу, глупое — слово по поводу члена бригады Всеволода Булкина. На месте Булкина я ответил бы так: «Не бойся, товарищ! Никто меня не тащил в фронтовую бригаду. Я вступил в нее добровольно, подчиняясь патриотиче-

ским велениям своего сердца,- и стану стахановцем военного времени. Советую тебе последовать моему примеру и крепко взяться за работу, чтобы твой отец-фронтовик мог гордиться своим сыном». Правильно ли я ответил, товарищ Булкин?

— Все правильно! — сказал просветлевший Сева.

— Слово имеет стахановец Иван Стукачев! — объявила Зиночка.

— Ребята! — сказал Стукачев, снял кепку, надел ее, снова сдержнул и улыбнулся.— От имени фронтовиков второго цеха поздравляю вас с организацией бригады. Вы давайте больше деталей, а я, коли меня отпустят в танковую школу, на фронте не подкачаю! — Все, в том числе и директор, зааплодировали, а Стукачев вынул из кармана резец и протянул его Косте: — Вручаю тебе мой чистой победитовой резец. Смотри, чтобы меньше ста семидесяти пяти процентов этот резец не знал!.. Давай руку! — Он крепко пожал руку своему бывшему ученику.

— До гудка одна минута,— сказал директор, посмотрев на часы.— Молодежная фронтовая бригада начинает свой первый день. Надеюсь, что она недолго будет единственной в молодежном цехе.— И он крикнул: — За станки! Отметим этот день высокой выработкой!

Рабочие молодежного цеха разошлись по своим местам. Вокруг только и было разговоров, что о бригаде, только и было интересов: справится ли она со своими обязательствами, не завалится ли? Все желали ей успеха, так как каждый молодой рабочий видел себя в близком будущем тоже гвардейцем трудового фронта. Нина Павловна шепнула Косте: «Смотри, какое большое дело ты начал!» — и он смутился. Конечно, дело получилось большое, а кто его начал? Неужели он? Он с помощью Балакина предложил мастеру разделить операции, но ведь еще до этого Катя придумала работать на пару и дока-

Зала, что дружная работа дает больше, чем работа в одиночку. Вот и реши, кто начал!

— Посмотри за моим станком, я сметаюсь на пять минут,— сказал Сева на ухо Косте.

— День не начался, а ты — бегать!

— Я не бегать... Мне нужно...— настаивал Сева.— Мне нужно с Колькой Глухих объясниться.— И по его лицу, по блеску его глаз было видно, какое объяснение задумал Сева.

— Что выдумал! Вот присягу дал вести себя культурно, а сам надумал драться... От станка не уходи!

— Командир, я уже третью деталь из задела беру!— крикнула Катя.— Где свежие обдирки?

Пришлось Севе взяться за работу.

Одно сердце

Так вот, за колоннами, в молодежном цехе, было четверо рабочих, которые совсем недавно пришли на завод из родной семьи. Как только молодые рабочие немного овладели техникой, они решили сделать так, чтобы старенькие «Буши» стали как один сильный станок, а для этого понадобилось, чтобы четыре рабочих сердца стали как одно большое и сильное сердце.

После того как Костя получил серый пакет, ему иногда казалось, что он одинок.

Теперь это тяжелое чувство не возвращалось, потому что он заботился не только о себе, но также о Кате, Леночке и Севе. Когда они радовались, он тоже радовался, а когда печалились, он старался, чтобы печаль скорее прошла.

Если у Кости что-нибудь не ладилось, Катя непременно спрашивала: «Ну, что у тебя?» — и все бригадники ему помогали.

Ребята вместе ходили на работу и с работы, в столо—

вую и в кино. Если кто-нибудь из них отлучался неизвестно куда, все беспокоились, где он, а если у кого-нибудь заводился секрет, все обижались до тех пор, пока секрет не раскрывался.

Раньше Катя считала только себя лучше других, а теперь она гордилась, что их бригада самая лучшая в цехе. Леночка Туфик по-прежнему ойкала и шушукалась с Катей, но работала все лучше и лучше и готовилась вступить в комсомол.

Сева?.. Вот с Севой, пожалуй, было неясно. Он совсем раззнакомился с Колькой, работал не хуже других, но ребятам казалось, что у него есть тайна. Однажды он ушел в город на весь выходной день, вернулся оживленный, встревоженный, принес всем по леденцовому петушку на палочке, и ребята пили чай, облизывая петушков, что было забавно. Но ведь не за петушками же Сева ходил целый день!

Он, кроме того, бегал в заводоуправление справляться, нет ли ему письма, но ребята не знали, кто ему должен написать.

Старый мастер убедился, что Малышев — удачный командир.

Костя завел в бригаде строгий порядок — даже для подкраски шкафчиков и стеллажей он установил определенные дни. Он делал так. Сначала объяснял на планерке, что придумал, добивался, чтобы все признали: да, придумал правильно, а потом, если кто-нибудь делал не так, он говорил: «Что ж, ты своему слову не хозяин?» — и Леночка его поддерживала. Командиры новых молодежных бригад бегали к Косте советоваться насчет порядка. Он без отказа давал совет, а потом проверял, как получилось.

Много больших событий было в жизни бригады. Например, вся бригада участвовала в общегородском слете передовиков производства в оперном театре.

Косте очень понравился большой, красивый театр, и он узнал от ребят новые слова — «партер», «бельэтаж», «ярус» — и услышал интересные речи о том, как сталевары, прокатчики, пушкари, машиностроители выполняют уральскую клятву.

Девочки купили мальчикам зубные щетки. Костя сразу научился чистить зубы — не мудрость, но вздумал сушить щетку на печке, она рассыпалась, и он предложил пользоваться Севинной щеткой поочередно, но Сева объяснил, что это негигиенично, то есть нездорово. Так Костя узнал еще одно хорошее слово и купил новую щетку, даже лучше старой...

— Малышок, на минутку!

Костя, бегавший во двор посмотреть, из какого штабеля лучше взять заготовки, увидел Кольку Глухих. Они ушли за Гималаи — свалку стружки.

Колька потоптался на месте и спросил:

— Значит, с золотом и тайгой точка? Севка не шьет и не порет...

Золото, тайга? Костя так давно не слышал об этих вещах, что его сердце встрепенулось. Может быть, оно встрепенулось еще и потому, что с крыш свисали первые маленькие сосульки; может быть, оно встрепенулось потому, что снег на солнечной стороне Гималаев стал темным и сочился мутными слезками, в которых дрожали разноцветные огоньки. Костя внимательно посмотрел на Кольку, на несчастного Кольку Глухих, которому до сих пор ребята молодежного цеха напоминали, как он оскандалился, когда бригада принимала присягу. Скривив свой маленький ротик, конспиратор жалко улыбался.

— Я за Севолода не ответ,— сказал Костя.— А ты с ним толком поговори.

— Да, как же! Я хотел, а он кричит: «Пошел вон с твоими дурацкими игрушками! Очень ты мне нужен!

Скажи спасибо Малышку, а то я с тобой объяснился бы как следует»,— и кулак, будто маленькому, показал. Вот здорово! Может быть, он нашел другого товарища для похода в тайгу?

— Не... не нашел,— подумав, ответил Костя.— Да, может, Севолод и сам не пойдет...— Толкнув Кольку плечом, он добавил:— Ты не кисни, все ладно будет! У меня мысль есть...— и побежал в цех.

О чем думала его голова, когда было сказано это слово, удивившее Кольку? Действительно, казалось, что у Кости есть какая-то мысль, а какая именно, он сам не знал. Он просто думал, что вот болтается в ремонтном цехе, возле незагруженных «Бушей», Колька Глухих. Взрослые рабочие в этом маленьком цехе часто меняются, нет над Колькой старшего, и он лодырничает.

Вскоре произошли события, которые сделали эту мысль совсем ясной.

Ч А С Т Ь

Т Р Е Т Ь Я

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кутерьма

События начались в то утро, когда Костя опять чуть не поссорился с Катюшей. Они шли на работу. Было совсем светло. Солнце теперь вставало рано, чтобы скорее растопить тонкий серебряный ледок в лужах, из которых за ночь убежала вода. Леночка и Сева о чем-то разговорились и незаметно для себя ушли вперед, а Костя с Катей отстали.

— Не нужно бежать, как на пожар, — сказала она. — Погода такая хорошая. Подышим воздухом.

Они дышали воздухом, но дело было не в воздухе. На холме солнце вдруг осветило ее лицо, и Костя увидел, что у Кати серые щеки, глаза тусклые, а под глазами мешочки. Она зажмурилась, остановилась, нетерпеливо размотала шарфик, пожаловалась: «Опять бабушка меня так глупо закутала!» — а потом покачнулась, схватилась за Костину руку и стала часто, коротко дышать.

— Посто́й немного, — шепнула она. — Почему-то мне сразу стало... нехорошо...

— Занедужила? — встревожился Костя.

— Нет, ничего... Пожалуйста, не поднимай шуму!

Она медленно двинулась дальше, а Костя пошел рядом, чтобы в случае чего не дать ей скатиться с холма.

— Сама виновата, Катерина! — сказал Костя.

— Опять ты пристаешь со своими глупостями! — сердито ответила она, так как поняла, что скрывалось за его словами.— Кто тебя просит? Думаешь, как только пойду к доктору и... помирюсь с Ниной Павловной, так сразу и вылечусь? Все это напрасно, потому что папа, конечно, погиб... Сколько времени прошло, а писем все нет... И я уверена, что она... тоже перестала ждать. Забыла папу... Совсем забыла, бессовестная такая!..

Это возмутило Костю. Он видел, он хорошо видел, как измучилась, похудела Нина Павловна, дожидаясь весточки с фронта, как непосильно она работает, чтобы отогнать тяжелые думы. Да и Катя, конечно, видела это. Он чуть не выругал ее, но сдержался, бросился вперед и нагнал Леночку.

— Подожди Катерину, недужит она,— сказал он.— Пойдем, Севолод, вместе.

Дальше произошел разговор, опять-таки очень болезненный для Кости.

— Лену послезавтра в комсомол принимают,— сообщил Сева.— А ты, командир, почему не подаешь заявление?

— Не примут меня в комсомол, годы не вышли,— ответил несчастный командир самой счастливой бригады.

— Как это — не вышли? Для завода вышли, а для комсомола нет? Вот чудак!

— И для завода не вышли... Миша в анкете про меня правильно написал, да, видать, в отделе кадров не заметили.

— Ну и считай, что, если тебя на завод приняли, значит, и для комсомола ты подходишь. Так и напиши в заявлении.

— Нельзя комсомолу врать,— совершенно расстроившись, возразил Костя.— Я бы написал, да нельзя.

Не заладился этот солнечный день и для самого Севы. Он до гудка забежал в заводууправление справиться, нет ли письма, долго пропададал, а когда явился за колонны, Костя не решился сделать ему замечание. Сева застыл столбом у своего станка, потом полез в шкафчик, стал перед ним на колени и закрылся от всех дверцей, как делал это всегда, когда хотел скрыть свои чувства.

Что случилось? Раздумывать над этим было некогда — новая неприятность подстерегала бригаду. Второй цех не смог дать электрокар. Ребят так пришпорило, что они решили возить заготовки со двора в тележке.

— Не приставай! — едва слышно сказал Сева, когда Костя начал торопить это дело, но все же три раза подряд привез заготовки, сделав рейсы удивительно быстро.

Костя хотел его похвалить, но у Севы все еще было такое сумрачное, бледное лицо, что язык не повернулся. Вдруг за колонны влетел маленький, толстый начальник материального склада в сопровождении Герасима Ивановича.

— Кто позволил заготовки из-под косого креста брать?! — кричал начальник склада.— Что за безобразия! Куда ваши старшие смотрят?

Оказалось, что Сева брал заготовки из ближнего штабеля, отмеченного косым черным крестом, куда складывали металл, забракованный центральной заводской лабораторией.

— За такую штуку мы тебе, Булкин, выговор по цеху Дадим,— сказал Герасим Иванович.— Вот твоя знаменитая лень опять наружу в полной красоте вылезла.

— Я брал заготовки без «бэ»,— оправдывался Сева.— Они не в штабеле лежали, а возле штабеля. На них не написано мелом «бэ»,— значит, они не брак...

— Кто лучше знает — ты или я? — разозлился начальник материального склада.— Хозяин нашелся!

— Чего там кричать! — успокоил его Герасим Иванович и приказал: — Тащите теперь, ребята, все, какие есть, заготовки в бракованный штабель.

Поднялась кутерьма. Мальчики бросились выправлять положение. Из двух черновых станков один стал. Начались простои и на Катином станке. Когда все заготовки были заменены годными, Катя подсчитала отделанные «трубы».

— Спасибо, Сева, мы из-за тебя уже на восемь «труб» опоздали,— сказала она.

Виновник происшествия промолчал — может быть, потому, что за колоннами был Герасим Иванович, а может быть, потому, что сознавал свою вину.

— Ты его, Катерина, не трожь: у него что-сь стряслось,— мимоходом шепнул Костя.

— Ну и денек! — вздохнула Катя.— Все вверх дном! Совсем сели!..

Неудачная съемка

Но самое тяжелое было впереди. Во второй половине смены Зиночка привела за колонны пожилого рыжебородого человека. Под мышкой у него был деревянный фотографический штатив, а пальто оттопыривалось на боку. В последнее время за колоннами перебивало много гостей; их приводила то Зиночка, то работники завкома, то сам парторг — показать, как используется старая техника. Гости бывали разные, но этот был самый серьезный.

— Здесь работает наша лучшая молодежная фронтовая бригада,— сказала Зиночка.— С нее и можно начать.

Гость огляделся и пробормотал:

— Культурно, культурно. Сниму актив бригады,— решил он.— Самых боевых... Редакция просит групповой снимок новаторов, лучших молодых стахановцев.

— В бригаде только четыре человека,— замялась Зи-
ночка.— В активе, конечно, сам Малышев — он извест-
ный новатор, потом Катя Галкина — она лучшая стахан-
новка, и потом политрук бригады Лена Туфик...— И она
замолчала.

— И еще Всеволод Булкин!— строптиво добавила
Катя.— Вообще в бригаде все работают хорошо.

— Но, Катя, ты понимаешь, что нужно снять актив,—
зашептала Зиночка.— А Сева сегодня устроил такую воз-
мутительную вещь... Разве это сознательность?

— Ничего! Он больше не будет.

— Ой, конечно! — поддержала подругу Леночка.

— Пожалуйста, мне вовсе неинтересно сниматься! —
равнодушно проговорил Сева и крепче затянул кашне на
шее.

— У нас вся бригада заодно! — вступился за него Ко-
стя.— Мы всегда вместе. Сниматься — так всем.

— Всех сниму! — решил фотограф.— Аппарат выдер-
жит. Хорошо то, что народ дружный, значит — актив...
Молодые люди, подойдите к доске показателей. Мальчи-
ки, снимите шапки и пригладьте волосы. Смотрите только
друг на друга, будто меня не существует...

Ребята смотрели друг на друга во все глаза, но пре-
красно видели, что делал будто несуществующий рыже-
бородый человек: он достал из-под пальто фотоаппарат в
кожаном чехле, привинтил к штативу и нацелил на брига-
ду, потом в его руках очутилась непонятная штука — ме-
таллическая трубка с площадкой. Рыжебородый насыпал
на площадку серебряного порошка из баночки и поднял
трубку высоко над головой.

— Вы, молодые люди, всегда такие серьезные? —
спросил он.— Ку-ку!

Невольно все рассмеялись. Тут что-то шелкнуло, и
блеснул ослепительно яркий свет.

— Культурно, культурно! — похвалил ребят фото-

граф.— А теперь назовите себя и скажите, кто у кого на фронте. Я запишу.

Когда очередь дошла до Кати, она сказала:

— Я Галкина Екатерина... У меня папа фронтовик.

— Пишет?

— Нет, давно не пишет.— И отвернулась.

Человек нерешительно проговорил:

— Значит... значит...— Он, может быть, хотел спросить: «Значит, неизвестно, жив ли?» — но решил так:— Я только запишу, что отец на фронте. У меня тоже... сын не пишет с декабря прошлого года. Он был в энской особой дивизии. Я надеюсь, что все обойдется. И вы, Катя, не расстраивайтесь...

Этот суровый человек теперь стал просто грустным, опечаленным пожилым человеком. Зиночка повела его в другие бригады.

— Нас в газете напечатают!.. Ой, я совсем как слепая выйду! Меня никто не узнает! А рот я открыла, потому что смеялась!..— затараторила Леночка.

— Ты что, Катерина? — спросил Костя.

Она пошатнулась, провела рукой в воздухе, хотела опереться о станок, но промахнулась и медленно опустилась на пол, точно выбирала место, где сесть.

— Ну что ты, что ты, Катенька! — залепетала Леночка и бросилась к ней.— Опять голова закружилась?

— Папа тоже с декабря не пишет... Он был... в особой...— сказала Катя, закрыла глаза и склонилась до самого пола.

— Да поднимите же ее! — закричала Леночка.

Первым подоспел Сева, но Костя отстранил его, стал поднимать Катю и даже испугался — в ней совсем не было веса.

— Сами идите в медпункт, если вам нужно! — сердито проговорила Катя, вырвалась из рук Кости и опустилась на стеллаж.

Ей дали напиться воды из кружечки, Костя взял под руку, Леночка под другую, и они повели — вернее, понесли — Катю. К ним присоединилась встревоженная Нина Павловна. И Катю доставили в медпункт, где главным был старый доктор.

По дороге Катя созналась, что была простужена и ходила на работу с температурой, скрывая это от бабушки и товарищей. И не хотела идти к врачу, потому что боялась, что он заставит ее сидеть дома.

С тяжелой душой возвращался Костя за колонны. Бригада вдруг осиротела, потому что лишилась одного человека. Она лишилась одного человека: маленькой, слабой синеглазой девчурки, но как будто стала в тысячу раз слабее, чем была, — так ему показалось.

Один за троих

Он сначала не понял, что случилось. За колоннами уже горел свет, и все черновые станки, все три черновых станка работали. От станка к станку ходил Сева, осторожно и легко, будто двигался по ниточке, готовой порваться. Лицо у него было непривычно оживленное, какое-то светлое, красивое, точно освещенное еще одной яркой лампой.

Он остановил станок, снял ободранную деталь, зажал новую заготовку, пустил станок, проходя мимо другого станка — охладил резец, а на третьем ловко сменил заготовку и продолжал путешествие.

Острая зависть пронзила сердце Кости. Но это была не только зависть — это было также восхищение. «Ты, гляди, наделаешь делов», — хотел он сказать товарищу, но промолчал, потому что его руки зачесались, загорелись. Он мысленно повторял каждый шаг, каждое движение, сделанное Севою, и не сразу заметил Герасима Ивановича... Между колоннами появилось несколько ре-

В цехе уже было совсем пусто, но за колоннами «Буши» продолжали свое дело. Костя снял первую готовую «трубу», а Сева велел ему:

— Считай!

— До скольких?

— До... ста шестидесяти!

Это значило — двести процентов плана! «Испугал!» — задорно подумал Костя и крикнул так, что в цехе зазвенело эхо:

— Сто двадцать одна!

За колонны, шаркая валенками, прибежала учетчица, старенькая тетя Паша, со своим замасленным блокнотом.

— Что же вы, не сдаетесь, ребята? — спросила она.

— Не сдаемся! — ответил Сева. — Смена не кончилась!

Фронтальная бригада не сдалась.

Признание

Крикнув: «Сто шестьдесят!» — Костя выключил станок и побежал сдавать резцы в заправку и договариваться об электрокаре. Когда он возвратился, Сева уже кончил уборку стружки и сидел на стеллаже, вытянув уставшие ноги на середину прохода. Костя улыбнулся. Ему живо представилось, как завтра заойкает Леночка, как обрадуется Катя, услышав, что, несмотря на все неудачи, фронтальная бригада устояла и впервые сделала двести процентов — две нормы, целую гору «труб», которые так весело блестят, отражая свет ламп.

— Только они — актив! — процедил Сева сквозь зубы. — Только они — новаторы, а Севка — Булкин-Прогулкин... Надавали вам горячих? Съели?

Его слова ошеломили Костю.

Стало темно, холодно, точно у него отняли что-то

очень большое, светлое, хорошее. Да ведь и то сказать — какие злые, мелкие это были слова.

— Значит... значит, нарочно ты так вот сделал? — через силу проговорил он, желая этим выразить, что его товарищем руководило только желание пофорсить, показать себя.— Я думал, ты на самом деле... а ты нарочно, нахально...— И, махнув рукой, он пошел прочь, чтобы скорее скрылся с глаз неправильный человек.

— Как это можно нарочно на трех станках **работать?** — насмешливо осведомился Сева.

— Мало что... Ты это со зла, а не сознательно...

— Только вы сознательные?

— Уж не такие, как ты...

Сева вскочил и крепко схватил его за плечо.

— Только вы сознательные! Да? Только вы! — выкрикнул он тонким голосом, глядя на Костю бешеными глазами, и его губы задрожали.— На! На, читай, сознательный! — Выхватив из кармана потертый клеенчатый бумажник, Сева вынул из него и сунул Косте какую-то бумажку.

Это было извещение о том, что среди эвакуированных граждан, зарегистрированных в бюро, Софья Наумовна Булкина не числится и что в бюро также не поступало запросов о местонахождении Всеволода Булкина. Конечно, Костя не смог разобраться, в чем дело.

— Я сегодня это извещение получил,— объяснил Сева.— Помнишь, я в воскресенье куда-то ходил? Это я в бюро ходил... которое об эвакуированных справки собирает. Я там заявление написал, запрос, где мол **мама**, Софья Наумовна Булкина.— Его голос охрип.— Видишь, **Мама** не эвакуировалась. Значит... ее фашисты в Каменке убили.

— Почему знаешь? Может, и не убили.

— Да... много ты понимаешь! Помнишь, когда я в

красном уголке газету порвал? Я ее не порвал... я только кусок вырвал... Читай!

На обрывке газеты был напечатан «Рассказ партизана», и Костя все прочитал.

Один красный партизан перешел фронт и рассказал, что фашисты превратили в «зону пустыни» Каменку, которую они называли «партизанское гнездо номер первый».

Фашистские танки всё раздавили, фашистские пули убили всех, кто не успел бежать, а фашистский огонь сжег все, что не успели уничтожить танки. Вот и исчезла Каменка — красивый зеленый городок, где до войны люди жили хорошо, богато.

Теперь Костя все понял. Он понял, почему Сева так взялся за работу и вступил в бригаду, почему он так изменился.

На сердце у него стало тепло и жалостно, захотелось стереть обидные слова, которые он только что сказал товарищу.

— А я думал, ты пофорсить хотел...

Сева стал рыться в шкафчике и закрылся от Кости дверцей.

— Я и пофорсить хотел, дурья ты голова,— ответил Сева, будто совсем спокойно,— чтобы вы понимали... Еще неизвестно, кто сознательнее.— Он помолчал и проговорил совсем тихо, но так, точно грыз железо: — Фашисты — гады. Они хотят везде так сделать — «зону пустыни»... Я их ненавижу больше, чем все вы! Я бы каждого убил своей рукой... Я везде буду первый, и за станком, и все сделаю, что задумал!..— Голос его оборвался, он помолчал, со стуком захлопнул дверцу и поднялся с красными пятнами на щеках.— Где электрокар? Заготовки нужно привезти, резцы из заправки взять. Поворачивайся!

— Ты что сосешь? — с надеждой в голосе спросил

Костя, когда они складывали возле станков привезенные заготовки.— Сахар небось?

Уже немного успокоившийся Сева вынул изо рта корочку.

— Не беспокойся, сахар пойдет куда нужно,— ответил он.— Пускай сдохну, если до похода трону запас!

Итак, несмотря на всю свою сознательность, Сева все-таки собирался за золотом.

Неслышанное

лекарство

Прежде чем отправиться домой, Костя забежал в лабораторию к Нине Павловне. Она ходила из угла в угол, а возле стола сидел старенький, совсем лысый доктор из медпункта и задумчиво постукивал пальцами по ручке кресла. Этого человека на заводе уважали, потому что он всегда интересовался, кто болен, кто поправился, всегда шутил, что болеть вредно для здоровья, и всех угощал витаминными таблетками.

— Тебе что нужно? — спросил он у Кости.— Покажи язык... Ух, какой мокрый и красный! Стой возле печки, пока не высохнет, а потом съешь это.— Он положил на язык Кости кисленькую таблетку и продолжал разговор с Ниной Павловной: — Так вот, голубчик, я повторяю: все это не только результат болезни, но и тяжелого нервного состояния... Нужен покой, сон и питание — это главное... Вы говорите, что можно отправить барышню к ее тете в лесничество. Недели через две надо так сделать, а пока — сон, покой и питание.

— Сон и покой — это вполне доступно,— ответила Нина Павловна,— а вот питание... Она ничего не ест...

— Отдохнет немного — появится аппетит. Но о питании нужно подумать серьезно. Конечно, завод поможет... Но что он даст? Сахару, муки... По мирному времени нужен был бы шоколад, какао, как можно больше молока,

масла, яиц... Вот тогда мы подняли бы барышню недели за три, за месяц...

— Шоколад, какао? — усмехнулась Нина Павловна.— Вопрос не в деньгах... Где это взять сейчас? В магазинах, конечно, нет... Но что-то нужно придумать... Я завтра отпрошусь у директора на полдня. Весь город переверну, а достану.

До сих пор Костя был уверен, что шоколад — это баблство, а теперь понял, что шоколад — лекарство. В его памяти, как наяву, встали толстые плитки в серебряной бумаге.

Доктор ушел, наградив Костю еще одной таблеткой.

— Что делать, Малышок? — сказала Нина Павловна.— Как поскорее вылечить Катюшу, капризульку нашу?.. Знаешь, она не отняла рук, когда я их грела. Смотрит на меня так горячо, жалобно, хочет что-то сказать, а сердце все бунтует, все не уступает... Руки такие тоненькие, холодные, каждая косточка видна. До чего довела себя, глупенькая! — Нина Павловна сжала виски, подумала и сказала: — Понадобится — достану и птичье молоко! Вася мне не простит, если с нею что-нибудь случится. Ты не можешь себе представить, как он ее любил!..

Нину Павловну вызвали в цех пробовать новый способ закалки деталей, а Костя вернулся за колонны, где его ждал Сева, закончивший подготовку участка к завтрашнему дню.

„Я *достану!*“

На другой день Нина Павловна явилась за колонны уставшая, озабоченная и рассказала ребятам о своей неудаче: она обошла весь город и только даром потеряла время.

На базаре продавали плитки шоколада, но такого плохого, что она не решилась купить. Была в облздравстделе, была в горторготделе... везде была. Люди гово—

рят: «Война, ничего не поделаешь». Кто-то сказал, что шоколад и какао есть в госпитале, но, конечно, совесть не позволила ей туда обратиться.

Ребята слушали молча.

— Как она себя чувствует?— спросила Нина Павловна, закончив повесть о своей экспедиции.

— Все спит и спит,— ответила Леночка.— Я к ней зашла, она открыла один глаз, сказала: «А, это толстая Ойка»,— и опять заснула...

— Пускай спит,— вздохнула Нина Павловна.— Доктор говорит, что дня через два-три появится аппетит. Нужно приготовить необходимое питание. Завтра с утра опять пойду искать.

— Не ходи! — сказал Костя.— Я пойду... Ты попроси Герасима Ивановича, пускай меня отпустит.

— Куда ты пойдешь?

— Шоколад да еще что покупать.

— Где ты достанешь, чудак! — засмеялся Сева.— Подумаешь, чудотворец! Теперь уже он форсит... видишь, Лена!

— Действительно, где ты достанешь? — спросила Нина Павловна, удивленно глядя на Костю.

— Не украду!

— Возьми деньги,— протянула она пачку бумажек.

Поколебавшись, он старательно спрятал деньги, которые ему были совсем не нужны, и приказал ребятам продолжать работу.

— Завтра, Севолод да Ленушка, вы на пару останетесь,— сказал он.— Должны справиться.

— Не бойся, справимся... Но разрешите все-таки узнать, товарищ командир, куда вы собрались? — осведомился Сева.

— Секрет,— ответил Костя.

— И не надо! — обиделась Леночка.— Не спрашивай

его больше ни о чем, Сева! У нас тоже будет секрет. Я тебе одному скажу. Очень большой, важный секрет...

Так они и остались со своими секретами.

Нина Павловна, заглянув на минутку за колонны, сказала, что Герасим Иванович разрешил Косте завтра пойти в город, потому что, как заявил старик, бригадир, конечно, должен заботиться о членах своей бригады.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Золотинка

Утром, как только Сева отправился на работу, Костя сказал Антонине Антоновне:

— Ты, Антоновна, меня снаряди. Рюкзак дай, баночку... Мешочек еще... Гляди, не нашими, не потревожь Катерину.

Он говорил так серьезно, что Антонина Антоновна, очень уважавшая своего квартиранта, поспешила выполнить его просьбу.

— Куда ты? Кажись, продукты я все выкупила на месяц,— спросила она, когда сборы были закончены.

— Вернусь — скажу,— пообещал Костя.

На конечной остановке он забрался в пустой трамвай и без приключений доехал до Ленинской площади, откуда оставалось два шага до цели путешествия. Магазин с зеленой вывеской только что открылся. Высокая старуха сдавала шепотку рассыпного золота — всего несколько темно-желтых крупинок. Молоденькая приемщица, сидевшая в стеклянной будке, бросила на чашечку весов крохотные разновески-листочки.

— Два чистых грамма,— равнодушно сказала она,

— Ну и то,— согласилась старуха и искося посмотрела на Костю, точно боялась, что он схватит эти несчастные крупинки.

— Тебе что, мальчик? — спросила приемщица.

— Завмага позвать нужно.

Он знал свои права, знал, что сдатчик золота — важный человек.

Никто не смел допытываться, кто он, откуда, где поднял металл, и все должны его уважать. Приемщица поняла, что посетитель имеет основания разговаривать независимым тоном.

— Осип Пантелеевич, вас спрашивают! — позвала она.

В будке появился полный человек, посмотрел на Костю, но будто никого не увидел.

— Кто именно?

— Я спрашиваю,— обиделся Костя.— Шоколад есть?

— Тебе сколько «пудов? — насмешливо спросил завмаг, продолжая разыскивать посетителя где-то под потолком.

— Два килограмма возьму,— ответил Костя.— Какао еще нужно. Это которое пьют... Масло скоромное... Муки крупчатки...

— Какао нет... товар для старателей ненужный. Да и шоколад только для витрины держим.

— Как это — ненужный? В «Золотопродснаб» жаловаться стану!

— Да ты с чем пришел, чего командуешь! — вскипел завмаг, теперь уже рассмотревший требовательного покупателя.

— Что мне разговаривать! — окончательно рассердился Костя.— Не пустой я пришел, ясно.— И он положил на мраморную дощечку возле весов «свин-голову».

Это сразу изменило поведение завмага.

— Да-а! — протянул он, рассматривая самородок.—

Это да! Блеска-то сколько!.. Червонное золото.— Он засмеялся: — Ну, точь-в-точь свиная голова, даже ушки имеются,— и взял пузырек с кислотой.

— Погоди, не сдаю, коли какао нет,— остановил его Костя.

— Через полчаса привезу с центральной базы. Здесь близко.

— Тогда...— Костя твердо выговорил: — Тогда принимай.

Завмаг капнул на самородок кислотой, убедился, что это действительно чистое золото, и бросил на весы. «Свин-голова» стукнула о костяную чашечку, и в сердце Кости тоже что-то стукнуло: он любил забавную золотинку, он мечтал превратить ее в костюм, в ручные часы, велосипед... Но он решил сделать то, что делал, и довел до конца то, что решил.

— Сорок три! — весело объявила приемщица.

— Батюшки, везет же добрым людям! — ахнула старуха.

— Пиши боны,— разрешил завмагу Костя.— Да за какао пошли. Без какао не уйду.

Хороший сдатчик — большой человек, если даже он вовсе небольшого роста; хорошему сдатчику почет и уважение. Костя вручил старшему продавцу рюкзак, баночки, мешочек и сел возле окна, уверенный, что продавцы сделают всё на совесть. В магазине уже было немало покупателей, а Костя оставался главным — старатели поглядывали на него с любопытством. Кто он, откуда? Где поднял завидную золотинку? Почему покупает то, чего не покупают другие? Но старательский закон строгий — нельзя спрашивать у незнакомого человека, где он старался, где поднял металл, а тем более нельзя расспрашивать такого серьезного человека, как этот насупленный паренек.

— Товарищ сдатчик, заказ готов. Какао тоже тут, пей

на здоровье! — И завмаг поставил на прилавок битком набитый рюкзак.— Вот боны, вот расчет на бумажке записан. Хоть проверяй, хоть доверяй: точно, как в аптеке...

— Чего там,— великодушно отказался Костя,— дома посмотрю...

— Ну-с, носить к нам не переносить, таскать вам не перетаскать! — пошутил завмаг.

Старичок в рваном тулупе и с золотыми зубами при-топнул ногой.

— Хороший парнишка, правильный!— крикнул он.— Хоть, в сыночки ^{задаром} возьму? Только ты меня корми, чего попрошу. Одевай, что по плечу.

Все засмеялись, смеялась даже старуха, сдавшая два грамма металла. Сдатчики решили, что старичок умеет выбирать сынков, и помогли Косте пристроить рюкзак за плечами.

Солнце уже разгорелось, и на тротуарах стало мокро. Костя, вышедший из дому в валенках, шагал по дороге. Он думал о своем, и трудно было бы сказать, о чем он думал. Было только ясно, что он не жалел о сделанном. Он простился со своим единственным богатством, и лишь на короткий миг сжалось его сердце, зато теперь оно стало шире, чем раньше,— в нем было все спокойно и как-то светло.

На что он променял золотишку? Может быть, кто-нибудь сказал бы: на ничто! Но глупое, неправильное слово только рассмешило бы Костю. В этом «ничто» было и здоровье Катюши, и полная жизнь за колоннами, и, может быть, добавочные «Буши», и слава фронтовой бригады, и... Простившись с самородком, он стал сразу богаче, гораздо богаче, чем был. Правду говорил Миша Полянчук, что на свете есть вещи дороже золота. Ради своего товарища, ради своей бригады Костя простился с золотинкой-самородинкой и взамен получил еще золотую минуту — может быть, самую лучшую и радостную.

Антонина Антоновна была твердо убеждена, что Малышок не способен на дурное дело, и все же испугалась, когда он выложил из рюкзака на кухонный стол масло, две пачки пиленого сахара, мешочки с мукой и какао, отдельно завернутые плитки шоколада. Глаза и рот у нее стали совершенно круглыми. Она попробовала муку на палец и на язык, убедилась, что это не сон и что лучшей муки не найти.

— Завод дал, что ли, Костенька? — с надеждой в голосе спросила она.

— Завод,— согласился он.— Какао на молоке варить нужно, сказывают.— Поняв беспокойство старухи, Костя усмехнулся:— Ничего... Взято — не украдено. Скажешь, что завод для стахановки дал.

— Бабушка, кто у нас? Это Малышок, да?.. Малышок, иди сюда! Я уже проснулась,— слышался голос за дверью.

Катя лежала на диване, натянув одеяло под самый подбородок, и смотрела на Костю с такой улыбкой, будто очень провинилась.

— Вот как я сразу заболела,— сказала она.— Знаешь, совсем, в общем, ничего не болит, только голова кружится все в одну сторону и так спать хочется. А уши — как не мои. Плохо слышат. Все какой-то шум, шум... как радио...— Она вдруг все сообразила и забеспокоилась:— А ты почему дома? Зачем ты с завода ушел?

— Герасим Иванович разрешил... Должен я о бригадниках думать.

— А по-моему, все это лишнее,— решила Катя и быстро приподнялась на локте.— Иди на завод! Наверное, все станки стоят...

Для того чтобы успокоить ее, Костя сказал, что работа за колоннами не стоит, так как Сева приловчился

управляться с тремя станками. Он думал, что Катя обрадуется, но она отвернулась к стене и враждебно проговорила:

— Ну конечно, я так и знала! Вы прекрасно обойдетесь без меня! Вы здоровые, а я больная — от меня одно беспокойство. Хотя сейчас можно умереть... А только я первая придумала работать на двух станках. Да, первая, первая! Разве я виновата, что заболела? — Она всхлинула. — Хотя, конечно, виновата, потому что... — И, минутку помолчав, приказала тихо и твердо: — Ступай на завод и скажи Нине... почему она не идет? Долго мне еще так одной все думать и думать? Я больше не хочу так... не могу... Слышишь!

— Пойду! — вскочил он, готовый лететь сломя голову.

— Постой! — остановила она его спохватившись. — Уж ты обрадовался убежать... Разве тебе интересно со мной сидеть! Ну и беги, пожалуйста, очень ты мне нужен!..

Их беседа продолжалась недолго, а чудо все же успело случиться. Дверь широко открылась, вошла Антонина Антоновна с подносиком в руках.

— Ну, внученька, уж хочешь не хочешь, а поешь, — пропела она. — И ты, Костенька, позавтракай.

Непонятно, когда Антонина Антоновна сварила какао, когда испекла лепешки, но она сделала это. Широко открыв глаза, Катя ойкнула совсем как Леночка:

— Ой, какие белые лепешки! А это какао пахнет... — Увидела плитку шоколада и рассмеялась: — Бабушка, это шоколад! — Схватила плитку, откусила и, зажмурившись, сказала: — Совсем такой, как папа покупал. — Она жевала шоколад, закрыв глаза и улыбаясь, но сначала перестала улыбаться, потом перестала жевать, медленно открыла глаза и спросила: — Бабушка, где его ты взяла?

— Да вот Костенька принес... Завод прислал...

Синие глаза остановились на Косте и сожгли его без остатка.

— Он врет!— сказала Катя.— Таких пайков не бывает... Малышок, откуда это?

— Тебе дело? — пробормотал Костя, не зная, как поступить.

— Дело, дело! — затвердила Катя.— Это она прислала? Это Нина, да? Опять свою доброту показала! Я сразу догадалась! — Она легла, натянув одеяло на голову, и сказала со слезами в голосе:— Вот и всё! Она ничего, ну решительно ничего не понимает, твоя Нина Павловна... Не смей ее звать, слышишь? Она подумает... что я ее за шоколадку зову! Очень нужно! А я могу только ей сказать о папе, больше никому, а то папа обидится... если он жив. Теперь я не смогу ей ничего сказать... Теперь все кончено, совсем кончено!— И горько расплакалась.

— Поперечная ты душа! — жалобно проговорила Антонина Антоновна.— Люди к тебе как лучше, а ты все уросишь, все тебе не ладно... Уж вовсе в тебе ничего не осталось, кроме голоса да волоса, а ты все фырчишь, все фырчишь...

Тяжело вздохнув, Катя проговорила, пряча заплаканное лицо в подушку:

— Пусть! Никого мне не нужно!

Пришлось повести дело начистоту.

— Не с завода это,— сказал Костя,— и не от Нины Павловны. Я купил.

— Вот я сейчас так и поверю,— равнодушно, устало откликнулась Катя.— Богач нашелся! Уходи сейчас же, бессовестная вруша! Уж и не знаешь, что придумать...

— Правду говорю! Да ты гляди сюда! — потребовал Костя.— Я самородочек червонный сдал...

Недоверчиво прислушиваясь, Катя одним глазом по-

смотрела из-под одеяла, а Костя вынул боны и стал объяснять: это, мол, боны, которые выдаются сдатчику металла, а это расчет — в нем написано, сколько граммов тянет самородок, сколько за него начислено золотых рублей, какие продукты отпущены, и, значит, все точно-правильно, и он нисколько не врет.

— Врал я когда? Говори: врал?

— А откуда у тебя самородок? — все еще недоверчиво допытывалась она.— Ты же совсем... небольшой.

Будто металл смотрит, кто моется — большой или маленький! Когда уже была война и Митрий ушел на фронт, Костя старался с румянцевскими ребятами на выработанном прииске под Крутой горой. Мылись, мылись, да намыли мышиную чуть — всего ничего. Ребята сказали: «Ну его, тут совсем пусто, даром стараемся!» — и побежали купаться в озерке, а Костя решил: «Ладно, кто последний стоит, тому удача», и, как нарочно, в ковшике что-то стукнуло, не каменно, а тяжело. Он отмыл глинку, и на солнышке весело заблестел самородок, точь-в-точь похожий на свиную голову. Он никому не сказал о находке, чтобы другая удача не испугалась шума, сберег самородок. И вот пришел час, когда нечаянная золотинка пригодилась.

— Почему же ты мне не показал самородок? У, какой ты! — упрекнула его Катя, как-то нечаянно протянула руку, взяла начатую плитку шоколада и стала угощать Костю: — Пей, пожалуйста, какао и ешь лепешки. Я не буду... Я только немного шоколаду... Знаешь, когда я его кушаю, у меня опять под ушами щемит. Так щекотно, совсем как до войны...— Она немного смутилась и тихо добавила: — Ты очень добрый, спасибо тебе...

Притворившись, что не слышал последних слов, Костя сказал, что ему некогда рассиживаться, так как еще есть много дел, и Катя его не задерживала.

Он примчался в цех и сразу успокоился. Станки крутились. Сева зажимал на одном из станков свежую заготовку. Леночка подбежала, поставила новую заготовку, схватила обдирку, блеснула очками, вернулась к отделочному станку, сняла готовую «трубу», снова пустила станок... Она не ойкала, не пугалась, работала ловко, быстро и была серьезная, красная. «Ладно управляется!» — подумал Костя. Он сосчитал готовые «трубы» и задел обдирок, проверил, заправлены ли запасные резцы, убедился, что все в полном порядке, и... почувствовал себя неловко, будто собрался куда-то ехать, но оказалось, что его совсем не ждут.

— Как настроение, безработный командир? — мимоходом спросил Сева, который, казалось, только теперь заметил Костю.— Сколько шоколаду достал?

— Сколько надо, столько достал... Думаешь, как полсмены на трех проработал, так уж и король?

— Всегда так можем,— заверил его Сева.— Помощи не требуем.

— Сева! — сказала Леночка басом.

— Чего изволите? — в шутку вытянулся Сева.

— Опять форсишь? — строго пристыдила она.— Кто мне обещал? Ты совсем нескромный, ты... все еще не как комсомолец.

— Ладно! — усмехнулся Сева.— Я пошутил... Конечно, Малышок, приходится трудновато. На мне рубашка мокрая, вот пощупай.

— После обеда включусь! — решил Костя.

— Не надо, Малышок! — взмолилась Леночка, отвела его в сторону и зашептала:— Сегодня пускай мы вдвоем... Мы с Севой стоим вахту на двести процентов... Меня сегодня... в комсомол принимают, а потом, может быть, Севу тоже примут. Я так волнуюсь! — Она стала еще

краснее и сказала:— Мне хочется сделать, как на фронте, чтобы показать, как я... Ну да, мне хочется быть настоящей боевой комсомолкой! — Она сконфузилась, нахмурилась и призналась:— Ты думаешь, мне не совестно? Катя гораздо слабее, а она самоотверженно работала. В цехе все девушки — орлицы, а я просто... толстая Ойка. Я хочу доказать... понимаешь, хочу доказать, что я для фронта сделаю все, как поклялась... А то я думаю, что я... недостойна комсомола и меня просто так принимают...

Наступила большая минута в жизни Леночки, и Костя почувствовал, что должен ее успокоить, ободрить.

— Глупо ты думаешь! — сказал он.— Ты сознательная и для фронта полезная. Ты орлица не хуже других. Тебя в комсомол правильно принимают...

— Ой, ты неправду говоришь!— обрадовалась Леночка.

По-видимому, Сева решил загладить свою недавнюю шутку:

— Ты, Малышок, все-таки думаешь насчет новых «Бушей»? — спросил он.

— Ясно, думаю.

— А знаешь, что с индюком было? Он только думал, да ничего не делал. Взял и помер...

— Сева! — грозно сказала Леночка.

— Я ничего...— ответил Сева.— Вот взялась меня муштровывать! — и подмигнул Косте.

Нужно было по-настоящему думать о дополнительных «Бушах» из ремонтного цеха, нужно было думать о расширении станочного участка за колоннами, но пока некогда было этим заниматься. Имелось совершенно неотложное дело.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Записка

Василия

Нина Павловна бессильно опустилась на лавочку у ворот галкинского дома и закрыла глаза.

— Я немного посижу,— сказала она Косте.— Теперь все кажется таким трудным... Что ей сказать? Что я услышу от нее?..

— Ты не сиди,— ответил Костя, напуганный мыслью, что если теперь ничего не получится, то не получится уже никогда.

Только сейчас он по-настоящему увидел, как изменилась Нина Павловна за немногие месяцы их знакомства. Густая тень легла на лоб и щеки, глаза запали, а губы стали темными, в уголках рта обозначились горькие складочки; тяжело было смотреть на это лицо, измененное горем.

— Катерина-то ждет,— напомнил он, чтобы вывести ее из неподвижности, оцепенения.

Она вздрогнула, встала и, не оглядываясь, вошла в Дом; шепотом поздоровалась с Антониной Антоновной, спросила, как чувствует себя Катя, взялась за ручку двери и обернулась к Косте. Теперь ее лицо было бледным, глаза светились. Может быть, она ждала поддержки.

— Бабушка, сколько времени? Уже темнеет, а никого нет,— послышался слабый голосок из гостиной.

Выпрямившись, Нина Павловна переступила порог.

— Это я, Катя,— спокойно сказала она.— Как ты себя чувствуешь, девочка?

Костя тоже вошел в гостиную, чтобы на всякий случай быть возле Нины Павловны. Началась длинная молчаливая минута. Она кончилась вздохом облегчения, когда Катя сказала:

— Это ты, Нина? Иди сюда!

В сумерках Костя не различал лица Кати, сидевшей на диванчике, и лица Нины Павловны, которая опустилась на стул возле Кати. Теперь Катя должна была ответить Нине Павловне, как она себя чувствует, но она молчала, и Нина Павловна тоже ничего не спрашивала. Две тени были безмолвны в сумерках. Костя стоял неподвижный, неподвижнее дверного косяка, к которому прислонился.

Вдруг Нина Павловна быстро пересела на диван, обняла Катю, прижала к себе и стала целовать руки, которыми Катя закрыла лицо.

— Девочка моя...— говорила Нина Павловна задыхаясь.— Худенькая моя, маленькая... Пальчики мокрые... Молча плачешь?.. Ты молча, все молча...— И целовала, целовала ее.

Костя ушел из гостиной в боковушку. Случилось то, чего он хотел, о чем много раз думал. Но Костя ни разу не подумал, что будет после того, как помирятся Нина Павловна и Катя, а это и было самое тяжелое. Ему было и радостно и так горько, что он чуть не разревелся. Потом сразу силы упали, он снова испытал то, что уже испытал сегодня за колоннами, когда почувствовал себя лишним, и снова Костя был один, а тишина обступила его и сдавила сердце.

Дверь скрипнула, отворилась, пропустила Нину Павловну и осторожно закрылась.

— Малышок, ты здесь? — спросила она, села на топчан, помолчала и едва слышно, как будто спокойно проговорила:— Василий погиб...

Он не понял. Нина Павловна, как подкошенная, упала лицом на топчан, обхватила голову руками и забилась в беззвучных рыданиях.

Костя сидел, окончательно растеряв мысли. Вдруг Нина Павловна затихла, будто душа оставила ее тело, разбитое горем.

— Неправда это... неправду говоришь,— пробормотал Костя.

— Нет... кажется, правда,— ответила Нина Павловна как-то устало, бездушно.— Я все надеялась, все берегла надежду... А Катя, оказывается, получила эту записку...

Фронтовой друг Василия переслал Кате записочку, написанную отцом в самую последнюю минуту, когда старший лейтенант Галкин уходил со своей группой пробиваться из вражеского окружения. Его группа ударила на север, завязала горячий бой, отвлекла фашистов, а в это время вся Уральская дивизия ударила в другую сторону и вышла из окружения.

Нине Павловне и Косте было трудно понять это военное, коротко описанное дело, но, вероятно, Галкин знал, что он идет на смерть. В боковушке было уже совсем темно, и Нина Павловна на память прочитала записку, которая кончалась, как завещание: «Помни меня, расти честным советским человеком, люби Нину, моя девочка, и не теряй надежды».

— А мне ничего не написал,— произнесла Нина Павловна с укором и жалобой.— Хотя... может быть, каждая минута была дорога... Иначе он, конечно, написал бы...— Она глубоко вздохнула и озабоченно добавила: — Навер-

ное, все лицо заплакала. Хорошо, что электричество еще не горит, она не увидит... Она там плачет, а я здесь... отсиживаюсь! Зайди в гостиную, Костя, а то мне с нею так тяжело...— Она закончила горячим шепотом: — Ведь мне надо, надо надеяться, а я, кажется, не могу... Сразу все так случилось... Где Василий? Что с ним? Если дивизия вышла из окружения, то, может быть, и его отряд пробился?..

Дверь за нею закрылась.

Голос надежды

Когда Костя вернулся в гостиную, он услышал оживленный голос Нины Павловны и с трудом разглядел, что Нина Павловна и Катя, обнявшись, сидят на диване.

— Какая ты глупенькая, какой ты ребенок, Катя! — говорила Нина Павловна.— Откуда ты набралась таких ужасов? Неужели ты не помнишь, какой папа? Ты ведь помнишь? У тебя есть его портреты...

— Я... я их давно спрятала,— призналась Катя.— Я боялась на них смотреть. Но все равно я помню... Хорошо помню!

— Высокий, да? Широкоплечий,— подсказала ей Нина Павловна.— Лицо узкое, тонкое, умное, лоб широкий, а глаза такие же, как у тебя.

— Нет, у него темнее,— поправила Катя.

— Ну, разве чуть темнее, но все равно синие-синие... А каким ты его помнишь: хмурым, сердитым?

— Нет, что ты! — возразила Катя.— Он был всегда такой добрый, веселый...

«Митрия маньси Веселым Митрием звали»,— подумал Костя, сидевший на медвежьей шкуре.

— А помнишь, какой он был сильный?

— Сильнее никого не было! — с гордостью сказала Катя.

— Он на медведя ходил чуть ли не с голыми руками, с одним ножом... А как он бегал на лыжах, как плавал!.. Помнишь, он нес тебя с прогулки на плече от самого Красного бора, а потом смеялся и говорил, что его плечу чего-то недостает.

«И Митрий на медведя с ножом ходил... А на лыжах лучше всех бегал»,— подумал Костя.

— Ты все, все вспомни! — говорила Нина Павловна.— Ты вспомни и подумай: разве с таким человеком могло случиться то, чего ты так боишься? Кто был смелее, отважнее твоего отца? Кто был таким ловким?

— Никто!— твердо сказала Катя.

«Митрий к дикому козлу на сажень подходил»,— подумал Костя с грустной улыбкой.

— Как же ты можешь думать, что с ним что-нибудь случилось, глупенькая моя!

— Нет, я тоже думаю, что с ним ничего не случилось! — воскликнула Катя.— Это я только тогда думала, когда оставалась совсем одна. Нет, с ним ничего не случилось! И знаешь, почему еще я так думаю? Вот я тебе все искренне скажу. Если с ним... что-нибудь случилось, то мне нужно умереть, а я не представляю, как можно умереть. И вот я чувствую, понимаешь, все время чувствую, что не умру... Значит, папа наверное жив.— Она помолчала и шепнула: — Только если с ним все-таки... что-нибудь случится, тогда я непременно умру, вот увидишь... Зачем мне тогда жить!..

— Если ты еще повторишь это глупое слово, я рассержусь! — строго остановила ее Нина Павловна.— Что это за мысли! Я не думала, что ты такая малодушная! Хотя нет, я знаю, я хорошо знаю, откуда у тебя такие мысли. Ты со своим горем забила в угол. Ты думала, что

этим все кончилось, вся жизнь кончилась. А ты представь, ты на одну минутку представь: вот к тебе пришли все те женщины, которые потеряли на войне своих родных, любимых людей — мужей, отцов, братьев, сыновей... Они пришли к тебе с заводов, из учреждений, из колхозов, со всей страны и спрашивают: «Что нам делать, Катя? Научи нас, как нам жить дальше». А ты говоришь им...

— Нина...— жалобно шепнула Катя.

— Нет, слушай,— с болью продолжала Нина Павловна.— А ты им говоришь: «Больше незачем жить, работать, бороться. Это нужно было делать, пока на фронте были ваши родные люди. А теперь это не нужно. Вам незачем жить, вы должны умереть... Какое вам дело до тех, кто остался на фронте!..»

— Нет, нет!— горячо ответила Катя.— Зачем ты так... Это я только для себя решила... для себя одной... что я не буду жить, не смогу жить, Ниночка...

— А разве те женщины решают не каждая для себя?— проговорила Нина Павловна.— Только они решают правильно — они остаются жить и работают еще больше, чем работали раньше, потому что на фронте миллионы родных людей. Они такие близкие, такие дорогие, эти люди, каждый из них — свой, любимый человек, как бы его ни звали! Разве можно его бросить, оставить без помощи? Нет, стыдно тому, кто опустит руки, кто забудет о миллионах родных людей... Еще больше работать, еще больше делать для фронта!

— И ты тоже... ты тоже потому так много работаешь, что думаешь — папа... погиб?.. Да? — со страхом спросила Катя.

— Нет! — твердо ответила Нина Павловна.— Забудь это слово. Василий не мог погибнуть! Я тебе объяснила, почему он не мог погибнуть. Такие люди не погибают?

И чем больше я работаю, тем крепче верю — он жив и будет жить.

— Да... он жив, он не погиб! — повторила ее слова Катя.— Я теперь все время буду так думать. Только... ты не уходи, Ниночка, ты мне больше говори, какой был папа. Никуда не уходи, а то я опять стану глупо думать... Сегодня суббота, а завтра выходной день... Ты всегда будешь у нас, да? Зачем тебе жить у Пестряковых, не понимаю. Всегда живи у нас. Хорошо?

— Ты устала, девочка? Хочешь спать?

— Возле тебя мне теперь так спокойно. Расскажи еще о папе.

Обняв колени руками, Костя смотрел в темноту пристально и настойчиво, и снова его глаза наполнил невидимый огонь. Но черный убийца не осмелился появиться. Он теперь был далеко, там, где на него шли великаны — такие, как Митрий, такие, как Василий. Неправда, значит, что погиб Митрий! Он продолжал сражаться, потому что Василий был такой же, как Митрий,— они обнялись, слились, и враг бежал от них. Великаны становились все сильнее, потому что где-то далеко-далеко, в Уральских горах, человеческое сердце поняло, что нельзя на смерть отвечать смертью, что нужно на смерть отвечать борьбой и верой, чтобы победила жизнь...

Было очень тихо.

В семье

Залаял Шагистый, послышались голоса. В ту же минуту зажглось электричество, в гостиную влетела Леночка, за нею показался улыбающийся Сева, а за ними Антонина Антоновна,— и все счастливые, все со своей Радостью.

— Катя, Катюшенька, меня в комсомол приняли! — крикнула Леночка; увидела Нину Павловну, растеря-

лась, все поняла и обрадовалась еще больше.— Ой, как хорошо! — и бросилась обнимать Катю.

— Малышок, мы двести до комсомольского собрания дали! — сообщил Сева.— Вахта так вахта!

— Ниночка, чай я здесь соберу! — суетилась Антонина Антоновна.

Костя вышел на кухню за Антониной Антоновной и сказал ей:

— Совсем помирились.

— Вижу, вижу! — прошептала старушка радостно и опасливо, будто боялась спугнуть мир.— Уж самой себе не верю... Спасибо, Костенька, что привел.

— Ты, Антоновна, на стол подай получше! — распорядился Костя.— Ты не скупись, не жалея. Покорми всех как след...

Вышла Нина Павловна и прогнала Костю:

— Иди к ребятам! Мы с бабушкой будем хозяйничать.

В гостиной Леночка рассказывала Кате, как они стояли вахту с Севой и вдруг стали садиться резцы, потому что попались очень твердые заготовки, а Герасим Иванович забеспокоился и принес — сам принес, вы подумайте! — победитовые резцы. А потом было общее комсомольское собрание, Леночка рассказала свою биографию, и...

— Ей заплодировали, а она испугалась и под стол президиума полезла,— сказал Сева.

— Ничего подобного!— покраснела Леночка.— Я во-все не испугалась. Только у меня слетели очки, и я полезла их достать... А ты знаешь, Катя, я почему-то не знала, что у меня такая коротенькая биография. А Зиночка тоже выступила и сказала, что скоро вся, ну совершенно вся наша бригада будет комсомольской...

— Брось! — не поверил Костя и стал еще счастливее.

Поспели картошка, оладьи, какао на молоке, все по-

лучили шоколад, но даже и без этого пышного угощения вечер остался бы самым лучшим из всех вечеров в доме Галкиных. Если бы Косте предложили уступить хоть одну минуту за все самородки Урала, он ответил бы с презрением: «Подите прочь с вашим золотом!»

Ему было хорошо среди людей, которые стали одной семьей и среди которых он занимал свое место — большое или маленькое, он об этом не думал. Да и зачем было над этим раздумывать! Может быть, мир пришел бы в дом Галкиных и без участия Кости, потому что хорошее наводит тысячи правильных путей, но Костя не был равнодушен к судьбе людей и теперь с полным правом торжествовал победу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

„БРИЗ“

Весна никогда не начинается сразу: она начинается несколько раз, но сперва у нее получается не так, как нужно. То она забудет закрыть дверь на север — ворвется студёный ветер и все заморозит; то по ошибке выпустит из зимнего чулана снежные тучи; то совсем спутается — и солнце светит, и ручьи шумят, и носы краснеют. Но не надо сердиться на весну — рано или поздно она сделает правильно. Тогда люди скажут: «Да, это настоящая весна!» — потому что сразу видно, какая весна настоящая.

Весенним вечером Нина Павловна, отдыхая дома, читала у открытого окна. Закончив укладку рюкзака, Катя села на медвежью шкуру и вздохнула.

— Доктор сегодня мне сказал, что как только я вернусь из лесничества, после праздника, выпишет меня на работу,— оказала она.

— Ты была сегодня на заводе?— удивилась Нина Павловна.— Почему же ты не зашла в термический цех?

— Я вообще никуда не заходила,— ответила Катя. Я сначала пошла за колонны, вижу — они все работают... Я расстроилась и ушла.

— Ты хотела бы, чтобы они бездельничали? — усмехнулась Нина Павловна, отложила книгу, села рядом с Катей, обняла ее и спросила:— Почему ты расстроилась?

— Просто я никому не нужна,— объяснила Катя.— Я стояла за колонной, смотрела, а у них все идет... очень хорошо. Леночка вполне справляется. Зачем я им теперь нужна? Я больная, а Леночка здоровая...— Она подумала и добавила: — Нина, возьми меня в термический цех! Хорошо?

— Стоило получать квалификацию токаря, чтобы потом переучиваться! Уверю тебя, что такая стахановка, как ты, нужна в бригаде.

— Не нужна я бригаде, не нужна, не нужна!— затвердила Катя.— А кроме бригады, мне тоже ничего не нужно... Все равно, как только доктор выпишет меня на работу, я пойду за колонны, стану за свой станок... И пускай только посмеют меня прогнать! Пускай только Ленка посмеет! Я буду ее щекотать вот так, вот так!..— И она принялась щекотать смеющуюся Нину Павловну.

Разговор как будто кончился шуткой, но на другой день Нина Павловна передала его ребятам. Это было, когда они шли вчетвером на завод, на холме нагнали Сергея Степановича и пошли медленно, так как Сергей Степанович из-за своей раненой ноги не мог ходить быстро. Такие встречи бывали не раз, и ребята любили эти неторопливые прогулки с парторгом. Обычно он шел впереди, слушал разговоры ребят, иногда вставлял словечко-другое или расспрашивал, как идет жизнь в цехе, в чем нуждается молодежь.

Ребята уже убедились, что он ничего не спрашивает просто так и ничего не обещает, лишь бы пообещать. Из его слов непременно получалось что-нибудь путное, потому что он был деловой и, как говорил Сева, пользовался большим авторитетом.

— Конечно, я сразу отдам Кате ее станок!— поспешила заявить Леночка.— Но только я совсем не понимаю, Нина Павловна, что мы будем делать все вчетвером. Теперь каждый из нас может обслуживать два станка, а мальчики даже три, мы все многостаночники, а станков у нас всего по одному.

— Слышишь, Малышок? — многозначительно произнес Сева.

— А хоть бы и слышал,— ответил недовольно Костя.— Виноват я, что не получается? И Герасим Иванович говорит...

— Что у вас не ладится? — спросил Сергей Степанович.

Ребята рассказали, что именно и почему не получается. Он признал, что это действительно сложно, пожалел, что ничего не может посоветовать, но все-таки совет у него нашелся:

— А почему бы вам не проконсультироваться у инженера Балакина? Он вчера вернулся из командировки и теперь перешел на другую работу. Кстати, мне нужно с ним повидаться. Пойдем, Малышев!

Это было самое лучшее, что можно было придумать. Услышав, что Балакин вернулся на завод, Костя обрадовался, так как твердо верил, что Павел Петрович может решить любую задачу. Вдвоем с Сергеем Степановичем они вошли в здание заводоуправления. В самом конце коридора Костя увидел на двери плакат с четырьмя большими буквами: «БРИЗ». Тут же маленькими буквами было написано объяснение: «Бюро рабочего изобретательства и рационализации». В просторной комнате Костя увидел Павла Петровича Балакина, который развешивал какие-то чертежи по стенам. Сразу же выяснилось, что он такой же, как прежде, веселый и голос У него прежний — звонкий.

— Привет первым посетителям нового заводского от-

дела! — крикнул он.— Присаживайтесь, прошу вас, Сергей Степанович. Я сейчас сделаю вам маленький доклад о моей поездке. Впечатлений на всю жизнь!

Он стал рассказывать, какой интересной была поездка по заводам боеприпасов, которым он помогал бороться со стружкой. На всех заводах кипит горячая работа. С каждым днем выпуск боеприпасов идет в гору, так как везде складываются фронтовые бригады, везде народ думает, как сделать больше и больше.

— Везде народ думает...— сказал Сергей Степанович.— Кстати, мы пришли к вам с Малышевым по поводу одного замысла. Не можете ли вы его проконсультировать и дать совет?

— Что у тебя опять? — добродушно спросил инженер у Кости.— Хочешь станок сломать? Говори, в чем дело.

Консультация

Павел Петрович выслушал Костю, делая своим блестящим карандашиком пометки на клочке бумаги. Когда Костя замолчал, Павел Петрович пожаловался Сергею Степановичу, который остался послушать консультацию:

— Этот Малышев все время задает мне головоломки. Беспокойный паренек!

— Вы только что радовались, что народ думает,— усмехнулся парторг.— Вы уж помогите и Малышеву думать...

— Да, головы работают,— задумчиво пощелкал пальцами Павел Петрович.— Итак, в чем дело? Ты хочешь расширить участок за колоннами на два «Буша»... Так... Но если поставить эти два станка на черновую обдирку «труб», то нынешний отделочный станок не успеет пропустить все обдирки. Конечно, можно перевести отделочный станок на двухсменную работу...

— Никак! Это совершенно исключено,— решительно остановил его Сергей Степанович.

— Да, понимаю: ребятам не позволят оставаться в цехе после гудка, ломать и разбивать бригаду. В таком случае, как будто остается такой выход — из двух дополнительных станков один сделать отделочным и таким образом иметь два отделочных при четырех черновых.

— Расчета нет! — испугался этого предложения Костя.— При четырех черновых два отделочных «Буша» ни к чему.— Он призадумался на минуту, еще раз проверил в уме и сказал: — Будет у нас шесть станков на участке. Норма на станок — двадцать «труб», а на шесть станков — сто двадцать. Дадут четыре черновых станка по пятьдесят обдирок — на четыре станка двести обдирок. Двести против ста двадцати...

— Сто шестьдесят пять процентов,— подсказал Павел Петрович.

— Вот видишь,— омрачился Костя.— А мы нынче при одном отделочном да при трех черновых, коли нажмем, сто девяносто, а то и двести процентов даем...

— Значит, получается, что, если вы один из двух новых «Бушей» превратите в отделочный, он будет не загружен и процент выработки по бригаде снизится?

— Выходит, так,— вздохнул Костя.

— Все идет к одному,— сказал Сергей Степанович.— Нужно, чтобы два новых «Буша» стали черновыми и чтобы на участке по-прежнему был один отделочный станок. Вот вам головоломка, товарищ Балакин.

— Тогда ладно получится! Севолод считал... Он проценты знает...— быстро заговорил Костя.— Норма на шесть станков сто двадцать «труб», а мы с пяти черновых двести пятьдесят верных обдирок снимем. Двести десять, а то и больше процентов дадим.

— Жадный человек этот Малышев,— сказал Павел Петрович.

Костя смутился: он знал, что жадным человеком быть нехорошо, и насупился.

— Павел Петрович не в осуждение тебе говорит, что ты жадный,— успокоил его Сергей Степанович.— Жадность бывает разная. Если человек хочет себе больше заграбастать, это самое подлое чувство. Человек делается зверем. А для нашего государства нужно быть жадным. Очень жадным нужно быть, за каждую лишнюю штуку продукции драться. Сейчас надо быть жадным для фронта, а когда разобьем фашистов и возьмемся за строительство коммунизма, будем стараться для коммунизма... Жадность для себя делает человека трусливым, подлым, а забота о государственном добре создает героев труда. Вот и будь таким!

Все это Костя понял и обрадовался, что он жадный так, как нужно.

— Ну-с, а теперь посмотрим, что можно выжать из вашего отделочного станка и согласится ли он давать почти в два раза больше, чем сейчас,— сказал Павел Петрович.

Началась самая ответственная часть консультации, и до самого конца парторг сидел возле Кости, поглаживая здоровой рукой свою раненую руку и поддерживая Костю, когда Павел Петрович восклицал:

— Нет, чего он хочет, чего он хочет, этот разбойник! Но надо думать, надо думать!

И инженер снова брался за карандаш или перелистывал справочники.

— Беги говори с товарищами, Малышев,— сказал Сергей Степанович, когда консультация пришла к благополучному концу.— Смотри, мы вашей бригаде даем широкую дорогу! Смело идите вперед. Если что-нибудь понадобится — поможем.

Косте не терпелось поскорее поговорить с Севой и Леночкой.

Вихрем влетел он за колонны и чуть не зарылся носом — так круто остановился. За колоннами были гости. Он увидел не только Зиночку, но и двух хорошо одетых молодых людей в новых черных пальто, в одинаковых кепках и в блестящих калошах. Издали Костя и не узнал бы Мишу Полянчука и Мингарея Бекирова, но тут он узнал их сразу, только не понял, зачем они явились. Этого не знали и Леночка с Севой. На их лицах было написано: «Нам нисколько не интересно».

Гости поздоровались с командиром бригады за руку, причем Миша шепнул ему:

— Держись, корешок!

— Здравствуй, как поживаешь? — спросил Бекиров.

— Живой, — ответил Костя и приготовился слушать что-то очень важное.

— Помнишь разговор на воскреснике?

— Не забыл...

— А я думал, что ты забыл, — усмехнулся Мингарей. — Хвалился, что много деталей дашь, а сам мало «труб» точишь... А? Говорят, больше «труб» точить можно, только ты не стараешься.

— Сколько обязались, столько даем, да еще приплюсуем.

— Ничего, еще без буксира ходим, — через плечо бросил Сева. — На Северном Полюсе кое-кто к буксиру больше привык.

— Ой, не хвались! — смеясь, ответил Мингарей.

— А ты вообще не задирайся, Бекиров, — вмешалась Зиночка. — Какой ты, честное слово!.. Малышок, можно прервать работу на десять минут? Послушайте, что вам скажут полярники.

Все собрались у доски показателей.

— Комсомольский привет тебе от филиальских ребят, Малышок! — сказал Мингарей, сразу ставший серьезным.— Мы тебя помним — ты парень боевой... Дело к тебе есть. Ты знатный командир, я тоже командир. Лучше твоей молодежной бригады на заводе нет, и лучше моей на филиале нет. Так вот: моя бригада вызывает твою бригаду на соревнование — работать для фронта как надо. Ты давай больше «труб», а мы будем давать больше паковок. Мы до Первого мая будем стахановскую вахту стоять на самый высокий показатель, и вы стойте. А с Первого мая будем опять соревноваться до первого июля — кто первым выполнит свои полугодовые обязательства. Вот это наш вызов вам! — Он расстегнул и широко распахнул пальто, точно ему стало жарко, а на самом деле для того, чтобы показать свою медаль «За трудовое отличие», и добавил:— Принимаешь вызов или испугался?

— Это возмутительно! — прошептала Леночка.— Филиальские думают, что лучше их абсолютно никого нет! — И стала протирать очки.

— Действительно, испугал! — не вытерпел Сева.— Вот так испугал! Сейчас заплачем!..

— Ребята, получается нехороший тон,— заявил Миша.— Ты всегда азартничаешь, Мингарей! Разве соревнование для того, чтобы друг друга оскорблять? Соревнование для того, чтобы дать хороший пример или помочь. А ты налетаешь, как на футбольный мяч... Давайте обсудим по-деловому... Вот Малышок хочет что-то сказать.

— Ты на сколько будешь майскую вахту стоять? — в упор спросил Костя у Мингарея.

— На двести! — гордо ответил Мингарей.— А, Миша? Правильно говорю?

— И мы на двести,— спокойно сказал Костя, обменявшись быстрым взглядом с Севой.— А потом на сколько?

— Потом? — Мингарей чуть замялся, вдруг громко

хлопнул кепкой по ладони и взглянул на Костю с торжеством.— На двести двадцать будем стоять!.. Верно, Миша?

— Смотри, Мингарей! — сказал Миша Полянчук.— Опять в футбол играешь!

«На шести «Бушах» столько не взять! — с отчаянием подумал Костя.— Не дадут столько шесть «Бушей»!..»

— Что скажешь, комсомолец? — спросил Мингарей, прищурившись и сияя лукавой улыбкой.— Где ответ?

— Он еще не комсомолец,— внесла ясность Зиночка.— Он еще не комсомолец, но, конечно, вскоре станет комсомольцем...

Сердце Кости подпрыгнуло, кровь бросилась в лицо. Впервые Зиночка Соловьева соединила его имя с большим, пылающим именем — комсомол; с комсомолом, который делал людей отважными бойцами. Он еще не был комсомольцем, но он уже стал им, когда проговорил:

— До июля, коль нам еще станков дадут, будем работать на... двести тридцать процентов.

Наступила тишина. Зиночка и делегаты с Северного Полюса, удивленные, смотрели на Костю и его товарищей. Костя заметно побледнел, Сева опустил глаза, а Леночка снова стала протирать очки, зажмурив глаза и крепко сжав губы, чтобы не ойкнуть и не выдать своего ужаса.

— Зарвался? — тихо спросил Миша и положил руку на плечо Кости.

— Если лишнее сказал, я не слышал,— свеликодушно начал Мингарей.

— Сказано слово! — сердито ответил Костя.— Слышал, так помни!

— Ребята,— очень внушительно выступила Зиночка,— все это не шутки. Понимаете? Мы начинаем соревнование молодежи завода с молодежью филиала. Договор Бекирова и Малышева будет первым, а потом мы

вовлечем в соревнование всю молодежь. Конечно, парт-организация поддержит нас только в том случае, если договоры будут серьезные, а не филькины грамоты. Нам не нужно детского хвастовства.

— Понятно! — сказал Миша. — Так держать!

— Бригадиры до обеденного перерыва должны еще обдумать свои обязательства. После перерыва мы соберемся в комсомольском комитете и составим проект договора. А завтра проведем в цехе митинг...

Она долго говорила о том, как будет разворачиваться соревнование, но Костя не запомнил. Сейчас, вот сейчас-то он, кажется, испугался — он, кажется, понял, что зашел слишком далеко. Но это был не страшный испуг, да, может быть, это вовсе и не был испуг. Костя был готов защищать двести тридцать процентов до конца. Он ждал, что, оставшись с Севой и Леночкой с глазу на глаз, получит жаркую баню, но Сева спокойно спросил:

— В чем дело — на три «Буша» замахнулся?

— На три...

— А отделочный будет один?

— Один... Павел Петрович его настроит, оснастит. — И он промолчал, что вел с Павлом Петровичем разговор о двух, а не о трех добавочных «Бушах».

— А черновые по сколько обдирок должны давать? По пятьдесят? — допытывался Сева.

— По пятьдесят мало... — пробормотал Костя. — Пятьдесят пять нужно... Тогда двести тридцать пять процентов сделаем... А «труб» триста тридцать сдадим.

— Когда это мы по пятьдесят пять давали на станок, чудак?

— А мы в обеденный перерыв станем «Буши» крутить...

— «Крутить, крутить!»! Значит, ты или я пойдем обедать, Галкина за отделочным, а Леночке придется три станка взять... Накрутишь тут!

— Я научусь! — быстро проговорила Леночка.— Умру, а научусь! Ты, пожалуйста, не думай, что я такая дура!— И она обиделась.

— Ну, если ты научишься, тогда выйдет! — решил Сева.— После гудка будем как-нибудь задерживаться, а Мингарея обгоним.

— Ой, непременно! — воскликнула Леночка.— Он такой хвостун, что я даже удивляюсь, как ему не стыдно.

Не успел Костя по-настоящему перевести дыхание и разобраться в своих мыслях, как за колоннами появился Герасим Иванович. Он бросил на Костю строгий взгляд, не удовлетворился этим, надел очки, посмотрел на Костю поверх стекол, приказал: «Ступай за мной!» — заложил руки в карманы и, переваливаясь, пошел из-за колонн, увлекая за собой Костю, как пароход увлекает на буксире утлую шлюпочку.

Согласие

Он шел за мастером и — странное дело! — с каждым шагом чувствовал себя увереннее, тверже. Почему? Очевидно, новость облетела весь цех и всех взбудоражила. Его встречали и провожали взгляды, в которых он читал тревогу, одобрение, задор. Маленький Маркин подкатился к нему шариком и шепнул: «Не дрейфь! Надо с филиальских пыльцу сбить», а долговязый револьверщик Карамолин стукнул себя кулаком в грудь и сказал: «Малышок, имей в виду!» — причем было ясно, что он тоже требует от Кости решимости и отваги. Так-то так, но было непонятно, куда ведет Костю строгий мастер,

У цеховых ворот Герасим Иванович круто остановился и повернулся к Косте всем корпусом.

— Опять своевольничаешь? — спросил он.— Ты куда сунулся, я тебя спрашиваю? Посоветоваться не мог, прежде чем хвост трубой задрить?

— А коли они насели,— ответил Костя.— Вас-то за колоннами не было, а они... Мингарей думает, что против филиальных никто не устоит. Только они на филиале сознательные!..

— А ты сознательный? Не вижу! Драться — дерись, я против полезной драки ничего не имею. Но ты понимаешь, чем шутишь? Ты именем лучшей фронтовой бригады шутишь. Кто позволил? Кто будет за тебя позор расхлебывать?

— Не опозоримся! — защищался Костя.— Три «Буша» дайте. Многостаночный участок сделаем...

— Распыхался! — проговорил мастер, глядя на него уже сквозь стекла очков.— Ишь распыхался, ишь залетел! — добавил он и отвернулся, чтобы скрыть невольно пробившуюся улыбку.— Что-то ты врешь насчет трех «Бушей»... Ступай за мной!

Мастер свернул в коридор, который соединял станочный участок ремонтного цеха с первым цехом. Все стало ясно, но Костя даже не успел обрадоваться, так как увидел директора завода и Павла Петровича, которые осматривали «Буши».

На участке из четырех станков работал лишь один; за ним стоял Колька Глухих, страшно заинтересованный необычным наплывом посетителей.

— А вот и виновник торжества,— сказал директор.— Здравствуй, Малышев!.. Ты что же это делаешь представителям филиала безответственные заявления? Хочешь и свою бригаду и молодежный цех подвести?

После памятного разговора с директором Костя почему-то перестал бояться этого человека, и директор стал даже казаться ему красивым, хотя у него были широкий нос и узкие глаза, из которых он так и постреливал огоньками, то сердитыми, то насмешливыми. Он перестал бояться директора, но, как и все на заводе, уважал этого справедливого и простого человека.

— Никого мы не подведем,— сказал Костя.— Дайте «Бушей», так не подведем. Я филиальским и сказал: «Коль мне станков дадут, так двести тридцать процентов сделаем...»

— Позволь, позволь! Сколько ты «Бушей» просишь? — удивился Павел Петрович, вытянулся вверх и нагнулся к Косте, как вопросительный знак.— При двух дополнительных черновых «Бушах» можно рассчитывать максимум на двести пятнадцать процентов...

— А мы три «Буша» просим...

— Ах ты, разбойник! — подпрыгнул Павел Петрович.— Ты же понимаешь, что один отделочный станок не обслужит шесть черновых. Значит, ты все-таки на двухсменную работу сбиваешься?

— Двухсменную работу в молодежном цехе не разрешу,— твердо сказал директор.

— В одну смену успеем,— объяснил Костя.— Станки будем без обеденного перерыва крутить. Обедать по очереди станем ходить. Мы многостаночники. Время уплотним. На отделочную работу Катерину Галкину поставим.

— Верно... У этой Галкиной руки золотые,— как бы про себя отметил мастер.

Старшие задумались. Директор, Балакин и Герасим Иванович несколько раз прошлись по участку, совещаясь вполголоса. Наконец директор подозвал к себе Костю.

— Мне только одно непонятно, Малышев,— сказал он:— как же ты теперь в тайгу удерешь, коль скоро ты такую историю затеял? — Эта шутка означала, что предложение Кости принято.— Сегодня, Герасим Иванович, я дам команду о переброске трех «Бушей» за колонны. Проследите за этим делом. А вы, Павел Петрович, подумайте об оснастке отделочного станка. Нужно также усилить бригаду одним человеком на всякий случай.— Он

быстро обернулся к Кольке Глухих: — Сильно ты загружен?

— Не... не... очень,— заикаясь, ответил Колька.

— Ты очень не очень загружен,— пошутил директор.— Ремонтный цех вполне обойдется взрослыми токарями... Малышев, возьмешь Глухих в бригаду? У вас при семи станках рабочей силы будет в обрез. Чуть кто вышел из строя — и готов прорыв. Возьми, Малышев, в свою бригаду Глухих. Если он станет работать хорошо, мы сообщим об этом гвардии капитану, порадуем фронтовика...— Он помолчал и добавил: — Впрочем, я не буду неволить: подбор работников в бригаду — твое дело.

Только самый тонкий психолог мог бы прочитать все чувства, которые отразились во взгляде Кольки, но два основных чувства Костя понял: радость и мольбу. «Возьми, возьми меня в бригаду! — умолял его великий конспиратор и заговорщик.— Ты видишь, какой я одинокий в ремонтном цехе. От такого одиночества не то что в синий туман сбежишь, а на луну заберешься, честное слово! Я не лодырь! Это только печальное недоразумение. Возьми меня в бригаду, и ты увидишь».

— Возьму,— согласился Костя, отвечая директору.— Только коль не будет слушаться, прогоним. Нам поперечных в бригаде не нужно.

— Так и запомни! — сказал директор Кольке.— Малышев берется сделать из тебя гвардейца трудового фронта, достойного твоего отца... Всё! Иди работать, Малышев!

— Разбойник! Как же все-таки заставить отделочный станок обслуживать шесть «Бушей»? — спросил Павел Петрович.— Ты только и умеешь ставить мне задачи...

Костя поскорее убрался из ремонтного цеха, чтобы директор, чего доброго, не отменил своего решения.

Волнения и тревоги этого дня еще не были исчерпаны. После того как Костя вторично встретился с делегатами филиала в комсомольском комитете, после того как был составлен черновик договора, он бросился в цех и попал в бурю, в шторм. Это была буря, это был шторм негодования.

Маркин крикнул ему:

— Поздравляю с боевым рабочником!

Карамолин протянул поперек прохода длинную, как шлагбаум, ногу, остановил таким образом Костю, стукнул себя кулаком в грудь, спросил:

— Мало тебе в цехе хороших ребят?

А тихонькая Петюнина пожаловалась, глядя на Костю сиреневыми глазками:

— Неужели я хуже этого блажного? Сколько к вам просилась в бригаду...

Сева работал злой, сразу похудевший. Увидев Костю, он сначала показал ему спину, потом одним рывком повернулся и спросил, едва шевеля губами:

— Ты где голову потерял?

— Моя голова при мне! — обозлился Костя. — За своей смотри! Директор велел Глухих в бригаду взять.

— Врешь! Глухих всем раззвонил, что ты сам согласился. Ты думаешь, что делаешь? Вылез на двести тридцать процентов, а в бригаду кого тащишь? Кого берешь, я тебя спрашиваю? Лодыря первой марки!

— Сева! — грозно произнесла Леночка. — Я еще раз прошу тебя, перестань!

Тут Костя увидел, что возле Леночки стоит Колька Глухих. Он прислонился к стене, бледный, с кривой усмешкой, бросил на Костю быстрый взгляд и еще крепче прижался к стене, бедный легковесный Колька, попавший в крепкий переплет.

— Что «Сева», что «Сева»! — зашумел Булкин.— Что ты меня муштруешь? Пусть! Пусть лучше я из бригады уйду, чем работать с этим... с этим...

— Уходи! — сказал Костя, у которого задрожали руки и в горле пересохло.— Ты что? Ты зачем нахально при нем? Сдавай станки, обойдемся!

— Сева, Костя! — произнесла Леночка точно таким же басом, каким говорила ее мама.

Она подошла к мальчикам, взяла одного и другого за плечи и решительно развела, что было вполне своевременно, так как потасовка могла начаться каждую минуту.

— Ты был лучше? — спросила она, глядя в глаза Севе.

— Не лезь! — рванулся Сева, но не выдержал ее взгляда и отступил.

— Ты был не лучше! — продолжала Леночка, тяжело дыша.— Совсем, нисколько не лучше! Я никогда не называла тебя Булкиным-Прогулкиным, а весь цех называл. Потому что ты был... ты знаешь, кем ты был... Ты работал плохо... Скажешь, неправда? — Спокойствие оставило ее, голос упал и подозрительно охрип.— Я не могу, когда так относятся... когда так... не по-комсомольски... Я прошу тебя, Сева, не надо так!— Она совсем расстроилась, стала прежней Леночкой, горько сказала:— Ой, какие вы все абсолютно невозможные! — Пошла к своему станку и закончила с отчаянием: — Лучше я первая уйду из бригады, чем быть с такими, как ты, Сева! Я тебе совершенно серьезно говорю.

— Он меня смертельно оскорбил, когда мы принимали присягу! — гордо заявил Сева.

— «Смертельно»!— усмехнулся Костя, почувствовав, что опасная минута миновала.— Что ж ты не помер, коли смертельно? Болтаешь сдуру!

Он открыл шкафчик, достал пеструю жестяную коробку из-под монпансье, выпрошенную у Антонины Антонов-

ны, открыл ее, вынул присягу, красиво перевязанную красной шелковой ленточкой, и сказал:

— Ленушка, Севолод, подите-ка сюда. И ты, Николай, иди... Руки вытри, а то запачкаешь. Читай, чтоб слышно было.

— Не волнуйся! — сказала Кольке его заступница. — Почему ты так волнуешься? У меня мама — медработником... Я думаю, что у тебя невроз.

Стараясь не волноваться, Колька зашепшил, забормотал, но понемногу пришел в себя и дочитал присягу вполне удовлетворительно.

— Все понял? — спросил Костя.

— Конечно, конечно! — заторопился Колька.

— Будешь выполнять по-фронтовому?

— Малышок, честное слово! Ты напрасно спрашиваешь. Ты же понимаешь!..— И его глаза быстро заморгали.

— Распишись!

Колька сделал это с таким видом, будто дал расписку в получении всех богатств мира. Костя протянул ему руку.

— Поздоровайся и ты с ним, Севолод, — сказал он.

Так Колька Глухих стал членом первой фронтовой бригады. Тотчас же Костя стал объяснять Кольке его обязанности, и великий конспиратор ловил каждое слово, каждое движение на лету, потому что он, по правде сказать, был сообразительным. Кроме того, он понимал, что либо станет гвардейцем трудового фронта, либо... Даже не хотелось думать, что будет, если он не удержится за колоннами.

Почет

Катя прожила десять дней в лесничестве, недалеко от города, и это были смешные дни. Ее поили молоком, заставляли дышать свежим воздухом, и тетя, у которой не

— Принимаешь вызов или испугался?

было детей, все уговаривала Катю совсем перебраться к ней. Потом Катя рассказывала, что в доме лесничего часы стояли, хотя маятник качался; что же касается календаря, то его совсем не было. Она скучала и в солнечные дни ходила на Ермакову гору. Отсюда она видела родной город. Сидя на камне, Катя думала обо всем сразу: о заводе, о папе, о Нине Павловне и о своей бригаде. Да, о своей бригаде, потому что она даже не могла представить, как можно жить без своей бригады. Если бы Катя знала, что бригада тоже не хочет расстаться со своей лучшей работницей, она, наверное, побежала бы в город, не попрощавшись с тетей.

На заводе время тоже вело себя странно. Часы, минуты и секунды таяли незаметно. Сначала Костя думал, что это спешат часы и гудки, но нет,— это спешило время. Одно дело подгоняло другое и приводило за собой третье. Приказ директора был выполнен — еще три «Буша» переселились за колонны. Герасим Иванович помогал Косте налаживать участок. Надо было покрасить «Буши», подумать об инструменте, проследить, как электрики подключают новые станки к энергии, и главное — надоедать инструментальщикам, чтобы они без задержек смастерили оснастку для отделочного станка по чертежам Павла Петровича. На самого Павла Петровича полагаться не приходилось: он готовил подарок к Первому мая — цельнометаллический транспортер для «рюмок», заказанный Ниной Павловной,— и почти не выходил из термического цеха.

Голова Кости была занята хозяйственными заботами, и почти всю программу везли Леночка и Сева. Это было нелегко, но они справлялись и не жаловались на усталость. Возле доски показателей висел красиво написанный договор, скрепленный подписями Мингарея и Кости. Бригаде не приходилось краснеть перед этим договором:

каждый день она давала сто шестьдесят «труб» — двести процентов общебригадной нормы.

Теперь уже все бригады молодежного цеха соревновались с молодежными бригадами Северного Полюса. Завкомовскому художнику приходилось писать много «молний» о высокой выработке, Зиночка Соловьева увозила самые хорошие «молнии» на филиал, а Миша Полянчук привозил с филиала ответные «молнии» и часто бывал за колоннами.

Праздник приближался. За колоннами снова появился рыжебородый фотограф. Он сказал: «Здравствуйте, старые знакомые!.. Культурно, культурно!» — раздвинул штатив, привинтил фотоаппарат, нацелил его на стеллаж против окна и распорядился:

— Подходите, ребята, один за другим, садитесь перед аппаратом. Улыбаться можно, шевелиться нельзя. Снимать буду без магния, с выдержкой...

Он сфотографировал Костю, Леночку, Севу и похвалил их за выдержку.

— А где та девочка? — спросил он. — Такая белокурая, синеглазая, хорошенькая. Кажется, Катя... Да, совершенно точно: Катя Галкина. У меня отличнейшая память.

Леночка тотчас же объяснила:

— Она болеет, но скоро совсем поправится. Она заболела от вас, когда вы приходили нас снимать и расстроили ее, потому что спросили об отце...

Узнав, что случилось с Катей, фотограф опечалился:

— Никогда себе не прощу, что огорчил ее. Очень, очень жаль...

— Ей тоже будет жаль, что вы ее не сняли, — вежливо сказала Леночка.

— Ну ничего, она есть на общем снимке вашей бригады, и я постараюсь сделать портрет получше... Простить себе не могу, что завел с ней разговор о папаше...

Дня через три Леночка после обеда влетела за колонны с воплем:

— Мальчики, нас вывесили! Идите посмотреть! Там столько народу!

В садике возле заводоуправления появилось прекрасное сооружение. Это была витрина в виде развернутой книги, установленная на четырех столбах. Наверху блестяли буквы из нержавеющей стали: «Доска почета», а из-за стекла на зрителей глядели фотографии знакомых людей. Сначала шли портреты взрослых стахановцев, инженеров, техников, а потом — молодых, и на первом месте — Кости, Леночки, Кати и Севы. Возле «Доски почета» былолюдно; зрители обсуждали, кто получился хорошо, а кто — не похоже на себя.

— А ну, как вышел Булкин-Прогулкин? — спросил Сева и, прищурив один глаз, посмотрел на свой портрет. — Кажется, ничего себе, как с натуры. Культурно, культурно!

— А Катерину рыжий дядька плохо нарисовал, — озабоченно отметил Костя. — В чем душа держится...

— Ничего ты не понимаешь! — фыркнул Сева. — При чем тут дядька? Она такой и была, когда он нас всех снимал. Фотограф не рисует, а только снимает.

— Да, не рисует! Небось веснушек у нас не нарисовал, а ее нарисовал тяп-ляп.

— Правда! — обрадовался Сева. — Ни одной веснушки нет. Он их, наверное, замазал. Культурно, культурно!

— Поздравляю, корешок! Вот теперь хорошо видно, что ты недаром держался за станок! — слышался за спиной Кости знакомый голос.

Миша Полянчук, который только что привез с филиала новую порцию задорных «молний», крепко пожал руку Косте.

— Рад, что в почет попал?

— А чего плакать? — усмехнулся Костя.

— Знаешь, Малышок, я буду с тобой откровенным,— сказал он.— Мне очень тяжело в моральном отношении...

— Чего? — удивился Костя.

— Ну, на душе тяжело, понимаешь? Конечно, я тебе очень благодарен, что ты взял меня в бригаду, но я переживаю адские муки.— Колька прижал руку, державшую кисть, к груди, попутно мазнув себя по щеке.— В цехе ребята смеются, что я на побегушках у Севы, что я впал в ничтожество и только подсобный рабочий...

— Все мы друг другу пособляем...

— Конечно, конечно, я понимаю! Я согласен! Я ничего не говорю! — заторопился Колька, размахивая кистью.— Но почему Севка ни разу не пустил меня к станку? Я вчера попросился поработать на двух станках, а он говорит: «Куда лезешь, слабое звено!» Вот так здорово! Конечно, я тогда глупо поступил с твоим станком, но почему я до сих пор слабое звено?

У Кольки было по-смешному разобиженное лицо с забавным зеленым мазком на щеке, но Костя слушал его задумчиво. Он вспомнил, как был «слабым звеном», знал, как обидно, тяжело, когда человеку не верят, что он может стать настоящим, хорошим звеном.

— Убери краску, кисти,— сказал он.— Теперь покажи, как ты можешь на двух «Бушах»!

На другой день Костя так распределил обязанности:

— Ленушка — за отделочный, мы с Николой до обеда три станка потащим, а ты, Севолод, будешь пособлять...

— Что такое? — высокомерно переспросил Сева.— Почему это я должен быть подсобным при каком-то Глухих?

— А он почему должен быть подсобным при тебе? — спросила Леночка — Я давно хотела поговорить с Малышком, только он все время занят... Как тебе не стыдно!

Мне абсолютно не нравится твой тон, как ты говоришь с Колей. Ты... Я недавно стала тебя уважать, но теперь я абсолютно разочаровалась... Да молчи, пожалуйста, а то я сейчас открыто скажу, кто ты внутри.

— Ну кто, кто? — крикнул Сева.— Что ты увидела своими очками?

— Ты опять об очках? И без очков видно, какой ты...— выпалила Леночка и пошла за станок.

Началась новая полоса в жизни Кольки Глухих. Он учился у Кости управляться с двумя станками, смотрел на него преданными глазами и готов был за него и за бригаду броситься в огонь и в воду. Леночка все еще переживала утреннюю стычку и часто вздыхала, а Сева... Когда Костя, выбрав минуту, шутливо спросил: «Кто с кем заодно?» — он ответил:

— Ну и радуйся!

— Никола-то с двумя станками свободно управляет-ся. И с тремя управится, дай срок!

— Пока все сразу не запретит,— ревниво бросил Сева.

— Нет! — уверенно возразил Костя.— Он хоть и то-мошится, а руки у него ловкие, скорые. Вот тебе и слабое звено!.. Напрасно ты про человека плохое говоришь...

— Человек!..— Сева сплюнул и прекратил спор.

После работы Колька попросил Костю «на минуточку», увел его с участка «Бушей», оглянулся по конспиративной привычке, засуетился, но вспомнил, что теперь ему запрещается иметь невроз, спрятал руки за спину и потупился.

— Малышок, ведь я не лодырничаяю, правда? — спросил он.

— Ты работаешь, как надо,— признал Костя.

— Я еще лучше буду работать, вот клянусь! Вот ты увидишь! Я буду работать все время с энтузиазмом... И... и в тайгу не пойду. Честное слово!

— Да все равно Севолод тебя в тайгу не возьмет... коли сам пойдет.

А если бы он даже на коленях просил, я все равно не пошел бы... Вогульское золото — это чепуха. Главное — это побольше оружия и снарядов давать фронту.— Он, застеснявшись, оробев, продолжал: — Малышок, если ты мне веришь, ну хоть немного, напиши удостоверение моему батьке на фронт, что я работаю хорошо. Напишешь? Ты мне его дашь, а я сам... я сам попрошу директора, чтобы печать поставили... Батька у меня гвардии капитан... И знаешь, он хоть и строгий, но лучше его на свете нет. Я... хочу, чтобы он знал, как я... помогаю фронту.

— Напишу,— пообещал Костя.— Только ты работай с энтузиазмом.

— Малышок! — воскликнул Колька.— Если... если я буду работать без энтузиазма, убей меня без разговоров, как последнего шакала! Хорошо?

— Вот ты уж глупости болтаешь! — сказал Костя.

По дороге домой ребята говорили о Кате, которая должна была приехать из лесничества утром первого мая. Пускай приезжает! Ребята ей ничего не скажут о новых «Бушах», и Нина Павловна, по их просьбе, тоже промолчит. После праздника Катя придет за колонны, все увидит своими глазами и ахнет от удивления.

Они остановились на вершине холма. Вечер был прозрачный, спокойный — обычный апрельский вечер, но в нем было что-то очень хорошее для сердца. Легко, свободно дышалось на высоком холме, перед которым раскинулся город, зажигающий ранние желтые и зеленые огоньки — крохотные золотые и изумрудные точки.

— Как хорошо! — прошептала Леночка.— Мне кажется, что уже Первое мая. Правда, ребята?

Далеко-далеко, за грядой каменных домов, в небо прыгнула багряная зарница, точно взмахнуло огненное

крыло. До холма не скоро докатился глухой, тяжелый грохот и два отдельных коротких стука. Ребята знали, что это такое, и все же насторожились.

— Новые зенитки на пушечном заводе пробуют... А может быть, пушки для танков,— задумчиво проговорила Леночка.

Вдруг все наполнилось гудением. Казалось, что гудит само небо; казалось, что стомоторный самолет парит над городом, то поднимаясь, то опускаясь, и что вот-вот он коснется сердца, которое сжалось и притихло.

— Моторы для танков гудят,— объяснила Леночка, хотя ребята знали и это.

— Танков будет невпроворот,— как бы про себя сказал Костя, подождал отклика Севы и не дождался.

— Ребята Ивана Стукачева в городе видели — он в школе танковой хорошо учится... Тоже говорит, что танков уже много,— добавил Колька.

— Домой пора,— отрывисто сказал Сева.

К холму один за другим катили далекие грохоты, не затихая, точно гудел в небе невидимый стомоторный самолет. Леночка болтала о празднике, о том, как хорошо они проведут этот день с Катей.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Атака

Праздник был совсем близко. Он мог наступить каждую минуту. Завод готовился встретить его как следует. Впрочем, казалось, что за колоннами уже все сделано. Семь «Бушей» стояли на своих местах: шесть вдоль стены, а седьмой, отделочный, на почетном месте — у средней колонны. На инструментальных шкафчиках блестела свежая краска. Еловая хвоя, принесенная ребятами из железнодорожной роши, наполнила все запахом свежей смолы. Стало так хорошо, что ребята побежали в термический цех за Ниной Павловной — пускай посмотрит и оценит.

— Бабушка беспокоилась? — спросила Нина Павловна, которую они нашли возле электрованн.— Пришлось всю ночь провести в цехе. Сегодня у нас комиссия главка...— Она шепотом добавила: — А транспортер все еще не наладился.

Возле транспортера возился сердитый Павел Петрович. Он включил мотор, наклонив голову набок, прислушался к ходу машины и шелкнул пальцами обеих рук.

— Какой грохот! — крикнул он.— Никуда не годный

транспортаришко. Шумит, как трамвай. Ремонтники плохо отрегулировали ролики. Сегодня мы блестяще осрамимся!— И он, вооружившись ключом, полез под транспортер.

По мнению ребят, транспортер получился правильный. Он напоминал велосипедную цепь-передачу, только с очень большими звеньями. Каждое звено несло сеточку-люльку, чтобы подогретым «рюккам» было удобнее путешествовать от туннельной печи к свинцовым ваннам для окончательной доводки. Но Балакин продолжал волноваться и капризничать.

— Пойдемте за колонны, ребята, а то все это уже стало мне действовать на нервы,— тихонько сказала Нина Павловна.

Ребята торжественно повели ее на участок, и она вздохнула:

— Как у вас хорошо, светло, зелено!.. Что с тобой, Малышок?

Прославленный командир фронтовой бригады застыл, пригвожденный к полу. Остальные ребята немедленно последовали его примеру — тоже вросли в землю.

Над доской показателей висел неизвестно откуда взявшийся пестрый плакат:

«Молния» по филиалу.

Горячий привет фронтовой бригаде Мингарея Бекирова!

Вчера она выработала 235 процентов нормы на упаковке готовой продукции.

Так надо стоять первомайскую вахту, так надо помогать фронтовикам!»

— Вот это здорово!— ахнул Колька.

— Здорово с плюсом,— признал Сева.

— Это... это нечестно с его стороны! — возмутилась Леночка.

— Что нечестно? — спросил насмешливый голос.— Много вырабатывать — нечестно? Вот так понятие!

Только теперь Костя увидел улыбающегося Мишу Полянчука, увидел он и серьезного Герасима Ивановича, сидевшего на стеллаже.

— Да, это неправильно, нехорошо! — шумно протестовала Леночка.— Мы только что кончили расширяться, а у них никакой техники нет. Им легко хоть три нормы дать...

— Просто Мингарей в футбол играет,— дополнил Сева.— Подумаешь, удивил, на обе лопатки положил!

— Глупость порешь! — вмешался Герасим Иванович.— Не так-то легко на ручной работе много выработать. Видно, что филиальские ребята ради праздника помозговали, постарались. Ты, Булкин, радуйся, что они так сработали, да подумай, как от них не отстать...

Не добившись ни искорки радости ни от Севы, ни от других участников бригады, он коротко спросил:

— Что думаешь, Малышев?

Что думал командир бригады, что думал Константин Григорьевич, который так занесся, так погорячился перед Мингареем? Все ждали, что он скажет. Надо было решать вопрос, и решать спокойно, не выдавая своей тревоги.

— Сегодня на полную выработку пойдем, Галкину ждать не будем,— сказал он, окинув взглядом свой маленький отряд, готовый к бою.

— Правильно,— согласился Сева.

— Как людей расставишь? — поинтересовался Герасим Иванович.

Костя стал развивать план работы на семи станках при четырех токарях, считая и Кольку. До обеда Леночка должна вести отделочный станок, а мальчишки — по два черновых. Первой шла обедать Леночка. Ее подсменял

Глухих, а Костя и Сева вели по три черновых станка. Потом Леночка сменяла Колю, он шел обедать; вернувшись, опять-таки заменял Леночку, **Она** брала три черновых станка Севы, а Сева шел обедать, и так далее. Суть заключалась в том, чтобы станки не стояли ни минуты. Было ли это возможно? Да, это было бы возможно, если бы все члены бригады имели одинаковую квалификацию.

— Кто в футбол играет? — усмехнувшись, спросил Герасим Иванович.— Это ты, Малышев, в футбол играешь, ты горячку порешь. Да ведь и в футбол нужно с головой играть, а не так, чтобы ногами сдуру шаркать. А где твоя голова? В данном случае я ее не вижу... Ты, Глухих, за отделочным станком работал?

— Не... нет... Но я постараюсь,— пролепетал Колька.

— Не выйдет так, Малышев,— решил мастер.— Не позволю с техникой шутки шутить. Работайте, как задумали, только без этих подсменок, пока бригада в полном составе не соберется.

— Не дадим мы, сколько Мингарей дал,— проговорил командир, и его голос дрогнул от обиды,— просмеют нас ребята...

— Да, пускай наша бригада Первого мая битой ходит, пускай в калошу садится! — изменив своему спокойствию, крикнул Сева и сорвал с головы кепку так резко, что его волосы вздыбились.— Пускай! Нечего с нашей бригадой церемониться!

Наступило тяжелое молчание. Миша шепнул Косте:

— Жалею, что притащил эту «молнию». Положение у вас ах и швах!

Но Костя ему не ответил. Он смотрел между колоннами, не веря своим глазам; Нина Павловна смотрела в том же направлении и тоже не верила себе; только Леночка поверила сразу.

— Катя! Катенька! Катюша приехала! — закричала она.

За колонны ворвалась Катя, немного опередившая гудок. Это пришла выручка, это пришла надежда.

В своей бригаде

— Как у нас красиво! — сказала Катя. — Ох, сколько станков! Мы расширились! Наверное, это все Малышок устроил!.. Недаром я так спешила. Я чувствовала. Меня тетя не отпускала, а я все равно уехала. Никогда больше не буду пить молоко! Так надоело! А где мой станок?.. Ниночка, как я рада, что наконец приехала!.. Нет, это не мой станок! Что с ним сделали? Ничего не понимаю...

— Идем в медпункт! — приказала встревоженная Нина Павловна, схватив Катю за руку. — Не позволю тебе работать, пока доктор не осмотрит.

— Какая ты худенькая, Ниночка! — ответила Катя. — Тебя непременно нужно отправить в лесничество пить молоко. В обеденный перерыв я поведу тебя к доктору, пускай он тебя осмотрит.

Румяное, круглое лицо Катюши светилось, а глаза еще никогда не были такими синими и счастливыми. Она бросилась к своему шкафчику, надела халатик-спецовку и затянула пояс.

— Включаюсь! — сказала она решительно.

— Можешь, — согласился Костя. — Переделали мы твой станок. Вместо американского патрона самозажимный поставили. Ключа теперь не надо. Гляди: берешь рычаг на себя — патрон разошелся. Рычаг от себя — заготовку зажал. Задняя бабка тоже от рычага работает. А это упор для резцедержателя. Подведешь его до упора — дальше не пойдет. Включаешь самоход — стружка ровно в пять десятых миллиметра получится. Скорость, подачу тоже повысили. Павел Петрович все придумал.

Резец победитовый я поставил, тот, что Стукачев дал... Пробуй!

Она попробовала эту механику, и показалось, что станок работает сам, а ей только нужно чуть-чуть к нему прикасаться, напоминая «Бушу» порядок операций. Со всем другим стал «Буш». Но тут же выяснилось, что руки его хозяйки тоже стали другими. Они сразу нашли нужные движения и повели станок, успевая все сделать: крючком из толстой проволоки отвести стружку, чтобы она не навернулась вокруг резца, подвинуть поближе очередную обдирку, охладить резец. Все успевали сделать маленькие сильные руки.

Нина Павловна встретилась со счастливым взглядом Катюши и невольно улыбнулась в ответ.

Она поняла, что теперь поперечную душу уже не оторвать от бригады, которая с появлением Кати воспрянула духом.

— Я так счастлива, ты представить себе не можешь! — сказала ей Катя.— А ты еще больше похудела... Наверное, дни и ночи работаешь.— Она помолчала, перестала улыбаться, вполголоса спросила: — Я думала... все время думала, что, как приеду, ты мне скажешь...

— Нет, девочка, все остается по-прежнему,— едва шевельнув губами, ответила Нина Павловна.

— А как было бы хорошо,— сказала Катя со вздохом,— если бы к празднику пришло хоть малюсенькое письмо... Хоть одно слово!

— Да, хотя бы одно слово!.. — повторила Нина Павловна.

Теперь, когда Катя так поправилась, она еще больше походила на Василия Федоровича. В каждой черточке ее лица Нина Павловна узнавала любимого человека, каким она его помнила. Лицо Василия привиделось ей, как живое. Показалось, что муж издалека послал ей свою

улыбку. Сердце закричало: «Не молчи, подай весточку! Где ты, что с тобой?»

— Нет, ты все же сумасшедшая,— проговорила Нина Павловна и поправила на Кате беретик, успевший сбиться набок.— К доктору пойдем непременно.

Бригада быстро настроилась. Костя поручил Севе, Леночке и Кольке по два черновых станка, а сам взялся за подсобную работу. Один за другим пошли «Буши». Герасим Иванович дал несколько советов Косте и мимоходом сказал Мише:

— Так-то, дорогой товарищ! Ваш Мингарей, конечно, работник завидный, но и наши галчата, если разобраться, орлы!

— Никто в этом не сомневался,— ответил Миша.— Орлы и львы.

— Когда вы перебираетесь к нам? — спросила его Нина Павловна.

— Сразу после праздника.

— Мы все будем очень рады, а больше всех, конечно, Малышок.

В термическом цехе Нину Павловну ждала тысяча дел, и это было хорошо: хорошо было то, что заботы отеснили думу о Василии.

— Наконец я уговорил машинку не шуметь! — с торжеством доложил Павел Петрович.— Будем пробовать весь поточный комплекс?

И вот начался пробный перепуск. Туннельная печь выдала первые подогретые «рюмки». Печной работник положил их в сеточки-люльки, и они по транспортеру поплыли к свинцовым ваннам.

— Начали! — крикнул Дикерман, схватил «рюмку» щипцами, погрузил в расплавленный свинец, и другие калильщики последовали его примеру.

Дикерман выдержал «рюмку» в свинце сколько нужно, стукнул щипцами о край ванны, и другие калильщики

один за другим повторили это лихое движение. Сбив блестящие капельки свинца, они окунули раскаленные «рюмки» в масло и выставили их на железный стол-каретку. Участок электрованн ожил. Поточный комплекс закалки «рюмки», придуманный Ниной Павловной и учеными-металлургами, родился.

Большой подарок

Праздник шел по Уралу. Если бы вы спросили, где он начался, каждый труженик ответил бы: «У нас!» — и сказал бы правду. Машинисты экскаваторов на железных горах Высокой, Благодати, Магнитной вдвое быстрее наполняли тяжелой рудой вагоны, потому что начался праздник. Пушкари Перми посылали на полигонные испытания все больше пушек, потому что праздник начался. Танкостроители Челябинска ускоряли ход сборочных конвейеров, так как этого требовал праздник. Доменщики и сталевары Магнитогорска, Серова, Кушвы, медеплавильщики Кировограда и Красноуральска, алюминщики Каменска — Уральского всё быстрее выдавали плавки искрящегося металла.

Уральская земля встречала праздник военными подарками.

Участок за колоннами молодежного цеха был маленьким, почти незаметным кусочком Урала, но здесь люди тоже жили мыслью о фронте. Они хотели скорее узнать, что дадут семь станков, не придется ли краснеть перед бригадой Мингарея Бекирова, перед молодежным цехом. Впрочем, на сердце у Кости становилось все легче. Отделочный станок справлялся с потоком деталей. Он справлялся! Он успевал! Он даже как будто немного обгонял этот поток. Это вовсе не означало, что Павел Петрович ошибся в своих расчетах. Присмотревшись к работе Катюши, Павел Петрович сказал:

— Да, все зависит от рук... В таких руках отделочный станок успевает.— Но тут же добавил, погрозив пальцем Косте: — Нечего, нечего! Я знаю, о чем ты думаешь!

И он угадал, потому что Костя с сожалением подумал о восьмом «Буше», который остался сиротой в ремонтном цехе.

Со стороны казалось, что Катя вовсе не спешит, но ее руки успевали оторвать от каждой минуты несколько лишних секунд, а от часа — несколько минут, и она еще умудрялась пошутиться с Леночкой и дружески улыбнуться ребятам, даже Кольке, хотя в душе была не совсем довольна, что Малышок взял его в бригаду.

— А ты быстро освоился на двух станках,— все же признала она.

— С помощью Малышка,— тотчас же откликнулся Сева.

— Я прошу тебя, Сева, не начинать этого разговора,— вмешалась Леночка.— Ты тоже не сам научился работать на двух станках.

— Уж и слова сказать нельзя!— И Сева подмигнул Кате: — Это ее симпатия, понимаешь?

— Ой, ненормальный! — засмеялась Леночка и всплеснула руками.— Вы все моя симпатия, а больше всех Катя.

Словом, на участке «Бушей» дела шли прилично. Ребята из молодежного цеха бегали за колонны справиться, получит ли Мингарей достойный ответ. Потом парторг привел целую кучу важных посетителей и сказал:

— Вы интересовались нашим опытом использования устаревшего оборудования — вот посмотрите.

И после того как Костя рассказал о работе участка, парторг увел посетителей в термический цех. Вообще день выдался беспокойный.

— В термический цех весь город съехался. Народу полно! Дым столбом, и музыка играет,— сообщил Коль-

ка, бегавший сдавать резцы в заправку и заглянувший по пути в термичку.

— Воображаю, как волнуется Нина,— сказала Катя.— Ужасно неприятно, когда кто-нибудь смотрит, как ты работаешь.

— Тсс!— предупреждающе зашипела Леночка.— К нам опять кто-то идет... смотреть.

Это был не «кто-то», а рыжебородый фотограф, и не один, а с неизвестным военным человеком,— офицером в фронтовых погонах и с полевой сумкой.

Увидев фотографа, Катя все вспомнила — вспомнила их первую встречу, которая кончилась так печально,— и опустила голову, притворившись, что ничего не видит, хотя, конечно, ей было интересно знать, зачем они явились.

Фотограф сразу узнал ее и подошел ближе:

— Здравствуйте, Катя... Как вы поправились!

Он замолчал, снял шапку, вытер пот со лба и уставился на офицера, а офицер внимательно, очень внимательно смотрел на Катю и улыбался, трогая кончиком указательного пальца дужку своего пенсне, чтобы лучше видеть. Это было неприятно, даже обидно Кате, но она не знала, как к этому отнестись, и только покраснела.

— Ну конечно, вы не ошиблись,— проговорил офицер.— Это совершенно очевидно.

— Конечно, не ошибся! — воскликнул фотограф.— У фоторепортеров замечательная память на лица и фамилии.

— Глаза такие же синие...

— Совершенно синие! Других таких нет во всем городе. То есть, может быть, и есть, но я не встречал... Катя, можно остановить на минутку станок?

Станок замер. Замерла и Катя. Силы сразу оставили ее. Офицер достал что-то из полевой сумки и протянул Кате.

— Вы, может быть, знаете эту вещь? — спросил он.

— Это портсигар...— сказала она.— Это папин костяной портсигар...— Она смотрела на резной портсигар как во сне. Ее губы шевелились, но не получалось ни одного слова, а щеки становились все бледнее.— Откуда... это? — спросила она наконец с тоской.— Что с папой?

— Решительно, решительно ничего! — быстро проговорил офицер.— Ваш отец на днях дал мне этот портсигар вместо письма, потому что тут вырезаны его фамилия и инициалы... Я должен был найти вас, и вот...

Он не успел добавить ни слова.

Буря

В этот день инженер термообработки Нина Павловна Галкина и профессор Колышев из Института металлов сдавали специальной комиссии новый способ — новую технологию закалки тонкостенной детали, которую на заводе называли «рюмкой».

Борьба с капризной «рюмкой» подошла к концу. Об этом говорили диаграммы, вывешенные возле свинцовых ванн: цех в обычной работе уже получал девяносто и больше процентов годных «рюмок». Теперь нужно было в присутствии комиссии пропустить через ванны пятьсот «рюмок». В исходе этого экзамена было заинтересовано много заводов, каливших тонкостенные детали для «качюши».

Настал решительный торжественный момент в жизни молодого завода, в жизни Нины Павловны. В цехе было тихо, так тихо, что Павел Петрович, конечно, услышал бы даже ничтожный скрип своего транспортера, но и транспортер действовал бесшумно. Печной работник клал «рюмки» в сеточки-люльки. «Рюмки» одна за другой плыли к электрованнам. Калильщики брали «рюмки» щипцами, погружали в свинец, выдерживали, вынимали, сбивали капельки свинца, окунали в масло, ставили на

железный стол-каретку, а контролеры промеривали остывшие «рюмки». Поток шел без перерывов и не требовал вмешательства Нины Павловны.

Она наклонилась к полному, важному старику, который сидел на стуле, упершись кулаками в колени, и внимательно следил за работой калильщиков:

— Профессор, первая сотня на исходе...

Снова тишина... Парторг что-то объяснял шепотом товарищам из горкома партии. Члены комиссии главка столпились возле контрольного стола. Кончался контроль первой сотни деталей. Годные «рюмки», получив меловую отметку «п» — «принята», — выстраивались пирамидкой; забракованные, получившие перечеркнутый нолик, отставлялись в сторону.

— В первой сотне девяносто одна годная, в том числе три с допустимым браком, — сказал один из членов комиссии профессору. — Начало хорошее...

— У нас бывало девяносто безусловных, — спокойно ответил профессор. — Нынешним результатом я недоволен.

— Бывало и девяносто две безусловных, — задумчиво проговорил Дикерман.

— Всего два раза, — откликнулась Нина Павловна.

— Но все-таки бывало! — И Дикерман лихо сбил с «рюмки» капельки свинца.

— Мне все же кажется, что ванны холодные, — сказал профессор. — Проверьте температуру, Нина Павловна.

— Хорошо, — ответила она безучастно, как человек, который боится потерять нить какой-то мысли, и продолжала следить за работой калильщиков, озабоченно сдвигнув брови.

Сталь, сталь шла через руки калильщиков — сталь, такая крепкая и такая нежная, такая капризная, что воз-

ле нее впору было бы ходить на цыпочках и не дышать. Сколько хлопот доставила цеху непокорная сталь!

— Хорошо, профессор,— повторила Нина Павловна, забыв, что уже ответила ему, и осталась на месте, по-прежнему настороженная, почти окаменевшая.

Но ей всё мешали думать, всё мешали соединять в одну цепочку какие-то смутные догадки. Что это за шум в дверях цеха? Чей это звенящий голос: «Идемте скорее, идемте же!» Кто это мчится через цех? Катя? С каким-то незнакомым военным, который путается в полах шинели и придерживает пенсне.

— Нина! — крикнула Катя.— Ниночка! Папа жив! Смотри, папин портсигар! Это вместо письма. Ниночка!.. Помнишь папин портсигар... твой подарок!

Прижав руку к груди, Нина Павловна оперлась на спинку стула и сказала:

— Зачем вы ее... так встряхиваете! Ведь это сталь...

Она пошатнулась, взяла из рук Кати портсигар, посмотрела и, как слепая, пошла в лабораторию, не замечая ничего, не зная, что по ее лицу катятся слезы, забыв обо всем на свете — и даже о комиссии главка, даже о побежденной «рюмке». Катя потащила за собой офицера, с которым вообще обращалась очень решительно.

Все продолжалось гораздо меньше минуты. Первым пришел в себя старший калильщик.

— Не смей встряхивать «рюмку»! — закричал он на калильщиков.— Не смей! Ведь это сталь, надо понимать!.. У нашего инженера золотая голова!

Он вынул очередную «рюмку» из ванны, но не стряхнул с нее капелек свинца, опустил «рюмку» в масло, а потом не дыша, на цыпочках отнес закаленную деталь к столу.

— Как я сам не мог догадаться, что мы портили «рюмки»!.. — Он счастливо рассмеялся.— Значит, муж Нины Павловны жив? Замечательно! Теперь ручаюсь за

девяносто девять процентов абсолютно годных «рюмок». А?

Только тут все пришли в себя и заговорили об удивительном событии в жизни начальника термического цеха.

Партизаны

Ребята, конечно, не поняли, что случилось, а когда чуть-чуть поняли, Катя и счастливый вестник уже скрылись. За колоннами остался только рыжебородый фотограф. Он посмотрел на ребят с таким видом, будто только что проснулся, вздохнул и развел руками.

— Чего только не бывает,— сказал он.— Значит, ее папаша жив!

Ребята обступили фотографа, и он с пятого на десятое рассказал то, что вскоре стало известно всему заводу.

Оказалось, что военный товарищ, приведенный фотографом за колонны,— это не совсем военный товарищ. До войны он работал в редакции областной газеты и писал очерки, а теперь служит в редакции фронтовой газеты и заодно посылает корреспонденции в свою родную уральскую газету. Недавно командование разрешило ему съездить на Урал и издать целую книгу военных очерков о бойцах и офицерах-уральцах. Перед отъездом домой он решил побывать в партизанском крае и собрать там материал еще для одного очерка.

Что такое партизанский край? Вот что такое: далеко за линией фронта, в тылу вражеской армии, объединились десятки партизанских отрядов, освободили от фашистов большой кусок земли и восстановили там советскую власть. Фашисты посылают против партизан карательные отряды-экспедиции, но эти экспедиции исчезают бесследно — их уничтожают партизаны.

Время от времени в партизанский край прилетают эскадрильи советских самолетов и сбрасывают посылки —

оружие, медикаменты и газеты. Недавно партизаны устроили в лесу свой первый аэродром, и к ним отправился самолет с медикаментами. На борту этого небольшого самолета устроился и сотрудник газеты.

За советским самолетом охотились фашистские истребители, но, к счастью, перелет прошел удачно. Сотрудник военной газеты очутился в центральном штабе партизанских отрядов и всю ночь беседовал с героями-партизанами. Он услышал замечательные истории о подвигах бесстрашных советских людей, которые уничтожали фашистов где и как могли. Особенно часто он слышал о партизанском отряде уральцев и его командире, которого все звали Инженером, так как у каждого партизана есть кличка. В этом отряде офицеры и солдаты — уральцы. Они с боями вышли из вражеского окружения, встретились с партизанами и присоединились к ним.

Этот отряд, как призрак, появляется там, где его не ждут, и там, где он появляется, не остается живых фашистов. Один только Инженер убил их больше ста. Фашисты пообещали предателям за голову Инженера десять тысяч марок, но легче поймать тень летящей птицы, чем его. Сотрудник газеты хотел повидаться с Инженером, но это не удалось, так как отряд ушел выполнять какое-то боевое задание.

Ранним утром маленький самолет должен был отправиться в обратный путь. Сотрудник газеты попрощался с партизанами и занял место позади пилота.

Вдруг возле самолета появился высокий человек с удивительно синими глазами и русой бородой. «Вот и наш Инженер», — представил его начальник партизанского штаба. Синеглазый человек сказал: «Я слышал в штабе, что вы побываете дома, на Урале, в городе Н.». — «Да». — «Там у меня на заводе работают жена и дочь, — начал Инженер. — Их фамилия...» В эту минуту заревел мотор самолета. Инженер не смог закончить фразу, вы-

хватил из кармана костяной портсигар, показал фамилию, вырезанную на донышке портсигара: «В. Галкин», и сотрудник газеты улетел с ним в руках...

Эту историю он рассказал своим уральским товарищам-журналистам, когда выступал в редакции с докладом о путешествии в партизанский край. Фоторепортер газеты тотчас же воскликнул: «Знаю Галкиных! Одна — токарь, другая — инженер на номерном заводе. И у Кати Галкиной удивительно синие глаза».

Ребята выслушали рассказ фотографа, будто волшебную сказку.

— Как... как я рада за Катю!..— сказала Леночка, отвернулась, пошла за станок и стала сморкаться в платочек.

— Я тоже очень рад,— сказал фотограф.— И я думаю, что, может быть, мой сын... тоже в партизанском отряде... Ведь это возможно, правда? — спросил он у ребят.

— Ясно!— уверенно поддержал его Костя.

— Вполне реально! — поддакнул Колька.

Странно было после всего этого снова увидеть себя на заводе, в цехе, возле станков, которые уже простояли четверть часа, но все это было, все это существовало, а «молния» с филиала напомнила ребятам, что грозный Мингарей Бекиров ждет ответа от фронтовой бригады; и теперь им хотелось в сто раз сильнее, чтобы ответ Мингарею был вполне достойным.

В эту минуту за колоннами появилась Катя — совсем необычная, тихая, даже робкая, будто она стеснялась своего неожиданного счастья, будто она боялась, что счастье может рассеяться, как легкий сон.

— Товарищ Шубин,— сказала она фотографу,— Нина Павловна просит вас непременно прийти к нам завтра с капитаном Стариковым пообедать... Товарищ Стариков уже записал наш адрес... Ребята, и вы все тоже будете у нас обедать...

— Садитесь,— озабоченно сказал фотограф.— Мне просто совестно перед всем заводом, что я дал для «Доски почета» ваш старый портрет. Теперь вы на него совсем не похожи.

Он снял Катю с выдержкой и пообещал, что уже завтра принесет замечательный портрет. Потом фотограф отправился в термический цех разыскивать своего военного товарища, а за колоннами снова началась работа.

Первой пустила станок Катя. Вот она взяла обдирку и сразу отложила ее в сторону, потому что деталь стала совсем готовой.

Станок «Буш» был тут решительно ни при чем — он только даром суетился и мешал Кате колдовать своими маленькими, ловкими руками.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Лесной

пробег

Как только просохла «молния», написанная завкомовским художником, Костя осторожно свернул ее в трубку, и мальчики бросились к заводским воротам. Где автобус? Нет автобуса! Он ушел на Северный Полюс и увез Зиночку Соловьеву. У ворот стояли Катя и Леночка.

— Что вы так долго копались! — сердито сказала Катя. — Нужно было всего одну цифру написать, а вы целый час пропадали! Зиночка очень обиделась... Ждала, ждала и уехала...

— А коли «молния» не сохла! — сказал расстроенный Костя.

— Ну ничего, — решила Леночка. — Зиночка знает, сколько выработала наша бригада. Она выступит на торжественном собрании Северного Полюса и все скажет... Пойдемте, ребята, на заседание в красный уголок. Там будет концерт...

— Дай «молнию»! — крикнул Сева.

Он выхватил из рук Кости «молнию» и бросился прочь; ребята едва нагнали его.

— Ты куда? — кричал Костя.

— Не приставай! На Полюс!

— Ты же дороги не знаешь! — ужаснулась Леночка.

— Знаю! Ребята рассказывали, как они на Северный Полюс бегали. Здесь напрямки семь километров... Через железную дорогу, а потом лесом... За полчаса добегу.

— Оставь его, Леночка,— засмеялась Катя.— Он с ума сошел!

Как видно, Костя тоже сошел с ума.

— Бежим вместе! — сказал он Севе.

— Я могу только вместеях, кабысь-кабысь! — пошутил обрадованный Сева.— Нажми, командир!

Девочки кричали им что-то вслед, но Костя и Сева, не обращая внимания, припустили со всех ног, оставили за собой сосновую рощу, пересекли полотно железной дороги, миновали какие-то склады, окруженные колючей проволокой, и наконец достигли лесной опушки. Начался пригородный лесок, очень редкий, по-весеннему сырой, пахнувший только что растаявшим снегом и намокшей хвоей. Дорога была грязная, колеистая, она то и дело двоилась и троилась, огибая болотники, и становилась все хуже.

Мальчики бежали по обочинам дороги, перепрыгивая через корни и муравьиные кучи. Ноги сами несли Костю, грудь дышала широко, он жадно втягивал лесные запахи.

Сева споткнулся о корень.

— Гляди, «молнию» сомнешь! — забеспокоился Костя.— Дай-ка я понесу.

— Пойди прогуляйся! — отказался Сева.— Кто с кем заодно, кабысь-кабысь? Сам «молнию» на филиал принесу и посмотрю, какой у Мингарея нос станет. Двести пятьдесят процентов — это штука!

Конечно, это была штука, этим можно было похвалиться. Предвкушая близкое торжество, мальчики нажали еще резвее, но вдруг Костя замедлил шаг.

— Ты что, скис? — насмешливо спросил Сева.— Ступай-ка лучше домой. Без тебя обойдусь... слабое звено.

— Не так идем,— сказал Костя.— Надо на полночь, а мы все па закат да на закат. Плохая дорога!

— Ври! — фыркнул Сева.— Ребята мне говорили... Шагай, одним словом!

— А что шагать, коли неверно идем...

Подтверждая его слова, дорога круто свернула на запад. Сева тоже сбавил скорость. Они пристально вглядывались в лесную чащу. Впереди стало светлее, что-то заблестело, зарумянилось. Казалось, что лучи заката стелются между стволами деревьев.

— Будто река...— задумчиво предположил Костя.

— Откуда здесь река?— пожал плечами Сева.

Спустя минуту они действительно очутились на берегу какой-то неподвижной реки, которая вплотную подступила к сосновым стволам и ярко отражала закатный огонь. Не сразу мальчики разглядели, что это вовсе не река, а широкая полоса жидкой глины, прорезавшая лес. Тут и там виднелись полузатонувшие стволы изломанных и размочаленных берез и сосен — какая-то страшная сила расправилась с ними, как со спичками.

— Что же это такое? — недоумевая, спросил Сева.— Отчего это?

— Будто дорога... вишь, колеи...

Кое-где среди жидкой глины виднелись продольные гребни обсохшей глины, между которыми застоялась вода.

— Ничего не понимаю! — рассердился Сева.— Вот и переберись на другой берег!

— А ну помолчи! — сказал Костя.

Они стали прислушиваться.

Сначала казалось, что прислушиваться не к чему, а потом стало к чему. Это был тяжелый и глухой шум. Сева неожиданно сорвался с места и, размахивая «молнией», побежал навстречу шуму. Побежал и Костя.

— Знаешь, что это? Знаешь?— задыхаясь от волнения, крикнул Сева.

Костя ответил, но сам не расслышал своего ответа. Шум неожиданно вырос в миллион раз, поднялся из-под земли, качнул каждую сосну, взорвал каждую кровинку в жилах. Неожиданно Костя увидел три танка. Они показались на вершине невысокого холма, откуда спускалась неподвижная река. Три танка отпечатались на горячем медном небе и на минуту застыли. Страшными, удивительными, чудесными были эти громадные машины со вскинутыми к небу пушками здесь, в лесу, в безлюдье, будто три чудовища вышли на охоту. Не успели они оторваться от медного, пылающего неба, как появился уже второй ряд — семь машин, а за этими появился третий ряд — десять машин...

Сева, подбежав к Косте, схватил его за плечо и припал губами к его уху.

— Танки! Наши танки! Видишь! — кричал он.

У него были сумасшедшие глаза, он закружился на месте, заметался, сорвал с головы кепку, замахал ею — как видно, что-то кричал, но его голос терялся в железном грохоте, который дробился о стволы сосен, делал трудным и прерывистым дыхание, заставлял сердце биться все быстрее, все радостнее.

— Танки! Наши танки! — кричал и Костя, кружась на месте, размахивая руками.— Видишь! Танки с Большого завода! — выкрикивал он, хотя и знал, что это бесполезно, так как Сева не слышит ни слова.

Танки уже поравнялись с мальчиками. Они шли ряд

за рядом во всю ширину дороги, проложенной в лесу, неохотно обходя одинокую толстую сосну, сохранившуюся на маленьком островке, зарываясь в глину, разбрасывая ее, выдавливая глубокие колеи, обдавая друг друга брызгами. Они были еще не крашенные, но понизу стали желтыми от глины, и только башни остались черными, а на башнях белели буквы: «Сверх плана — первомайский», «Сверх плана — первомайский», «Сверх плана...», «Сверх плана...» и еще, и еще...

— Невпроворот! — кричал Костя. — Видишь, непроворот! — И сердце его было нестерпимо горячим, огненным.

Не он сделал эти танки, эти бесчисленные машины. Их сделали люди, которые работали на Большом заводе, — варили, резали, сваривали сталь, сверлили пушки, собирали моторы. Но ведь Костя тоже умел резать сталь, и поэтому он вдруг почувствовал, что это его воля ведет тяжелые машины вперед, вперед по трудной дороге, его сердце бьется в стальной груди грозных машин.

Один танк не захотел обходить толстую сосну, гордо стоявшую на островке. Он подошел и уперся в кряжистый ствол, как-то поднялся, зеленое пламя из выхлопной трубы ударило в землю, гусеницы танка пошли медленнее, с ревом зарылись в глину. Сосна удивленно вздрогнула, застыла на миг, качнулась, взмахнула кроной и медленно повалилась.

— Давай! — крикнул Костя, и его кулаки сжались до боли. — Да-вай еще!

Это не сосна рухнула, а тот, которого должны были уничтожить тапки, уральские танки, созданные такими же оружейниками, как он, Костя, как Герасим Иванович, Нина Павловна, Сева, Катя, Мингарей, Миша...

— Давай! — умолял он танки, показывая на сосны, стоящие вдоль дороги. — Давай, давай!

Но танки шли своим путем, ряд за рядом, волна за

волной, и ярко белели на черных башнях слова: «Сверх плана — первомайский», «Сверх плана...», «Сверх плана...» Сколько их было! Так много, что Костя и не подумал считать.

Конец! Кончилось грозное шествие. Еще пенилась и бурлила желтая глина танковой дороги, прорезавшей лес, но шум моторов быстро сбывал, как спадает вода з реке после бурного половодья; он снова превратился в глухой подземный гул, не рождавший откликов в лесу.

Костя оглянулся, позвал:

— Севолод!

Звук собственного голоса показался ему слабым, дребезжащим. Он набрал побольше воздуха в грудь и завопил:

— Се-во-лод! «Молнию» давай! Се-во-лод!

Тишина... Сева исчез вместе с «молнией». Костя крикнул еще раз-другой, не дождался отклика и побрел по лесу. Не было никакого смысла идти на Северный Полюс: к торжественному собранию он уже опоздал, и, кроме того, «молния» исчезла вместе с Севой. Но дело не только в этом... Его уже не увлекала мысль натянуть Минга-рею нос и надавать ему горячих. Не это теперь было важным. А что же было важным? Он шел по тропинке, которая, по его расчетам, должна была вывести к заводской окраине, и старался сообразить, сколько нужно сделать танков, «катыш», самолетов, пушек, чтобы свалить фашиста, бросить его наземь и раздавить, как змею гадюку. Он готов был сделать все оружие для фронта своими руками.

Стемнело, и звезды замигали, замерцали вверху, в неподвижной черной хвое молчаливых сосен. Костя не знал, далеко ли, близко ли от дома,— он просто шел вперед, улыбаясь своим мыслям и не замечая, что улыбается. Потом он забеспокоился — не заблудился ли Сева?— и немного покричал, но ответа не услышал.

— Явился наконец! — хмыкнул Сева, как только Костя переступил порог боковушки.— Куда ты девался? Пропал, как сквозь землю провалился...

Картина, которую увидел Костя, была такой занятой, что он даже не успел рассердиться. Поджав ноги, Сева сидел на топчане и тянул чай из блюдечка. Вероятно, он занимался этим уже давно — его лицо блестело, глаза от удовольствия стали маленькими и туманными. На стене, прямо над Севой, как победное знамя, висела та самая «молния», которую ребята должны были доставить на филиал и вот не доставили.

«Привет фронтовой бригаде Кости Малышева! — гласила «молния».— В последний день первомайского соревнования она выработала 250 процентов бригадной нормы».

— А ты куда пропал?— спросил Костя.

Оказалось, все получилось очень просто: Сева так обрадовался танкам, что забыл о Косте, побежал за танками, бежал долго, а когда опомнился — увидел какой-то пригород и какой-то завод. Это был Большой завод. Ему осталось только сесть в трамвай, а трамвай довез его чуть ли не до Земляного холма. Дома Сева узнал, что Нина Павловна и Катя еще не вернулись с торжественного собрания в клубе, и сел пить чай.

— «Молнию»-то на Северный Полюс не принесли,— сказал Костя.

— Чепуха,— ответил Сева.— Мингарей и без «молнии» узнает, сколько мы выработали... А эта «молния» пускай у нас висит... на память.

— А хотел Мингарею горячих надавать!

— Ну его,— мирно ответил Сева.— Будут у нас еще дела с Мингареем, успеем поговорить.

Только теперь Костя додумал мысль, которая занима—

Они шли ряд за рядом во всю ширину дороги.

К стр. 317

ла его с той самой минуты, когда он вошел в боковушку. Он прекрасно знал, что Сева в два дня расправился с сахаром, полученным в счет майской нормы, — сахара у него, как и у Кости, не было, и всё же...

— Ты чего не свистишь?— спросил он.

— Дурак я был свистеть,— ответил Сева, отхлебнул из блюдечка и сладко зажмурился.— Сам свисти, если хочешь... Давай кружку — налью!

Костя поднес кружку к губам и понял, что свистеть действительно было бы глупо. Никогда в жизни ему не приходилось пить такого сладкого чая, если можно было назвать чаем густой горячий сироп.

— Жирно живешь! — сказал он.— Где сахар взял?

— Не у тебя, кабысь-кабысь!

Все стало понятно. Стараясь не выдать своей радости, Костя, будто ничего не понял, упрекнул товарища:

— Запас тронул? А в синий туман с чем пойдешь?

— В какой синий туман?— хладнокровно спросил Сева.

— В такой-какой... Ясно — за золотом.

— Без твоего золота обойдусь,— ответил Сева.— Хочешь еще чаю? Мне не жалко.— И он щедро долил кружки.

Странное дело: все это только обрадовало, но как-то не удивило Костю. Напротив, теперь было бы гораздо удивительнее, если бы Сева сказал: «Давай тамгу и письмо к румянцевским ребятам, я это заслужил». Уже давно Костя почти неосознанно ждал, что его товарищ под тем или другим предлогом откажется от похода в тайгу, и теперь почувствовал, как много уверенности было в этом ожидании. Костя припомнил все — стычку на Земляном холме, драку на Гималаях, историю с тупым гвоздиком — и усмехнулся, как усмехнулся бы взрослый человек, увидев короткие штанишки, которые он носил в детстве.

Танки! Конечно, танки сыграли свою роль, но не только встречей с танками объяснялся отказ Севы от экспедиции за золотом. Слишком много важного, решительного случилось в жизни мальчиков, большая сила была у нового ветра, который ворвался за колонны в первый день существования фронтовой бригады. Новый ветер прогнал синий туман далеко-далеко, и то, что еще недавно казалось простым, верным и важным, стало шатким и неверным, как полузабытая сказка, как хрупкое сновидение. Святое озеро, поющие рыбы, золотое дно... Разве могло сравниться все это с тем, что окружало мальчиков, что было их жизнью, их борьбой, их трудным и радостным делом? Может быть, об этом же думал и Сева,— он улыбкой ответил на улыбку Кости, не спрашивая его согласия, вылил в кружку все, что было в чайнике, и похлопал себя по животу.

— Спать надо,— сказал он.— Сахару еще на завтра хватит. А Нины Павловны и Кати нет. Наверное, концерт в красном уголке большой. Интересно было бы знать, на сколько сработала бригада Мингарея. А что, если двести пятьдесят пять, например?

— Тоже выдумаешь!

— Спать ложишься?

— Не... подожду...

Был теплый, совсем теплый вечер, и звезды мирно смотрели на землю. Они разыскали Костю, сидевшего на лавочке у ворот, и что-то спросили. Может быть, они спросили: «Почему ты киснешь?» А Костя и сам не понимал, чего ради ему вдруг взгрустнулось. Может быть, это произошло потому, что многое кончилось, развязалось и хотелось знать, как все пойдет дальше. Может быть, взгрустнулось и потому, что после этого тревожного дня со всеми его удивительными событиями все как-то замерло и он остался один на один с самим собой, вспомнил Румянцевку, вспомнил Митрия... А может

быть, виной всему была мысль, что Катя и Леночка слушают концерт, веселятся, а он чего-то ради по-глупому сидит у ворот да ждет их, хотя сон понемногу овладевает им и клонит его голову на плечо Шагистому, который уселся рядом на лавочке.

Шагистый насторожился, заскулил и судорожно зевнул. Послышались быстрые легкие шаги по деревянному тротуару. Из темноты вылетела маленькая фигурка. Шагистый бросился ей навстречу. Катя — конечно, это была Катя — сказала: «Не лезь, глупый пес!» — разглядела Костю и обрадовалась:

— Ты уже дома! И Сева? Уф, как сердце бьется! Мы так волновались! Где вы пропали? Понимаешь, только-только кончилось первое отделение концерта, а тут с филиала приехала Зиночка и сказала, что не видела тебя и Севу на филиале. Мы все так испугались... Думали, что вы в лесу заблудились.

— Ничего не заблудились, — усмехнулся Костя, очень обрадованный тем, что о нем думали, беспокоились. — А Мингарей на сколько сработал?

— На двести сорок пять... Он на митинге выступил и назвал нас молодцами.

— Хорошо!

— Очень, — засмеялась Катя и предложила: — Посидим здесь, подождем Нину и Леночку.

Они сели и долго молчали. Вдруг Катя шепнула:

— Вот все вижу, все слышу и совсем-совсем нисколько не верю, что все так и есть. Мы с Ниной сегодня вообще как сумасшедшие... На торжественном заседании Сергей Степанович доклад сделал. Он хвалил Нину, что она научилась калить «рюмку», а она ничего не поняла... И я не поняла, когда он нашу бригаду очень хвалил... Леночка потом нам все рассказала...

Счастье затопило ее сердечко, тонкие руки вдруг об-

хватили шею Кости, холодные, дрожащие губы коснулись его щеки.

— Братик мой родимый, вот я заплачу сейчас.— проговорила она со слезами и смехом в голосе.— Вот уже реву... У, глупая такая! Плакса-варакса...

— Глупая и есть,— ответил Костя и почувствовал, будто кровь Большого Митрия наполнила его сердце и сделала его способным творить чудеса ради Кати, ради своих товарищей, ради всех, кто был с ним заодно и в беде и в счастье, кто вместе с ним боролся и вместе с ним должен был победить врага силой своей души и искусством своих рук.

Послышались голоса. Это пришли Нина Павловна и Леночка. Они обрадовались, что Костя и Сева живы-здоровы, немного поговорили, и Нина Павловна приказала ребятам идти спать.

— Ой, совсем забыла! — спохватилась Леночка.— Малышок, Коля просил напомнить, чтобы ты написал удостоверение на фронт, что он стал хорошо работать. Напишешь?

— Ясно, напишу,— пообещал Костя.

„Какой ужас!“

Нина Павловна и Антонина Антоновна принялись варить и печь к завтрашнему званому обеду. Катя тоже хотела хозяйничать, но ее прогнали спать, а Костя попросил у Нины Павловны чернила, перо и бумагу и устроился на уголке кухонного стола писать обещанное удостоверение.

Удостоверение пойдет на фронт, там его прочтет гвардии капитан Глухих и обрадуется, что его сын Николай уже справляется с двумя станками и вообще ничем не хуже других гвардейцев трудового фронта.

Но какое это ответственное и трудное дело — вести официальную переписку! Костя почувствовал себя таким серьезным и важным, что даже вспотел, но от этого удостоверения не подвинулось ни на шаг, потому что Костя не знал, как это делается...

Хорошо, что Нина Павловна пришла на помощь. Повязав голову чистым полотенцем и вымешивая тесто, она диктовала:

— Пиши: «Уважаемый тов (точка) Глухих (восклицательный знак)». Теперь пиши с новой строки: «От имени нашей фронтовой бригады поздравляю Вас (с большой буквы) с днем Первого мая и желаю боевых успехов (точка)». Пиши с новой строки: «Я рад сообщить Вам (с большой буквы), что Ваш (с большой буквы) сын Николай Глухих...»

Так она продиктовала все письмо, на что потребовалось немало времени, хотя Костя старался писать быстрее и, как говорится, закрыв глаза, решал грамматические загадки, встававшие перед ним в каждом слове. Из этого испытания он вышел покрасневший и разбитый. Конечно, ему было бы легче целую смену работать на всех «Бушах», включая и отделочный, чем вести деловую переписку.

Управившись с тестом, Нина Павловна вымыла руки и, вытирая их, бросила через плечо Кости взгляд на письмо.

— Надо признаться, что почерк у тебя не блестящий,— сказала она.— Странно, я почему-то думала, что ты пишешь лучше. Постой, постой! Что это такое?— Она прочитала письмо, всплеснула руками и воскликнула:— Костя, какой ужас! В два раза больше ошибок, чем слов! Кошмар! — Она схватила перо и стала подчеркивать ошибки.

Только что за столом сидел знатный командир самой

лучшей молодежной фронтовой бригады, первый снайпер молотка, победитель Мингарея Бекирова в первомайском соревновании, и вдруг перед пораженной Ниной Павлов-ной предстал маленький, бесконечно смущенный неуч с горящими ушами.

— Ты вообще-то учился в школе?— спросила она Малышка.

— А когда было учиться...— пробормотал он.— Митрий-то дома не сидел, кормильцем не был... Две зимы в школу бегал, а то все робил...

— Разве что так...— вздохнула Нина Павловна.— Что же, придется поправлять дело.

— По осени учиться стану!— решительно пообещал Костя.— Ребята в бригаде уж толковали, чтобы по осени всем заодно в школу взрослых пойти.

— Нет, так не годится,— возразила Нина Павловна.— До осени далеко. Фронту вы должны служить, потому что рабочих рук не хватает, но и превращаться в варваров вы не имеете права. После праздника начнем подготовку к вечерней школе. Тебе придется догонять всех других членов бригады.

— Догоню!— твердо проговорил Костя.— Я учиться люблю...— Он насупился и попросил:— Вы только удостоверение-то Севолоду не показывайте, Засмеет он меня.

— Не расстраивайся,— успокоила его Нина Павловна.— Письмо на фронт я сейчас перепишу начисто... Но имей в виду, я не дам покоя твоей бригаде, пока вы не станете академиками по всем наукам. А пока...— Она посмотрела на часы.— Ровно двенадцать! Праздник наступил! Поздравляю тебя с Первым мая, Малышок, и с победой в соревновании с Мингареем!

— А вас с «рюмкой»!— ответил Костя.

Она выпроводила Костю спать, и будущий академик

ушел в боковушку счастливый и обеспокоенный, потому что впереди лежала целая жизнь и потому что его ждал большой труд.

Но он не боялся ни работы, ни учения, потому что был на свете не один, и поэтому беспокойство было не страшным, не тяжелым.

ЭПИЛОГ

Сказ о сием тумане

Есть за городом Н., на полпути между номерным заводом и Северным Полюсом, невысокие горы, поросшие лесом, а среди гор раскинулась долина, по которой струятся светлые холодные ручьи. Здесь и собрались на массовку мастера «катюши».

Явились сюда токари, слесари, лекальщики, термисты с завода, пришли тарники, сборщики, упаковщики с филиала. Встретились друзья-соперники, которые соревновались горячо и дружили с каждым днем все крепче, потому что соревновались они с одной мыслью — дать больше оружия для братьев-фронтовиков, для разгрома фашистов.

Широкая долина ожила, зашумела людскими головами.

Конечно, прежде всего состоялся митинг. Ораторы говорили о достижениях завода и филиала. Они работали не хуже, чем другие военные предприятия Урала, чем весь Урал, — за полгода выполнили обязательство, взятое на весь год, и поклялись до конца года сделать столько же. Все наладилось, все крепко стало на ноги. На заводе уже полным ходом работал новый сборочный конвейер, устроенный в длинном кирпичном цехе; открылась школа ФЗО для рабочих-новичков; начались занятия в учебном комбинате, где молодые рабочие слушали лекции, как лучше работать за станком. А те, кто задумал с осени пойти в школу взрослых, занимались в особых

кружках. Самым лучшим был кружок, который вела Нина Павловна Галкина, а самым лучшим учеником в этом кружке — Костя Малышев.

Далеко-далеко от Урала гремела война. Начались грозные дни решительных боев. Враг был очень силен, но он был только силен, а советский народ становился все дружнее, советский народ трудился все лучше и верил в свою победу — значит, он был гораздо сильнее врага. Об этом говорили взрослые рабочие на митинге, и Костя тоже выступил.

— Будем стоять вахту, будем соревноваться с бригадой Мингарея Бекирова, пока не побьем фашистов! — сказал он.

Мингарей крикнул в ответ:

— Правильно, Малышок! Молодец, башка!

После митинга все отправились в тень под березы отдохнуть, так как было очень жарко. Нина Павловна стала учить Катю и Леночку плести венки из скромных цветов, собранных девочками; Миша, Сева и Колька затеяли шахматный турнир; Костя с Мингареем толковали о филиальских новостях, а Герасим Иванович укрылся газетой и задремал.

— Вся семья в сборе, — сказал директор, который ходил от одной группы к другой, потому что был непоседливый человек. Он шутивно напомнил Косте: — Вот уже лето в разгаре, а ты все в тайгу не убежал. Да еще обязался вахту до конца войны стоять. Как же это так?

— А что мне в тайге делать? — ответил Костя. — Мне и здесь хорошо.

— Мы с ним после войны в синий туман пойдем, — откликнулся Миша. — Будем золото вместо грибов собирать...

— Что за синий туман? — спросила Нина Павловна. А Катя тоже сказала:

— Ничего не понимаю! Что за синий туман?

— Тайна,— серьезно проговорил Миша.— Открыть ее может только сам Малышок...

Все заинтересованно смотрели на Костю, Сева украдкой показал ему кулак, что означало: «Мое дело сторона, не смей меня путать в твой синий туман!» — а Колька конспиративно подмигнул левым глазом.

— Малышок, расскажи нам о синем тумане! — приказала Катя.— Это сказка, да?

— Расскажу,— согласился Костя.— Только не сказка это, не глупость...

И, глядя на круглые горушки, поросшие лесом, он начал рассказ:

— Брат мой Митрий неохот был сидеть дома. Он тайгу любил, приволу. То на лешню-охоту побежит, то золото мыть — все удачу искал. Вот зимой подался он к дальним маньси-вогулам — проведать, как лесные люди живут. Бежал он тайгой, видел один день Ивдель-реку, другой день Ивдель и третий, а там уж и до вогулов близко.

Бежит Митрий тайгой, глядь — лыжня проложена. Он на ту лыжню стал, спасибо сказал, легче пошел. Только вот слышит — кто-сь кричит жалобно так, будто лиса зайчика дерет, жизнь отнимает. Видит Митрий не поймешь что: мечется что-сь рыжее в снегу, клубком катится. А это рысь-разбойница на мальчонку-вогульчика с лесины кинулась — большая рысь, лютая. Крови человеческой захотела.

А что Митрию делать? Стрелять нельзя и ножом бить нельзя — мальчонку тронешь. Тут Митрий рысь за плотку схватил, на себя зверюгу принял, а рысь на нем все когтями разодрала, мясо с ребер сняла. Ну, Митрий ее, ясно, задавил, а сам пал без памяти. Крови из него много вышло.

Оклемався, опамятовался, а он в юрте лежит, в кору да в олений мех завернут, а подле — старый старик и ка-

жет ему по-вогульски таково ласково: «Хороший ты человек, смелый! Ты моего внука от смерти спас. Лежи поправляйся — я тебе друг, а ты мне гость дорогой». А это был самый старый на свете Володька Бахтиаров.

Он Митрия кореньями лечил, совсем вылечил, прежняя сила к Митрию вернулась. Собрался Митрий вобрат к своим бежать, а Бахтиаров говорит: «Вот тебе, Митрий, собольи шкурки, а вот моя тамга, дороже которой не найдешь. Ты ее какому хочешь маньси покажи, а он тебя ко мне доставит, и поведу я тебя в синий туман. А если кому тамгу отдашь, я и его поведу...»

Когда Костя дошел до этого места, Колька вздохнул, Сева с безразличным видом принялся переставлять фигуры на доске, а Миша усмехнулся.

— А что же такое синий туман?— спросила Нина Павловна.

— Постой, все скажу,— ответил Костя и продолжал рассказ.— В том месте, где Володька Бахтиаров живет, тайга сильная, болотистая. В той тайге туман по осени ложится на первый желтый лист. Сверху смотреть — синий это туман, вовсе синий, будто небо ясное, а в туман ступишь — белым-бело, своей руки не видишь, такой туман. И лежит тот туман и три и четыре дня, а потом ветер дунет и снимет его, как не было.

Ты к Бахтиарову придешь, тамгу ему подашь, в его юрте на горе поживешь, сколько придется, тумана дожди — даючись. Бахтиаров тебя кормить будет, не обидит, а как станет туман, он вскричит: «Айда!» — и пойдешь ты за ним, поспешай только, у него нога легкая. Долго будешь идти и вот дойдешь куда надо. А это озеро такое — Святое озеро. Кругом горы стоят, а оно внизу. Не велико то озеро, а другого такого нигде нет. Три речки в озеро падают, а куда уходят, не поймешь. То озеро кипит-кипит, а вода холодная, рука не терпит. И рыбы в том озере большие, лазоревые и... поют.

— Ой,— вздохнула Леночка,— абсолютно не верю!
— Молчи! — шепнула Катя.— Как ты не понимаешь, что это сказка!

— Кипит-кипит озеро,— продолжал Костя, глядя перед собой остановившимся взглядом,— а потом вода сразу уйдет невесть куда. Тут откроется дно, а на дне металл лежит — и песком и самородками кругленькими. Ты его подними, сколь унесешь, только через силу не бери. Как наберешь металла, Бахтиаров тебе велит: «Айда!» — и поведет вобрат. А идет он легко, тебя ждать не станет. Ты лишний металл бросишь, только б не отстать, а отстанешь — пропадешь. Придешь к юрте, туман кончится — ступай домой, пируй, в другой раз не приходи: Бахтиаров в синий туман без тамги не поведет.

— Как все это интересно!..— мечтательно проговорила Катя.— А разве у тебя есть тамга?

— Значит, есть... Митрий, как от маньси прибежал, мне про тамгу ничего не сказал, а как стал на войну уходить, все сказал, тамгу дал и велел, коли случай будет, к Бахтиарову пойти.

Он достал тамгу, и она пошла путешествовать из рук в руки.

— Я только не понимаю, почему для этого похода непременно нужен синий туман,— сказала Нина Павловна.

— Это все технически обосновано,— пояснил Миша:— чтобы никто не мог запомнить дорогу к Святому озеру.

— Ну, разве что так...— откликнулся из-под газеты Герасим Иванович, который, оказывается, слышал весь сказ.— А ты признайся, Малышок: неужели это брат Митрий тебе про туман да про Святое озеро рассказал?

— Не... Митрий того не говорил... Митрий только тамгу дал да велел к Бахтиарову сбегать, а Бахтиаров-де

богатимое золотое место покажет. Про синий туман другие сказывали... Все то знают...

— Слышал и я о синем тумане, старинный это сказ, уральский,— сказал Герасим Иванович.— И не поймешь, правда это или наплетено.

Катя загорелась:

— Нет, наверное, все это так и есть! Знаете что? Давайте, как только кончится война, все пойдем в синий туман...

— Поддерживаю! — с серьезным видом согласился директор.— Как только кончится война, вы отправляетесь в синий туман и приносите много золота. Золото для мирного строительства пригодится. Но... до конца войны — никуда! Работников мы лишаться не можем.

— Ясно,— подтвердил Костя.

— А мне кажется, что кое-кто хотел уйти в синий туман до конца войны,— с лукавой усмешкой вставила Нина Павловна, но так тихо, что ее слова слышали не все, а понял их только Сева.

Он покраснел и снова стал переставлять шахматные фигурки.

— Ой, Катя, как же мы пойдем в синий туман, когда мы решили сразу после войны поступить в медицинский институт! — испугалась Леночка.

— Во-первых, я еще не совсем решила, в какой институт поступать, а во-вторых, одно другому не помещает. Осенью пойдем в синий туман, а зимой станем учиться в институте.

Все заговорили о том, что будет после войны. Сева сказал, что он пойдет в строительный техникум; Колька еще колебался между Горным институтом, литературным факультетом университета и десятком других высших учебных заведений; Костя сказал, что хочет научиться конструировать машины, как Павел Петрович Балакин; Миша и Мингарей тоже хотели учиться. Но до этого было

еще далеко, очень далеко — не завтра и не послезавтра. Завтра они должны были снова стать за свои станки, а послезавтра, может быть, надеть солдатскую шинель и взять винтовку. И они все — они все были готовы до конца пройти славный путь в труде и борьбе, чтобы отстоять свободу и счастье своей страны, чтобы отстоять свое будущее.

— Но все-таки в синий туман мы пойдем, правда? — сказала Катя.

Костя поднял на нее глаза и улыбнулся:

— Ясное дело, пойдем! Время будет — все пойдем! Дай-ка я тамгу спрячу, а то потеряешь...

Зной смягчился. Ветер качнул березы. Прибежала Зиночка Соловьева, нашумела, сказала, что пора начинать игры, и увела ребят туда, где уже били барабаны и ухали трубы заводского оркестра.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Л. Воронкова. И. И. Ликстанов

Часть первая

<i>Глава</i>	<i>первая</i>	
Голубые автобусы		11
«Ну и ворона!»		14
Анкета Кости Малышева		16
Два в остатке		18
В боковушке		21
«Танк пришел!»		23

<i>Глава</i>	<i>вторая</i>	
Шагистый и его хозяйка		26
Нина Павловна		29
На железном листе		32
«Победит»		35
«Уральская каша»		38

<i>Глава</i>	<i>третья</i>	
«Да или нет?»		41
Ужасный резец		46
Суд и приговор		50
Дело на Гималаях		53
Цех за двенадцать дней		55
Профессор и гвоздик		57

В термичке	60
Капризная «рюмка»	62

<i>Глава</i>	<i>четвертая</i>	
Северный Полюс		64
Верхнее общежитие		69
На лыжах		72
Зов тайги		74
Тамга		76

<i>Глава</i>	<i>пятая</i>	
Наставник		81
«Катюши»		83
Тревога		86
Конкурс молотков		83
Неожиданность		92

<i>Глава</i>	<i>шестая</i>	
Где станки?		97
Хозяин станка		102
Клятва		104
«Слабое звено»		110

Часть вторая

<i>Глава</i>	<i>первая</i>	
Вечер		117
Новый год		122
Золотая минута		125
«Малышев — пять...»		128

<i>Глава</i>	<i>вторая</i>	
Кто впереди, кто сзади?		133
Семьдесят пять!		135
Мысль пробуждается		137
Стычка		140
Таинственные дела		143
Катина выдумка		144

<i>Глава</i>	<i>третья</i>	
Жребий		148
«С добрым утром!»		151
Станколом		154
Вражда		157
Спор		160
«Сделай так!»		165
Важное решение		168
Тупой гвоздик		172

<i>Глава</i>	<i>четвертая</i>	
Деспот		175
Искушение		178

Серый пакет	181	Воскресник	209
Тишина	185		
<i>Глава пятая</i>		«175»	214
Крах конспирации	188	<i>Глава седьмая</i>	
Порванная газета	190		
Чудеса	195		
<i>Глава шестая</i>		Перемены	218
Поворот	202	Миллион забот	221
Мир	206	Новый ветер	224
		Со стороны	227
		Одно сердце	231

Часть третья

<i>Глава первая</i>		Вызов	273
Кутерьма	237	Согласие	282
Неудачная съемка	240	«Ты был не лучше!»	286
Один за троих	243	Почет	288
Признание	246	Перед праздником	292
Неслышанное лекарство	249	<i>Глава пятая</i>	
«Я достану!»	250	Атака	297
<i>Глава вторая</i>		В своей бригаде	301
Золотинка	253	Большой подарок	304
Поперечная душа	257	Будь	307
Вахта на 200 процентов	261	Партизаны	310
<i>Глава третья</i>		<i>Глава шестая</i>	
Записка Василия	263	Лесной пробег	314
Голос надежды	266	Радостная встреча	317
В семье	269	Делу венец	320
<i>Глава четвертая</i>		«Какой ужас!»	324
«БРИЗ»	272	<i>Эпилог</i>	
Консультация	275	Сказ о синем тумане	328

ДЛЯ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ

Ликстанов Иосиф Исаакович

МАЛЫШОК

Ответственный редактор *И В Пахомова* Художественный редактор
Н. Г. Холодовская Технический редактор *М А. Кутузова*. Корректора
В. К. Мирингоф и *Е. Н. Трушковская*

Сдано в набор 23/VI 1959 г. Подписано к печати 24/X 1959 г. Формат
84X108^{1/32}—11 печ. л = 18,07 усл печ л (14,39 уч.-изд. л.). Тираж
85 000 экз Цена 6 руб

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер. 1.

Полиграфкомбинат им Я. Коласа Минск, Красная, 23. Зак. № 333.